

НОВАЯ НЕМИГА

литературная

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В номере:

Тамара Краснова-Гусаченко
Александр Кердан
Светлана Макарова-Гриценко
Сергей Донбай
Евгений Степанов
Наш гость – альманах
«Врата Сибири»
Владимир Дражин
Иван Голубничий

2/2023

ISSN 2077-1495

НОВАЯ НЕМИГА

литературная

№ 2 (2023)

литературно-
художественный
журнал

*Издается с 2007 года.
С 1999 по 2006 выходил
под названием «Немига литературная»*

Учредитель, редакция и издатель журнала: ООО «Витпостер»

Главный редактор: АВРУТИН Анатолий Юрьевич

Редакционная коллегия:

Анатолий АНДРЕЕВ, Глеб АРТХАНОВ, протоиерей Павел БОЯНКОВ,
Алексей ВАРАКСИН, Иван ГОЛУБНИЧИЙ (Москва),
Дмитрий ДАРИН (Москва), Светлана ВСЕЕВА,
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж), Владимир МАКАРОВ,
Виктор ПЕТРОВ (Ростов-на-Дону),
Валентина ПОЛИКАНИНА, Елена ПОПОВА,
Иван САБИЛО (Москва), Валерий СДОБНЯКОВ (Нижний Новгород),
Владимир СКВОРЦОВ (Санкт-Петербург), Сергей ТРАХИМЁНОК,
Валерий ХАТЮШИН (Москва), Иван ЩЕЛОКОВ (Воронеж),
Алексей ЯШИН (Тула)

МИНСК

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ	ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО <i>Не придавайте пустоте значения. Стихи</i> 3
ПРОЗА	АЛЕКСЕЙ ФЕДОТОВ. <i>Победитель</i> 9
ПОЭЗИЯ	АЛЕКСАНДР КЕРДАН. <i>В том постигая благодать... Стихи</i> 27
	СЕРГЕЙ ДОНБАЙ. <i>Земное притяжение земли. Стихи</i> 31
ПРОЗА	АНАТОЛИЙ КИРИЛИН. <i>Белая дверь. Повесть</i> 35
ПОЭЗИЯ	ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ. <i>Если так угодно Богу. Стихи</i> 53
ПРОЗА	АЛЕКСАНДР АНДРЮШКИН. <i>Принцип неопределённости. Роман</i> 57
ПИСАТЕЛИ ВИТЕБЩИНЫ	ЛИДИЯ ПИСКУН. <i>Потерянная птица. Стихи</i> 78
	СЕРГЕЙ КРАСОВ. <i>Минька. Маленькая повесть</i> 82
	ТАМАРА КОВАЛЁВА. <i>Хранители. Стихи</i> 110
	ИРИНА БОГДАНОВА. <i>На птичьих языках. Стихи</i> 113
ДРУЖБА БЕЗ ГРАНИЦ	У нас в гостях – альманах «Врата Сибири»
	ЛЕОНИД ИВАНОВ. <i>Тоскова-а-ал! Рассказ</i> 116
	ОЛЬГА ГУЛБГЯЕВА, ЮЛИЯ ЕЛИНА, АЛЕКСАНДР НОВОПАШИН, ИРИНА ТРОФИМОВА, ВЛАДИМИР ШУГЛЯ. <i>Стихи</i> 123
ПОЭЗИЯ	ИВАН ТИТОВЕЦ. <i>Ищу свой путь. Стихи</i> 129
ПУБЛИЦИСТИКА	ВЛАДИМИР ДРАЖИН. <i>Слышать людей</i> 132
ВОСПОМИНАНИЯ	ВЛАДИМИР ЛАНДЕР. <i>Девочка из «королевской деревни»</i> 137
КРИТИКА	ТАТЬЯНА БУРДАКОВА. <i>«Сияющее удивленье...»</i> 147
	ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ. <i>«Засверкают гранями слова...»</i> 156
ЧАСОВНЯ	ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ БОЯНКОВ <i>Минская церковь в честь Казанской иконы Божией Матери</i> 158
НЕМИЖКА	МАРИЯ ЛЕБЕДЬКО. <i>Стихи для детей</i> 161

Издание безгонорарное

Адрес редакции: 220112, г. Минск,
пр. Газеты «Звезда» д. 67, кам. 99, тел. 374-50-60.

Для писем: 220005, г. Минск, ул. Гикало, 18-18.

E-mail: aavrutin1@gmail.com

Стильредактор Г. В. Ширкина.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации РБ.

Свидетельство о регистрации № 1348 от 30.04.2012.

Подписано в печать 16.02.2023. Формат 70х100/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,73. Уч.-изд. л. 12,25.

Тираж 99 экз. Зак. № 138. Цена договорная.

Издатель ООО «ВИТпостер».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№1/98 от 02.12.2013.

Отпечатано в типографии ООО "ЮСТМАЖ",
ул. Калиновского, 6 Г 4/К, 220103, г. Минск
ЛП №02330/250

© «Новая Немига литературная», №2, 2023

Поэзия

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Тамара Ивановна Краснова-Гусаченко – поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор 28-ми книг и многочисленных публикаций в литературных журналах Беларуси, России, Украины, Латвии и др. Полный кавалер государственных наград Беларуси – медали и ордена Франциска Скорины. Первый лауреат Национальной литературной премии Беларуси в номинации «Поэзия», лауреат Всероссийской литературной премии «Русский путь» им. Ф.И. Тютчева. Автор гимна города Витебска. Председатель Витебского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живёт и работает в Витебске.

Не придавайте пустоте значения

Я иду по Витебску на зореньке
И цветов вдыхаю аромат,
Город – под косыночкой лазоревой,
Музыкой берёзы шелестят...
Здравствуй, Витебск,
ты из сказки радужной
Светлых храмов, улиц, площадей,
Я с тобою праздную, и радуюсь,
И грущу, и нет тебя родней.
Ты меня встречаешь всяко-разную:
В боли и страданиях – со мной,
Нынче праздник, я с тобою праздную,
Завтра – труд, и снова – я с тобой.
Все твои проблемы, все старания,
Все заботы, всё-привсё – моё,

И к кому спешить мне на свидание,
Если всё, что люблю, только в нём –
Древнем, мирном, Спасом сберегаемом,
Освященном светом куполов,
И в труде, и в песнях, и в страданиях
Ты во мне, как первая любовь.
Здесь на свет явились сыновья мои,
Внуки... Здесь – земля моих детей,
Здесь рассветы с суженым
встречаем мы,
Что же сердцу может быть милей...
Я иду по Витебску на зореньке
И цветов вдыхаю аромат,
Машет мне рассвет платком лазоревым,
Музыкой берёзы шелестят...

СТЕНА

Господь нас простит,
милосердье не знает границ.
Но сами себя...
Мы не все себя сами прощаем.
Легко тем, кто вовсе
не знает падения ниц,
мятежного духа
страданий без меры, без края...

Нас всех разделяет
стена как незримая нить:
одним – лепетать
и порхать, веселиться, смеяться.
другим – будто призванным
легкость их дней оплатить,
тащить тяжкий воз,
всё осмыслив: бороться, метаться...

И те и другие
уйдут... В лоне тихих могил
под птиц беззаботное
пение, в вечном покое
все-все успокоятся:
те, кто себя не простил,
и те, кто и вовсе не ведал,
что это такое...

НЕ ПРИДАВАЙТЕ ПУСТОТЕ ЗНАЧЕНИЯ

Я вас прошу: в угаре увлечения
Страх отменяя, ложь и суету,
Не придавать пустой молве значения,
Не тратить сил души на пустоту.

Живущим всем однажды суждено
Вдруг испытать в отчаянье глубоко,
Что в смерти и страдании одно
Дано нам: быть одним и одиноким.

У каждой жизни эти даты есть,
Достойные навек застыть в граните:
Одна – рождение, другая – смерть,
А между ними, радуясь, живите

День каждый словно с чистого листа,
Не сдерживая слёз и восхищенья...
А чтобы вас не съела пустота,
Не придавайте пустоте значения.

АПРЕЛЬСКАЯ ВЕТОЧКА

Я – веточка апрельская,
Прозрачная до слёз,
За мною – синь небесная,
А подо мной – мороз.

Ещё ночами холодно,
Но сок пошёл бродить,
Проснулись почки, с голоду
И жажды – просят пить.

Ещё не видно зелени
Нежнейшей кисеи,
А сердцу уже велено
Гнать соки из земли.

Стучи, качай, родимое,
Рождай иную жизнь,
Весна неповторимая
Идёт, звенит... Держись.

И ты глядишь невестою,
Младенчески чиста,
А над тобой – небесная
Такая высота...

ВЫПАЛ СНЕГ

Выпал снег. И не видно дороги.
Люди, где вы? Пусть небо во мгле,
Не робейте, ведь все мы – у Бога
До последнего дня на земле.

Это Он подарил нам рождение,
Смерть, для тех, кто устал, тоже дал.
Всем, кто верит и ждёт, воскресенье
И бессмертие Он обещал.

Что Ему? Может всё. Да, Он строгий,
Только нет Его взгляда теплей.
Час придёт, ты поймешь: кроме Бога
Нет спасения нам на земле.

Всё так щедро дано Им. И много.
Никому не отнять ничего,
Никого. Потому, что у Бога
Живы все. Мёртвых нет у него...

ДУРАЧОК

В нашей деревне юродивый жил.
– Й-ох! — с придыханием он говорил,
С торбой своей по посёлку ходил,
Всё что-то прятал да хлеба просил...
В жизни он больше не мог ничего,
Так и прозвали все Ёхом его.
Дети бежали за Ёхом гурьбой,
Хлеба никто не жалел ему дать,
Часто терял он дорогу домой,
И, отыскав его, плакала мать:
«Жалкий, любимый сыночек ты мой...»
И уводила беднягу домой.
Тихая, кроткая Марья была,
Кланаясь всем, незаметно жила...

Снега под Рождество нанесло...
Ёх заблудился. Его не нашли.
Матери сердце не перенесло.
Люди чужие её погребли.
А растопило сугробы весной –
Все увидали: помилуй же Бог,
С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замерзший нечаянно Ёх.
Тут спохватились: а как его звать?
Имя какое на крест написать?
Так и поставили в жёлтый песок
Крестик с дощечкой:
«Любимый сынок».

«ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО...»

(Св. преп. Серафим Вырицкий, «Духовное завещание»)

– Как нам жить?
На ладони
Снежинка в ответ...
– Как посланье прочесть
и услышать?
Золотой, несказанный,
дарованный свет,
Ни за что ни про что
данный свыше, –
Снег...
Летит...
И плывет мироздания звон
Над ночною
притихшей землёю.
Отражаясь в холодных
глазницах окон,
Вырастает сугроб
надо мною!

Заблудилась... А-у-у-у!
Но не видно ни зги.
Ночь
горящим плащом прошуршала.
– Господи!
Боже мой!
Упаси! Помоги!
– Ты моя...
Разве этого мало?
Разве мало того,
что всегда ты – моя,
От рожденья
до самого края?
Ты – моя! И без страха живи.
Это Я!
Я во всём,
что тебе посылаю...

СИЛА ЖИЗНИ

Любовь жива... Не умерла.
Весной даёт росточек семя...
– Откуда ты, скажи, взялась?
– Из дней лихих, забытых всеми...
Из той беды, из огневой,
Из расколовшегося неба,
Из худенькой руки слепой,
Ей дали камень вместо хлеба...
Все говорили: умерла...

Огнём и молотом ковала
Судьба меня, и я росла,
Как плод запретный созревала.
А силой став, к тому иду,
Кому всех горше и больнее.
Рисуя кровью на ходу
Рябины, клёны...
Жизнь сильнее...

РАДУНИЦА

Заворчат, заиграют апрельские грозы,
И на сёла и пашни прольются дожди,
И забудем до осени мы про морозы,
Про метели и стужи... тепло впреди.

И к родимой земельке склонившись, руками
Буду гладить траву, первоцвет целовать...
Здравствуй, жизнь, здравствуй, небо,
любимые, мама...
В каждой ветке цветущей – вы с нами опять.

Потому так прекрасны сады в этом мае,
И луга золотые, и царственный лес,
Что всем сердцем и памятью вас я встречаю,
И пасхальные звоны несутся окрест.

Вот и Радуница... И от слёз, что вы – с нами,
Что так радостно льётся небес синева,
Разрыдаюсь, заплачу такими словами,
Что при жизни сказать не успела я вам...

Фронтовые письма**1. ПИСЬМО С ФРОНТА**

Жене – из июля 1944 года

Меня не ищи ты среди живых,
Увидеть тебя пытаюсь,
Готов был за маленький, краткий миг
Пропуск отдать от рая.

И видел я: ты, моя радость, бежишь
К калитке, и дети – рядом,
Жадно на почтальона глядишь
Невыносимым взглядом.

С утра и до ночи каждого дня
Ждала почтальона, бежала...
Но... встретился с пулей я, пуля меня
В сердце поцеловала.

Я плыл высоко через снег и мглу,
Кричал вам: «Живой я!» – громко,
А ты за иконы в Красном углу
Прятала похоронку...

Она целовала на склоне дня,
О, как она нас выбирала!
Но выбрала, сволочь, тебя и меня,
Чтоб ты даже не ожидала.

Никто не услышал, как я кричу
Сквозь ветер, снега и ливни.
Я с вами. Весёлый. Гляжу, молчу...
Навек – молодой, счастливый.

Ожог был смертельным, но крепче огня,
Смерти сильней и ада,
Воля моя – возвратиться – была
С Победой, домой мне надо!

Любящий вас Иван

2. ПИСЬМО ПОГИБШЕГО СОЛДАТА ИЗ НЕБЫТИЯ

*9 мая 2020 года, жене и детям в День
Победы над фашистской Германией*

А ты меня уже не жди.
Встречай, родная, День Победы.
Меж нами – годы. Снег. Дожди.
Я не один. Здесь наши деды.

Всё знаю: как тебе – одной,
как холодна твоя подушка,
никто не постучит в окно,
боль – твой помощник и подружка –

неиссякаемая боль:
нет сил, а жить-то всё же надо:
детей оставил я – с тобой,
всё, что имел... Ещё – наград

дадут: посмертную мою –
медаль за битву под Варшавой,
как «День Победы» запоют,
и зацветут сады... Я знаю,

всё знаю: как тебе – одной,
какая стылость дней большая,
всё – на тебе, моей родной...
Я так любил вас, но – истаял

в чужой земле, среди берёз,
в песках, спелёнутый корнями,
и даже всех на свете слёз
не хватит, чтоб вернулся к вам я

из холода могильной тьмы.
Как я спешил домой вернуться,
чтоб дождались меня с войны
с Победой! Нет меня. Проснута

мне не дано. И ты – одна.
Детей поднять... Ведь сил не стало...
Одеть, обуть... Моя война
закончилась. Твоя – осталась.

А я... Давно не больно мне,
ушёл в бессмертье... Говорят,
что всем погибшим на войне
писать любимым разрешат.

Ты там не рвись и не спеши,
не переделай дел, послушай
в рассветах крик моей души:
не бойся, скоро станет лучше.

И обо мне ты не реви,
боль не буди, что я оставил
вас без защиты и любви...
Теперь вот – смог, письмо отправил

по Троице – через сирень...
Гудят, шумят рассветы мая,
я – море нежности моей
тебе и детям посылаю.

Любящий вас Иван

3. ПИСЬМО ЖЕНЫ МУЖУ В НЕБЫТИЕ

Из 9 мая 2020 года

Я знаю, что ты не получишь письма,
Но не писать нет силы.
Нашествие злобы: пурга, зима
Засыпали все могилы.

Из космоса видно же всё давно:
Спутники всё откроют,
К тебе – в черно-белом бегу кино
Навстречу – по полю боя.

Здесь корни берёзы семьдесят пять
Лет – твоим телом обвиты...
О, сколько в земных колыбелях качать
Берёзам своих убитых,

Шуметь по весне молодой листвою...
Не мне тебя гладить рукою,
Склоняться ветвями, любимый мой!
Да я ль не любима тобою?

Зачем под Варшавой, песок обняв,
Лежишь ты в чужих объятьях?
Зачем тебе город, где нет меня,
Нет родненькой старой *маці*,

И дома родимого твоего,
Отца старика, и сада,
Где кровно родного нам – ничего?
Зачем нам твои награды?

Молчишь... Видно, нечего говорить...
А если бы мог ответить,
Сказал бы, как жить, чтоб живыми быть,
Как выжить на этом свете

Я не понимаю уже давно:
Где правда? Где ложь? Где сила?
Я в чёрно-белом живу кино
Скажи хоть словечко, милый!

Там обелиск твой разбит, забыт...
Выходит, ты зря нас бросил?
Кого ты спасал? И за что убил?
Лишь эхом ответит осень...

Отхлещет кровавой рябины гроздь,
Багрово займутся клёны...
Здесь жаждет распятия каждый гвоздь
Ненависти – спасённых...

Но за спиною встает трава,
Вселенная трав. Цунами.
Баюкает память любви листва,
Бинтует рассвет лучами.

И мир распрямляется над бедой,
Ради спасения жизни
Ведут победители вечный бой
За истину... За Отчизну...

С любовью, Мария.

*Редакция журнала «Новая Немига литературная» сердечно поздравляет
своего давнего автора и друга Тамару Ивановну Краснову-Гусаченко
с юбилеем и желает ей здоровья, долголетия и творческих удач!*

ПрозА

Алексей ФЕДОТОВ

Алексей Александрович Федотов – профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск) и Ивановского государственного химико-технологического университета, доктор исторических наук. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Автор свыше трёхсот научных, художественных и публицистических публикаций. Некоторые художественные произведения переводились на китайский, английский, немецкий, испанский, белорусский, грузинский, армянский и калмыцкий языки.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю)

Матрона

Матрона хоть и молодая девушка была, но не переносила, если ее на русский лад Матрёной называли, всегда поправляла. Имя ее с латыни как «госпожа» переводилось; в Риме «матронами» женщин высшего сословия называли. А Матрёна – это что-то матрёшек напоминающее, к чему бы это серьёзной девушке, в графской семье работающей, такое обращение к себе терпеть?

Родители Матроны крепостные были, а сама она родилась в 1869 году, когда крепостного права уже 8 лет как не было, но память о нём ещё жива была. Только вот Матроне нечего было плохого о хозяевах сказать, добрые они люди были. Жила она в отдельной комнате их красивого особняка в Санкт-Петербурге, нянчилась с тремя их детьми.

Графиня её любила. Бывает, купит себе платье, наденет один раз, «не понравится», и няньке своих детей его дарит. А уж правда не понравилось или же это повод девушке подарок сделать – кто же знает? Они почти ровесницы были, и хозяйка со служанкой как с ровней общалась, единственное отличие – графиня на ты обращалась Матроне, а та ее на вы называла.

Особняк у графской семьи большой был – много комнат, залы для приёма гостей. Бывали в нем и балы. Графиня как-то услышала, как Матрона читает

её детям сказку про Золушку, и настояла, чтобы няня пошла на один из балов. «Встретишь там своего принца», – улыбнувшись, сказала. Но не понравилось Матроне на балу – не её это было, она другой жизни для себя хотела.

В свободное время ходила пешком по Невскому проспекту – когда в Александрово-Невскую лавру, когда в Казанский собор. В величественных храмах столицы, слушая красивое пение церковных хоров, девушка молилась о том, чтобы Господь Сам устроил её жизнь так, как она должна быть, – нравится ей в столице, но если надо, она и в деревне готова жить.

Лет ей много уже, хорошо за тридцать, а своей семьи нет. Графские дети как родные, но в глубине души всё равно не пропадало желание родить своих.

«Может ли у меня быть своё семейное счастье?» – спросила как-то Матрона графиню. Та любые вопросы разрешила ей задавать. «А где же ты его найдешь, если только с детьми всегда или в храме, а на бал один раз в жизни пошла и то к стенке жалась? – лукаво усмехнулась хозяйка. – Счастье своё искать надо».

Но получилось так, что не нужно было Матроне ничего искать. В Казанском соборе заприметила она одного мужчину, который нечасто приходил на службы – раз в месяц, может, но так на неё смотрел, что не обратить внимание на него было просто невозможно. Когда она в очередной раз поймала его взгляд, он вдруг направился в её сторону. Оказывается, этот человек случайно приметил её, как-то зайдя в Казанский собор, а потом семь раз приезжал специально в Санкт-Петербург, чтобы снова увидеть незнакомку, хоть дорога и неблизкой была. А заговорить всё не решался – вдруг скажет, что замужем, или не понравится он ей.

Матрона как-то сразу к нему расположилась – легко ей с ним было. Он ещё несколько раз приезжал, а потом сделал ей предложение.

Ни в чём Матрона нужды в графском доме не знала. Но ярче всего отношение хозяев к ней проявилось, когда она захотела замуж выйти. Уже более чем взрослая была, особенно по тем временам: 16 лет в барской семье детьми занималась. Могли бы ей сказать – ну и иди, попробуй, какая она, самостоятельная жизнь, такая ли сладкая. А они ей такое приданое собрали, что другая барышня позавидует: столовое серебро, платья, меховые палантины, кружевные шарфы, самовары, постельное бельё. А ещё – сафьяновая шкатулка, полная золотых украшений с драгоценными камушками. Денег на покупку дома дали.

Муж Матроны, Михаил, из Бологого был. До Питера это если по прямой, то немного больше трёхсот километров, но разве бывают прямые дороги? Поэтому почти 400. Туда молодые и поехали. На деньги, подаренные графской семьёй, купили себе дом. А со временем Михаил рядом второй выстроил – не хотелось ему, чтобы Матрона думала, что он из-за приданого на ней женился, а сам не способен дом для жены и детей построить. До сих пор оба дома стоят, а в них родственники их живут.

Кроме домов Михаил с Матроной имели большое хозяйство. Одних лошадей было больше десяти, пятнадцать коров, овцы, птица, пастбищные луга, засеянная пашня. Работников брали – самими разве справиться с таким объёмом работ?

Дети у них родились – Александра, Мария и Иван. Но жизнь безоблачной не может всегда быть; повернулась она другой стороной и к Михаилу с Матроной, и к их детям.

Михаил

У Михаила до женитьбы на ней жизнь непростая была – к своим сорока годам многое пережил, разных людей видел, на разных работах трудился, в личной жизни не складывалось, достатка не было. Просто так ему до встречи с Матроной с неба ничего не падало. А тут всё сразу – и жена любимая, и приданое по его меркам огромное. О детях он уже и мечтать перестал, а вот родились у него трое деток. «Не может же быть всегда так хорошо», – думал мужчина.

Михаил как-то подошел к Матроне и сказал: «Вот всё думаю, что очень уж у нас гладко жизнь складывается, надолго ли?» Обычно мужчины от женщин, которые такие вопросы задают, отмахиваются, а тут жена от него отмахнулась: «Полно, чего ещё выдумываешь? Других дел нет, что ли?»

А он еще Библию ей начал читать, начало книги Иова: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла. И родились у него семь сыновей и три дочери. Именья у него было: семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц и весьма много прислуги; и был человек этот знаменитее всех сынов Востока. Сыновья его сходились, делая пиры каждый в своем доме в свой день, и посылали и приглашали трех сестер своих есть и пить с ними. Когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал за ними и освящал их и, вставая рано утром, возносил всесожжения по числу всех их [и одного тельца за грех о душах их]. Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем. Так делал Иов во все такие дни. И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господом; между ними пришел и сатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее. И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, благословит ли он Тебя?»

– Ну и где ты у нас семь тысяч мелкого скота нашёл или хотя бы одного верблюда? – перебила его жена. – Хватит надумывать себе, иди лучше делом займись.

Михаил пошёл, но на сердце его было беспокойно. И правда – революция, гражданская война были впереди, потеря части имущества. Что-то и осталось – лошади, коровы, каким-то чудом они не попали под раскулачивание. Сохранила Матрона и сафьяновую шкатулку с украшениями – удалось припрятать её от посторонних недобрых глаз.

Очень переживали, когда храмы начали закрывать. О вере вслух после этого они перестали говорить, даже детям не рассказывали, и те росли нерелигиозными.

А самые большие испытания пришлось на долю их семьи в годы Великой Отечественной войны.

Дети взрослеют

Время шло, дети повзрослели. Александра вышла замуж за лётчика морской авиации и уехала с ним жить в приморский город Ейск в Краснодарском крае.

Иван с Марией в ставший Ленинградом Санкт-Петербург перебрались – город, где их матери когда-то так хорошо жилось. Подумали, что и они там своё счастье найдут.

Первая жена Ивана рано умерла, рак желудка у неё был. Он женился второй раз. Его избранницу звали Евфросиния. Очень добрая, сильная духом, трудолюбивая женщина. У них родился сын Михаил.

У Марии первый брак тоже недолгим оказался. Её муж Пётр, с которым они венчались в Никольском Морском соборе Кронштадта, служил в Кронштадте на подводной лодке. Он погиб перед самым началом Великой Отечественной войны. Мария в это время ждала от него ребёнка. Нацистская Германия уже готовилась к войне с Советским Союзом. В Балтийском море перегораживались проходы, ставились мины с шипами. На одной из таких мин подорвалась подводная лодка, на которой служил Пётр. Сын его, родившийся в роддоме на Невском проспекте Ленинграда, только на фотографии отца увидел...

Война

Оккупация Ленинградской области гитлеровскими захватчиками продолжалась с августа 1941-го до середины 1944-го года. Некоторые населённые пункты (например, Тихвин) были под оккупацией считанные месяцы, другим районам (приленинградская территория) повезло гораздо меньше. За годы войны население Ленинградской области сократилось почти втрое... Военная блокада Ленинграда длилась 872 дня, став одной из самых трагичных страниц в истории Второй мировой войны, показавшей жестокость оккупантов и мужество советских граждан.

Нацистам не удалось прорваться в район Валдайских высот, город Бологое и район не были оккупированы. И тем не менее в городе были укомплектованы партизанские отряды-дружины, истребительный батальон, созданы подпольные группы. В партизанский отряд было подобрано более 130-ти человек. Из этого количества было скомплектовано 2 отряда. Многие из тех, кто был зачислен в эти отряды в конце 1941 года и начале 1942 года, были направлены в тыл врага и действующие партизанские отряды и вели активную борьбу.

Михаил хоть и старый уже был, но тоже ушёл в партизаны. Условия жизни были не для его возраста и здоровья – неотапливаемая землянка в лесу, отсутствие лекарств. Заболел пневмонией, без антибиотиков сам организм с ней не справился. Умер и был похоронен там же, в лесу.

У Марии во время бомбёжек Ленинграда гитлеровской авиацией была уничтожена квартира. Ей с сыном пришлось уехать в Бологое к родителям. Как она потом поняла, потеря квартиры, возможно, спасла им с сыном жизнь. До Бологого меньше четырёхсот километров, но добирались они почти две недели: из-за бомбёжек поезд ехал то туда, то обратно.

Когда приехала в родительский дом, то увидела, что родители лошадей и коров отдали партизанам, а отец и сам ушёл в партизанский отряд.

Между тем враг приближался к Бологому. Молодую мать с ребёнком решили эвакуировать на Урал, где Советский Союз разворачивал военное производство. В одной из колонн машин, вывозивших станки военных заводов, Мария с младенцем поехала в Челябинск. На прощание Матрона сунула внуку в пелёнки горсть драгоценностей из сафьяновой шкатулки, поцеловала дочь и внука...

Подготовка к войне велась Советским Союзом ещё с конца 1930-х годов. Когда подписывался пакт Молотова-Риббентропа о мире на десять лет, советское руководство понимало, что мир будет Германией нарушен значительно раньше. Предполагали, что через пять лет, оказалось, что через два. Но и эти два года активно шла подготовка к войне: практически вдвое выросла численность

действующей армии, порядка 14-ти миллионов человек прошли начальную военную подготовку через организации ОСОАВИАХИМ – Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Начали разворачивать военное производство за Уралом. Но в полной мере подготовиться к войне не успели, поэтому такими тяжелыми были её первые годы для советского народа.

Сейчас людям, избалованным современными удобствами, сложно представить, каково пришлось матери с маленьким ребёнком в дороге. Те несколько пеленок, которые у неё были, она стирала во время остановок у прудов и рек без мыла, сушила прямо на своём теле...

Военный завод, на строительство которого привезли Марию, начинал работать практически в пустом поле под открытым небом. Задолго до того как для работавших на нём появились нормальные бытовые условия, он уже начал выпускать автоматы для фронта.

Марии сказали: «Будешь поваром». Срубили сарай, из камней сложили печь, дали старика-истопника в помощь. А ей нужно было готовить горячую еду для рабочих. Сын рос на дровах у печки.

Вся еда – жидкая каша в виде супа, и той катастрофически не хватало. Мария была очень совестливой, стеснялась пользоваться тем, что работает на кухне, в результате они с сыном были постоянно голодными. Все драгоценности, подаренные матерью, обменяла на продукты на рынке. За золотой браслет с изумрудами и бриллиантами ей дали два килограмма пшеницы и полторы буханки чёрного хлеба...

Но Мария не сдавалась, и они с сыном выжили.

Таня

Война, смерть вокруг, жизнь впроголодь, тяготы – люди со временем и к этому привыкают, начинают думать о том, что занимало их в мирное время. В Челябинске Мария познакомилась с Леонидом. В начале войны он участвовал в обороне Москвы, а потом ему дали броню и отправили главным механиком на Челябинский автоматный завод. Жена Леонида умерла. В Москве у него осталась двенадцатилетняя дочь на попечении его сестры и сестры умершей жены. Он понимал, что с ними в столице девочке лучше, чем с ним на Урале.

От нервного перенапряжения у Леонида сильно болел желудок, главный механик был постоянно бледный и худой. Однако это не помешало ему обратить внимание на Марию. Один раз подошёл к ней, заговорил, второй. Они начали встречаться, а через некоторое время поженились. У них родилась дочь. Ее называли Нелли – так же, как дочь Леонида от первого брака. Это Мария настоящая.

Во время войны сама обстановка заставляла держаться, но после неё напряжение немного отпустило, и язва Леонида обострилась. Появилась угроза прободения. В медицинской части хирургом был пленный немец. Он осмотрел главного механика и сказал:

– Я могу сделать тебе операцию. Но после неё ты проживёшь не больше пяти лет. А ты лучше поезжай в Узбекистан. Там на Памире есть горное лекарство, горный мед, травы. Язва зарубцуется, проживёшь долго, умрёшь естественной смертью.

Леониду не хотелось на Памир, но Марии ещё больше не хотелось, чтобы у нее и второй муж умер. Когда они приехали в Самарканд, то его выносили на носилках – он уже не мог ходить. Рядом шла Мария с двумя детьми.

Мария сняла квартиру. Из горного кишлака к ним приходила узбечка с чёрными тонкими косичками и блестящими глазами. Она приносила больному лекарство, про которое говорил пленный немецкий врач. И больной пошел на поправку. Не сразу, но он восстановился, вновь начал работать.

Сначала на мраморном карьере работал, потом на табачной фабрике. Инвалидом больше себя не чувствовал. Мария была счастлива, что сумела спасти мужа.

У них родились еще двое детей. Самую младшую называли Таня. Эта девочка с большими зелеными глазами чудом осталась жива.

В Самарканде было немало тех, кто ненавидел советскую власть и всех русских. Разгромленное в 1930-е годы басмачество в годы Великой Отечественной войны вновь попыталось поднять голову и вновь было разгромлено. Однако тайное сопротивление продолжалось. Не имея массового характера, оно принимало подчас достаточно трагичные формы.

В родильном доме Самарканда врачом-гинекологом работала пожилая узбечка Олмахон Азамасовна. Олмахон значит красивая, а Азамас – могущественный человек. Красивая ли Олмахон Азамасовна, сложно было сказать – ей уже за пятьдесят было, но волосы она травила в белый цвет, глаза, брови и губы красила, так что можно было её за европейскую женщину принять. Спокойная, выдержанная, лишнего слова не скажет. А отец её был один из видных представителей басмачества, казнённый по приговору советского суда.

Поклялась она тогда отомстить за отца. И, работая в родильном доме, только что родившимся русским детям спринцовкой вливала в желудок сильный раствор марганца. А через некоторое время отсасывала его, чтобы следов не было. Марганец обжигал желудок новорожденного ребенка, из-за ожога пища не могла перевариваться. Ребенка после кормления сразу начинало тошнить. Такую операцию Олмахон сделала 98-ми русским детям. Выжили лишь двое, одной из них была Таня.

Врача-убийцу через этих выживших детей вычислили, судили, приговорили к расстрелу. Но погибших младенцев не вернуть. А Таня всю жизнь мучилась от последствий отравления. Но жизнь ей Господь определил долгую.

Переезд

В Самарканде Леонид с Марией и детьми прожили целых четырнадцать лет. Много и светлого, и тяжелого было связано для них с этим городом.

Они построили добротный дом, во дворе был сад, много виноградных лоз. С одной стороны от дома виднелась водонапорная башня хлопкового завода. А если отойти немного в другую сторону, то там дорога упиралась в крутой обрыв, под которым текла бурная горная река Зеровшан. Через нее был перекинут висячий мост, начинались горы.

Жизнь вроде бы начала налаживаться. Но только вот сын Марии от первого брака начал болеть. У него как раз время полового созревания пришло, и на этом фоне резко ухудшилось состояние здоровья. Часто стал терять сознание.

Врачи сказали, что нужно менять климат, иначе мальчик может умереть. Лучше всего перебраться к морю.

Тяжело было покидать место, с которым столько связано, где двое детей родились. Но Леонид помнил о том, как Мария, чтобы спасти его от смерти, переехала в эти места. А теперь нужно было спасти ее сына, который и ему за столько лет стал родным.

Они поехали в Краснодарский край. Дорога заняла почти месяц – поезда ходили очень медленно. Но все заканчивается, закончилась и эта дорога. Они прибыли в приморский город Ейск, где жила старшая сестра Марии – Александра.

Ейск

Современный город Ейск расположен на северо-восточном окончании Ейского полуострова – месте, где люди обитали уже несколько тысяч лет назад.

Днём основания города Ейска считается 19 августа (31 августа по новому стилю) 1848 года. Основатель города Ейска князь Михаил Семенович Воронцов – новороссийский генерал-губернатор, главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом, наместник на Кавказе, генерал-фельдмаршал. Руководя обширным Новороссийским краем, он проявил себя и как талантливый администратор. По его указанию благоустраивалась Одесса, были проложены дороги в Крыму. Добившись у императора Николая I согласия на основание Ейска, Воронцов до конца своих дней заботился о его развитии. В тот год к Ейску со всей России потянулось множество переселенцев, руками которых и создавался город. Преимущественно это были выходцы из Великороссии и Малороссии.

Были здесь крестьяне и купцы из Ставропольской, Екатеринославской губерний, воронежские и курские жители, выходцы из Бердянска, Таганрога, Мариуполя. О мужестве этих людей, которые прибыли практически в степь, омываемую с обеих сторон волнами моря, можно складывать легенды. Но именно климат, обильные богатые дары моря и плодородные степи за короткое время помогли освоиться переселенцам, наладить свой быт. Изначально среди населения города Ейска преобладали мещане, ремесленники, купцы. Тем не менее большая часть жителей, вплоть до коллективизации, занималась сельским хозяйством. Многие горожане имели большие приусадебные участки, скот, домашнюю птицу, сады и огороды. Огромную роль играл функционирующий и активно развивающийся морской порт. Зерно из Ейского порта экспортировалось в Италию, Англию, Турцию, Грецию.

Уже к середине 1870-х годов грузооборот порта вырос до 5-ти миллионов золотых рублей, а к началу XX века ежегодно через Ейский порт вывозилось более 4-х миллионов тонн различных грузов, преимущественно пшеницы. Уже в 1849 году был утвержден первый Генеральный план застройки города. Главная улица города – Черноморская – была названа в честь войска Черноморского (современная ул. Ленина). Проект предусматривал перпендикулярную перспективу 22-х городских улиц, несколько площадей, а также центральный проспект. В 1854-1856 годах был возведен Гостиный двор по периметру Базарной площади. Фасады сооружения различались декоративной отделкой. 15 декабря 1849 года первый станционный смотритель в Ейске Фесенко открыл почтовое отделение со штатом в 4 человека. 10 октября 1849 года была открыта первая церковь в Ейске во имя Покрова Пресвятой Богородицы, сделанная из деревянного судна. 25 декабря того же года в ней состоялось первое богослужение.

К началу XX века Ейск превращается в крупный центр международной торговли и становится культурным центром Юга России. В 1904 году по инициативе городских властей проводится реконструкция порта, а в 1911 году Акционерное общество Ейской железной дороги, созданное по инициативе городского головы В.В. Ненашева, открывает железнодорожное сообщение.

К 1912-му году население города составило 50 тысяч человек. С 1905 года в городе существовало Общество любителей изящных искусств, устраивавшее концерты и спектакли.

Во время Первой мировой войны в город были эвакуированы поляки, размещался здесь и лагерь военнопленных австрийцев. Значение Ейска как международного порта падает. Через него идут преимущественно тыловые армейские перевозки. После Октябрьской революции 1917 года власть в Ейске переходила из рук в руки в общей сложности шесть раз. На Ейском полуострове было своё противостояние «белых» и «красных». Символом красных являлся город Ейск. Казачьи же станицы Ейского полуострова выступали под белым знаменем. 2 февраля 1918 года в Ейске впервые, но ненадолго была установлена советская власть. Повторно Советы установили контроль над Ейском 28 марта 1918 года.

К моменту, когда в него впервые приехали жить Мария с мужем, Ейск был уже полностью советским городом, как казалось в то время, забывшим навсегда о своей истории.

Иван

Старшая дочь Матроны Александра не спешила с браком. Только в 30 лет вышла замуж. Ее муж Иван, лётчик морской авиации, высокий статный мужчина, очень ей нравился. Ей было спокойно рядом с ним, приятно ощущать исходившие от него силу и уверенность. У них родилась дочь Катя. Молодой семье дали квартиру в Ейске. Но счастье оказалось недолгим. Иван погиб незадолго до начала Великой Отечественной войны при испытании самолетов.

В Ейске проводились испытания самолётов, проектировавшихся знаменитым авиаконструктором Робертом Бартини. Впервые Роберт Людвигович приехал на Азовское море в конце 1920-х годов, отвечал за проходившую на аэродромах Ейска и Таганрога подготовку к перелёту в США туполевского самолёта «Страна Советов».

В начале 1930-х годов понадобился специальный самолёт для Арктики. Тогда Советский Союз осваивал Заполярье. В 1933 году образовали Главное управление Северного морского пути – организацию, наделённую правами наркомата (министерства) и занимавшуюся научными исследованиями в Арктике и экономическим освоением районов Крайнего Севера. Вот ей и потребовался многоцелевой самолёт, способный взлетать и садиться на сушу, воду, снег, лёд, вести дальнюю ледовую разведку, доставлять грузы в поселки и на зимовья. Инициатором его создания был полярный лётчик Б.Г. Чухновский, которому поручили подготовить техническое задание на «Дальний арктический разведчик» (ДАР), а разработкой проекта занялся Р.Л. Бартини.

В 1935 году в акватории города Ейска испытывали ДАР, поднимая и сажая его на лёд. Использовали при этом аэродромы Ейска и Таганрога.

Впоследствии один из участников испытаний, полярный лётчик Анатолий Алексеев вспоминал: «Условия испытаний были трудными. Из-за тёплой погоды лёд в Азовском море интенсивно таял, и потребовалась решительность каждого члена экипажа, чтобы сразу после заводских испытаний в течение ровно трёх часов подготовить самолёт к перелёту Севастополь – Ейск. На следующий день после посадки на лёд в Ейске самолет провалился под лёд, был с трудом вытаскен и после этого летал ещё десять раз. После последнего полёта лодка самолёта проваливалась под лёд ещё семь раз, но благодаря полозьям и только на собственной тяге моторов выбралась без повреждений».

Естественно, что такие испытания самолётов были сопряжены с риском для лётчиков. Александра очень переживала за Ивана, уговаривала его под каким-нибудь предлогом отказаться от опасных полётов, попроситься перевести его куда-нибудь в другое место. Он эти просьбы с негодованием отверг: как он, советский офицер, может скрываться от опасностей? Наоборот, он должен идти им навстречу с высоко поднятой головой. Если хотела, чтобы муж её не подвергался риску, выходила бы замуж за бухгалтера. Впрочем, и у тех свои опасности есть. Главное же – нужны для Родины эти самолёты, чувствует Иван, что в важном деле участвует.

Нельзя сказать, что гибель храброго офицера оказалась для его жены совсем неожиданной, но легче ей от этого не было.

Виктор и Александра. Знакомство

Беда не приходит одна. Не успела Саша оправиться от потери мужа, как новое испытание, выпавшее не только на ее долю, но и на долю всего советского народа, – Великая Отечественная война. Небывало суровая зима в начале войны не обошла стороной и Краснодарский край. Простудилась Катя. Заболела воспалением легких и вскоре умерла.

В 35 лет Александра осталась одна, с воспоминаниями о прошедшем недолгом семейном счастье и полным испытаний настоящим.

Однажды в Ейском порту она случайно встретилась с Виктором Санько, служившим на одном из военных кораблей. Он потерял семью в годы войны. Нацистские захватчики уничтожили целые населённые пункты в Беларуси вместе со всеми, кто в них жил. В одной из уничтоженных вместе с жителями деревень жила семья Виктора...

Общение Виктора и Александры не было долгим, но им его хватило, чтобы рассказать самое главное о себе. Им казалось, что они всегда друг друга знали. Люди, потерявшие всё, как будто обрели новый смысл жить дальше. Не просто выживать вопреки всему, а именно жить.

Но вскоре корабль, на котором служил Виктор, получил приказ покинуть акваторию Азовского моря. Дислокация в Керчь. На прощание они обменялись адресами, пообещав друг другу, что обязательно встретятся.

Оккупация

Между тем события разворачивались так, что враг дошёл и до Ейска. И не только дошёл, но и захватил город.

Необычайно холодная зима 1941 года покрыла Таганрогский залив твёрдым слоем льда. Это создавало реальную угрозу переброски нацистских войск в тыл 56-й армии, сражавшейся под Ростовом-на-Дону. В целях нейтрализации этой угрозы военный совет 56-й армии и флота принял решение для обороны Ейской военно-морской базы прорубить во льду залива полынью около шести метров шириной и около 20-ти километров длиной: от Воронцовского мыса до острова Ейская коса. По всей линии полыньи, которой всю зиму ейчане не давали замерзнуть, была возведена более чем двухметровая ледяная стена.

Эту преграду гитлеровские войска так и не решились штурмовать, однако уже к лету 1942 года Ейск стал прифронтовым городом. После захвата нацистами Ростова-на-Дону советским командованием было принято решение об эвакуации Ейской военно-морской базы.

Нацисты – немецкие и румынские военные части – вошли в Ейск 9 августа 1942 года. Оккупация – трагическая страница истории города. За время полугодовой оккупации нацистами и их пособниками-полицаями из числа уголовников и недовольных советской властью были замучены около 600 человек.

Жертвами стали не только партийные и советские работники, но и дети. Были отравлены газом 214 детей из детского дома, эвакуированного в Ейск из Симферополя, которых не успели эвакуировать перед сдачей города. Больные дети были не нужны рациональным европейцам.

Ейск был освобожден 5 февраля 1943 года 58-й армией Северо-Кавказского фронта.

У пережившей тяготы оккупации Александры наконец появилась возможность попробовать узнать что-то о Викторе, мысли о котором давали ей силы жить среди того ужаса, который на целых полгода воцарился в красивом приморском городе.

Письмо медсестры

В боях за Крым Виктор был тяжело ранен. После ранения попал в госпиталь. Операция, ампутация обеих ног. Воевать он уже не мог, да и в тылу с такой инвалидностью его было не привлечь к участию в трудовом фронте. Скорее о нём надо было заботиться.

Война подходила к концу, куда теперь его забросит судьба? Родные погибли в Беларуси, про Александру после операции он даже и думать боялся, не то чтобы кому-то про неё рассказывать. Виктора отправили в инвалидный дом в один из городов Центральной России, который не был под оккупацией.

После первого шока от ощущения, что теперь он потерял и ноги, Виктор замкнулся в себе. На новом месте целыми днями лежал, повернувшись лицом к стене. На все вопросы отвечал односложно.

Его разговорила медицинская сестра Маргарита – женщина лет пятидесяти, про которую попавшие в этот дом страдания говорили, что она умеет лечить словом. Борис Полевой еще не написал «Повесть о настоящем человеке». А Маргарита Петровна рассказывала потерявшим конечности солдатам об Александре Прокофьеве-Северском, совершавшем боевые вылеты в годы Первой мировой войны с протезом ноги.

В глазах некоторых инвалидов зажигались искры; они начинали думать, что еще не всё для них потеряно. Что если они и не смогут вернуться в строй, то в мирной-то жизни точно смогут себя найти. Были и другие, которые отмахивались от ее слов: не понимает медсестра каково им. Виктор не принадлежал ни к первым, ни ко вторым.

– Нужно понять зачем жить, – сказал он как-то Маргарите.

О Боге в Советском Союзе говорить было не принято. Да и знала ли о Нём сама Маргарита, неизвестно. Но нужные именно для этого почти сломанного жизнью мужчины она нашла:

– Так пойми – ты же Виктор, твоё имя значит победитель. Ты не можешь проиграть свою жизнь. Кто у тебя есть?

Она знала о погибших родных Виктора в Белоруссии, и он знал, что она знает. Поэтому вопрос застал его врасплох, и неожиданно для себя он рассказал ей про Сашу.

– Потерял её адрес? – сочувственно спросила медсестра. – Давай всё же её поищем.

– Да я его наизусть помню! – возмутился инвалид, на миг забывший про то, что он безногий.

– И какой он?

Виктор машинально продиктовал адрес и только потом спросил:

– А тебе он зачем?

– Напишу ей письмо.

– Не вздумай! – вскипел мужчина. – Мало ей горя в жизни было, еще нового не хватало!

– А ты почему так уверен в том, что ты – горе? Может, совсем наоборот. И не только она тебе даст смысл жизни, но и ты ей.

– Не пиши ничего, – устало сказал Виктор. И грустно добавил: – Да если и напишешь – что толку...

...Через три недели Александра получила письмо от медицинской сестры из незнакомого ей города. Ехать ли туда к Виктору, она даже и минуты не сомневалась – конечно, ехать.

Александра и Виктор. Победа любви

Александра приехала в город, где в доме инвалидов был Виктор. Когда ему сказали, что она приехала, то все в его душе всколыхнулось. Но он не хотел видеть Сашу – не хотел, чтобы она увидела, каким он стал. Виктору хотелось её на руках носить, а кто он теперь – безногий инвалид. Категорически не хотел встречаться, хотя Александра в попытках его увидеть в течение двух недель каждый день к нему приходила. И уходила, услышав, что он не хочет ее видеть, чтобы на следующий день опять вернуться.

Ей уже не на что было жить в чужом городе. И в этот момент Саше пришла в голову мысль, как обеспечить свое выживание в это время и гарантированно увидеть Виктора, поговорить с ним.

Она устроилась санитаркой в этот дом инвалидов и уже на следующий день вошла к нему в палату.

Сердце мужчины сжалось, когда он увидел ту, которую полюбил; чтобы она не заметила выступившие на его глазах слезы, он отвернулся к стене.

– Зачем пришла? – глухо спросил Виктор.

– За тобой. Поехали в Ейск.

– Зачем? – ещё глуше спросил он.

– Жить. Вместе.

– С обрубком? – горько спросил мужчина.

– Ты же не сам себя таким сделал. Мы познакомились, узнали друг друга; сказали, что всегда будем друг другу нужны. А теперь – первое серьезное испытание – так ты думаешь, что не нужен? А зачем тогда все наши слова были нужны? Значит, случись по-другому, я тебе была бы не нужна?

У Виктора в глазах мелькнула искра надежды, но он ничего не сказал, а отвернулся к стене.

Но Александра не отступила. Она продолжала работать санитаркой в этом интернате, чтобы каждый день после рабочего дня подходить к Виктору, разговаривать с ним, убеждать, что он ей нужен.

В его потухших глазах начали вновь загораться искры надежды. Но он их тут же гасил, вспоминая о том, в каком состоянии обречён доживать свою жизнь.

«Или продолжать жить?» – пронзило его однажды, когда и спустя полгода Саша не уехала и так же продолжала звать его поехать с ней.

– Ты правда не пожалеешь? – тихо спросил ее Виктор, пристально глядя в глаза.

– Нет, – твёрдо сказала она. – Я тебя не предаю.

– Так нет тут предательства, – сказал мужчина так мягко, как только мог. – Ты молодая, красивая, найдёшь ещё свое счастье.

– Нашла уже.

– Зачем тебе это нужно?

– Потому что я тебя люблю.

– А я не хочу ехать, потому что тебя люблю.

– Будем до конца жизни так здесь жить?

Виктор впервые после потери ног улыбнулся.

Они поехали в Ейск, поженились. У них родились два сына – Алексей и Николай. Оба, когда выросли, стали офицерами.

Дома инвалидов

Как-то (несколько лет после окончания войны прошло) соседка тётя Глаша сказала Виктору:

– Что ты у Шурки обузой на шее висишь? Она баба справная, здорового себе нашла бы, да и помоложе. А ты шел бы в дом инвалидов – государство, видишь, как сейчас о таких, как ты, заботится – само навстречу идет. И ей было бы хорошо, да и тебе неплохо.

Если бы мужчина такое ему сказал, не вытерпел бы Виктор и, хоть и без ног, набросился бы на обидчика. А со старухи что возьмешь? Поэтому не нашедшая выхода тяжесть придавила его к земле.

Александра как только его увидела, сразу почувствовала, что что-то случилось. Он хотел не говорить, но ей разве не скажешь? А когда рассказал, услышал ее слова: «Глашка-то дура, это понятно всем, а ты вот почему такой глупый», – камень с его сердца тут же упал.

Забота, о которой соседка сказала, была такой, от которой прятались. Про то, куда безногие и безрукие инвалиды с улиц больших советских городов как-то быстро исчезли, разное говорили. Да и сейчас по-разному об этом пишут. Кто-то заявляет, что увезли их с глаз долой, чтобы не портили память о Победе да своими орденами и медалями, на изуродованные тела приколотыми, не напоминали постоянно, какой ценой она досталась. Другие, наоборот, разделяли и разделяют точку зрения Глафиры. По их мнению, позаботилось советское государство о тех, кто не щадил себя в годы войны. Определили инвалидов туда, где и уход за ними, и забота, избавили от бытовых проблем и хлопот о хлебе насущном.

Правда – она всегда любых слов сложнее. Государство не обеспечило потерявшим во время войны здоровье героям не только достойную, но и достаточную для существования пенсию. Поэтому и было так много безногих и безруких ветеранов, которые побирались в поездах, у магазинов. А на груди у них при этом блестели боевые награды...

Инвалидов отправляли на проживание в социальные учреждения закрытого типа, многие из которых разместили в бывших монастырях – Валаамском, Кирилло-Белозерском, Александро-Свирском, Горицком и других. Есть публикации, что инвалидов свозили туда фактически на правах заключенных, что в

условиях, когда даже колхозники не имели на руках паспортов, звучит достаточно правдоподобно. По другой версии, основной задачей домов инвалидов была их реабилитация, помощь в освоении новой профессии, например, счетовода или сапожника. Тех, кто социализовался, выпускали, помогали определиться в каком-то городе, трудоустроиться. Случалось, в этих интернатах инвалиды создавали семьи, рожали детей. В Горицах обладавший музыкальным талантом безногий бывший матрос создал хор инвалидов.

Но, безусловно, мало было тех, кто сам стремился в эти учреждения попасть. И если бы Глафире, так легко советовавшей Виктору туда попроситься, самой сказали, что она может туда попасть, то тётка страшно перепугалась бы. Потому что в условиях, когда и так свободы было немного, в этих местах для их обитателей ее было совсем мало, а возможностей для злоупотреблений начальствующих в этих обителях скорби – более чем достаточно. А уж Виктор тем более не хотел бы туда попасть – очень он любил свою Александру, ни за что не хотел с ней разлучаться. Но только в том случае, если он ей нужен. Если бы почувствовал себя обузой для нее, как сказала тетя Глаша, то и дня бы с ней не был. Но Саша умела успокоить его раненое сердце всего лишь несколькими словами, а то и просто взглядом.

Инвалидов порой прямо с улиц увозили, конечно, тех, у кого родных не было, но в нашем мире ошибки не исключены, исполнители очень часто не самые умные люди. Поэтому, пока массовые акции по направлению инвалидов в организованные для них в бывших монастырях интернаты не закончились, из дома Виктор лишний раз старался не выходить. Особенно один. Хотя и знали его в Ейске, но мало ли что?

Семья

Сафьяновая шкатулка Матроны опустела – кое-что она положила в пеленки внука, когда Мария уезжала в Челябинск, а всё остальное отдала партизанам, когда была в отряде. Вырученные от продажи драгоценностей деньги пошли на лечение бойцов, покупку продуктов.

Когда война закончилась, Матрона поехала в Ейск, где жила ее дочь Александр, недавно вышедшая замуж за инвалида первой группы. Туда же перебралась и Мария с семьей из Самарканда. Матрона была мудрой женщиной, она не вмешивалась в семейную жизнь дочерей, старалась только помогать им, чем могла.

Мария с семьей, когда приехали из Узбекистана, нашла приют у Александры, которая с мужем и сыновьями жила в двух комнатах с отдельным входом в жактовском доме. А теперь в этих двух комнатах ютились и ее мать, и сестра с семьей. Было тесно, но как-то всем находилось место.

«Жакт» – одна из аббревиатур советского времени: жилищно-арендное кооперативное товарищество. В этом доме жило 14 семей. У каждой был свой вход. Все удобства во дворе. Двор был большой и уютный.

Дом купить в Ейске тогда было очень сложно – они редко продавались, новое строительство не велось. Сложности были и с работой.

Леонид, который привык к ответственной работе, чувствовал себя очень неудобно, а потом и совсем отчаялся, начал выпивать. За два квартала от их дома был ресторан «Юг», в буфете которого он стал завсегдатаем. Однажды Виктор дополз туда, дождался, когда Леонид выйдет. Тот вышел покурить вместе с мужиками. Инвалид подполз к нему и при всех сказал:

– Если ты так себя ведёшь, то можешь не волноваться. Хоть ты в два раза выше меня и стоишь на ногах, у тебя есть руки и ноги, а у меня только руки... я своих двоих детей и твоих пятерых прокормлю, можешь не волноваться...

После этого у Леонида как отрезало – больше он на спиртное даже смотреть не мог. Так сумел повлиять на него Виктор.

Леонид устроился на бондарный завод, Мария нашла работу в магазине. Через некоторое время Леонид с Марией смогли купить дом.

Но и после этого иногда в праздники всей роднёй собирались вместе. Виктор очень хорошо играл на скрипке и на аккордеоне. Леонид брал свою младшую дочь Таню за руку, и они танцевали модные в те времена польку и краковяк. Леонид очень хорошо умел отбивать чечетку, в свое время выступал в разных клубах Москвы.

Очень разные люди, с по-разному сложными судьбами, но жили между собой дружно. Жизнь научила их ценить то небольшое хорошее, что у них было.

Матрона, единственная из них, которая когда-то имела то, что можно было хоть условно назвать богатством, говорила детям и внукам:

– Это всё проходит. Богатство, оно сегодня есть, а завтра его нет. Иногда нужно и по доброй воле от него отказаться, бывают в жизни такие моменты. А вот отношения между людьми, особенно родными, – это то, что надо уметь ценить.

Самая большая награда

Александра, когда сестра с семьёй стали жить отдельно, часто говорила Марии:

– Пусть Таня у нас поживёт.

Мария соглашалась: у них семья большая, а у сестры своей дочери нет, она племяннице больше, чем родная мать, внимания уделит. Девочка жила у тети Шуры и дяди Вити подолгу.

Как-то Александра открыла шкаф, долго что-то в нем искала, а потом достала какую-то коробочку и позвала Таню:

– Иди, что покажу.

Девочка подошла. В коробочке был орден. Тетя Шура положила его себе на руку, и Тане показалось, что из всего множества красных оттенков у этой звезды цвет человеческой крови.

Тогда она не могла ещё это сформулировать, но на уровне чувств накатило ощущение того, сколько миллионов людей погибло в Великую Отечественную войну, сколько пролито крови было за Родину, за долгожданную победу.

Виктор в это время сидел на диване. Он как-то отрешённо посмотрел на орден и начал говорить то, что раньше никогда не говорил при Тане:

– Меня представили на звезду Героя. Но она много льгот дает. Вот и дали её штабные другому – которому, на их взгляд, нужнее...

– А как такое может быть? – удивилась девочка.

– На этом свете многое может быть, – горько усмехнулся мужчина.

– А тебе обидно было?

– За себя? Тогда нет. Орден тоже достойно. Обидно было за тех, кто так сделал. Но ведь сейчас моя Александра получает от государства по уходу за инвалидом только пять рублей... А мне дают бесплатно кожаный мешок... А колодки для рук я сам мастерю...

Кожаный мешок выдавался безногим инвалидам – до времени, когда им станут выдавать автомобили, еще нужно было дожить...

– Но государство ведь тебя наградило? – широко открыв и без того большие глаза, спросила Таня дядю Витю.

– Наградило. Но не государство.

– А кто?

– Не знаю. Жизнь, наверное. Она дала мне самую большую награду, которая только может быть.

– Какую?

– Сашеньку, – сказал инвалид, и взгляд его глаз, до этого колючий и отрешённый, сразу стал теплым.

Потеплел взгляд и у Александры. Она погладила племянницу по голове:

– Жизнь жестокая порой бывает. Но она же и дает нам то хорошее, ради чего стоит терпеть все остальное.

Муж

Виктор хотя и был без ног, но не давал себе никакой поблажки, старался жить так, чтобы Александра всегда чувствовала, что у неё есть муж, на которого она может во всем положиться и опереться.

Он постоянно работал. Сам сделал всю мебель, и не лишь бы какую: искусный столяр и резчик, Виктор мастерил её так, чтобы было красиво. Хорошо рисовал, и на стенах висели написанные им картины.

Сам шил себе рубашки на ручной швейной машинке. А вместо брюк у него были кожаные мешки.

Ночами сколачивал ящики для почтовых посылок, которые Александра продавала на базаре.

Много рыбачил, что было большим подспорьем.

Виктор очень дорожил тем, что жена не просто не отказалась от него безногого, но и оказалась так настойчива, и родила ему двух сыновей. Ему очень хотелось, чтобы семья ни в чем не нуждалась.

При этом бытовые условия крайне сложные. Водопровода во дворе не было. Водопроводная колонка была за два квартала. Обед готовили во дворе и весной, и летом, и осенью; только зимой в комнате.

Александра рано утром уходила продавать почтовые ящики. Чтобы натопить комнату, нужно было принести уголь из сарая, который находился в конце двора. Чтобы добираться до него, нужно было преодолеть почти 50 метров.

Когда Саша уходила, Виктор брал пустое ведро, выползал во двор. Бросал пустое ведро по направлению к сараю. Подползал к нему и опять бросал. Добраться до угля было сложно, но еще сложнее был путь обратно – с ведром, полным угля. Его приходилось уже не бросать, а поднимать на вытянутую руку и осторожно переставлять. Этот ежедневный путь он проделывал, чтобы затопить печь, чтобы в комнате было тепло, когда Саша вернется.

Таня смотрела иногда, как безногий Виктор в своем мешке идёт (хотя и безногий, но ощущение девочки было именно таким, что идёт) по улице рядом с Александрой, держа ее за руку, и думала: вот бы у неё был такой муж. Ну и что, что у него нет ног, зато как же он любит свою жену, сколько в нем внутренней силы, воли, жизнелюбия, доброты, никакие жизненные трудности не могут его сломить.

Рыбалка

Раннее утро, еще только начинает светать. Берег лимана. До города Ейска, омываемого Таганрогским заливом Азовского моря и Ейским лиманом, сравнительно недалеко. В нескольких метрах от воды стоит маленькая двухместная зеленая машина, называемая в народе «инвалидкой» и «горбатой тарактелкой». Но её хозяин – безногий мужчина, расположившийся с удочкой у самой воды, – вовсе не испытывает каких-то отрицательных чувств к своему «железному коню». Его лицо избороздили морщины, каждая из которых напоминает о том или ином жизненном испытании, ни одно из которых не смогло его сломить. На нем сшитая им самим рубашка, а вместо брюк кожаный мешок – единственное, что до недавнего времени выдавало государство инвалиду первой группы, герою Великой Отечественной войны. Но вот в прошлом году он получил эту машину, чему был несказанно рад. Она дала возможность передвигаться самостоятельно на большие расстояния, которой долгие годы у него не было.

На рыбалку он ездит вместе с племянницей жены – девочкой лет двенадцати. Они выезжают около пяти утра, а возвращаются домой только вечером.

– Дядя Витя, клюет, – радуется девочка.

– Хорошо, Таня.

Мужчина с доброй улыбкой смотрит, как она уже привычными движениями достает удочку с серебрящейся добычей из воды. Рыба – большое подспорье в их жизни; на рыбалку они едут как на работу. Вечером после рыбалки они запа�аются приманкой: Виктор копнет землю, а Таня выбирает червей. У него очень сильные руки, благодаря чему он и без ног справляется со многими бытовыми сложностями.

Однажды в комнате, где они жили с женой, произошла поломка электричества. Люстр тогда не было, жили бедно. Просто висел электрический шнур, а на нем лампочка. И что-то в патроне сломалось. Александра пошла за электриком.

– Не надо, Шура, я сам отремонтирую, – хотел остановить её муж, но женщина, махнув рукой, ушла: как он доберется до такой высоты?

Таня тогда была у них и стала свидетельницей того, как Виктор придвинул к столу табурет, прыгнул на него, с табурета прыгнул на стол. Лёг на стол, рукой поднял с пола табурет, установил его на столе, запрыгнул на него. В карманах рубашки был припасён весь необходимый инструмент. Он отремонтировал повреждение, ввернул новую лампочку, спустился тем же способом, каким забрался. Когда Александра с электриком пришли, свет уже горел.

Тане нравилось разговаривать с Виктором – строгим, но справедливым. Он не любил рассказывать про войну – слишком многое пришлось пережить тогда. Но ребенку сложно объяснить, как тяжело бывает ворошить некоторые воспоминания.

– Дядя Витя, а расскажи про войну, – просит Таня.

Виктор укоризненно смотрит на нее, вздыхает, но начинает рассказ...

Стихотворение

Таня с горящими глазами слушала Виктора, а потом вдруг встала и как-то торжественно произнесла:

– Дядя Витя, а я хочу тебе стихотворение прочитать.

– Что за стихотворение? – удивился мужчина.

Стихотворения Редьярда Киплинга «Заповедь» было написано в 1910 году, Михаил Лозинский перевел его на русский язык в 1936 году. Это был первый

перевод этого стихотворения на русский, некоторые до сих пор считают, что он не только самый удачный из переводов, но даже лучше оригинала. Но Таня не была литературоведом; стихотворение она хотела прочитать потому, что, как ей казалось, оно созвучно жизненному пути Виктора, которому недаром медсестра Маргарита сказала, что имя его значит «победитель». Выучить длинное стихотворение наизусть стоило ей немалого труда, важно было не сбиться и не перепутать слова.

Поэтому она отмахнулась нетерпеливо на вопрос, что за стихотворение, и сразу начала читать:

*Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;*

*Пусть час не пробил – жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.*

*Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;*

*Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.*

*Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том.*

*Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»*

*Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;*

*Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!*

...Виктор задумчиво слушал девочку, голос которой при чтении дрожал и ломался. По его щеке стекла слеза, он тут же вытер её рукавом, сделав вид, будто что-то попало в глаз.

– Спасибо! – только и сказал он в ответ.

Александра и Виктор прожили вместе долгую жизнь – больше тридцати лет.

...Виктор умер перед Новым годом, всего пятнадцать минут не дожидаясь до него. В этом году должны были снести их дом. В многоэтажке в центре города им с Александрой обещали дать отдельную двухкомнатную квартиру. Но поскольку он умер, то дали ей однокомнатную...

Александра без него как-то сразу постарела, пригнулась к земле. Начала болеть. Сын Николай приехал за ней и забрал к себе в Чернигов.

– Я была здесь очень счастлива с твоим папой, сынок, – сказала она, перед тем как они навсегда уехали из Ейска, и на глазах её выступили слезы.

– Я знаю, мамочка, – тихо ответил Николай и отвернулся, чтобы мать не увидела, что офицер плачет.

Вместо послесловия

Татьяна Леонидовна Белкина вспоминает: «Скоро мне семьдесят, седина покрыла мою голову. Сколько мне Бог послал? Но послевоенные годы, очень трудные, я с теплотой вспоминаю. Вспоминаю бабушку, вечно работающую мать, доброго отца.

Помню и Виктора Санько. За много лет памятник на его могиле обветшал, но «девочка с большими глазами», как он меня называл, все исправила. Сменила и памятник, и ограду. Но главная память – она в сердце.

Сердце девочки с большими глазами и седыми волосами ноет, память не умирает...»

Поэзия

Александр КЕРДАН

Александр Кердан родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Координатор Ассоциации писателей Урала, член Союза писателей России. Доктор культурологии, кандидат философских наук. Автор 79-ти книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Стихи и проза Кердана переведены на английский, болгарский, испанский, итальянский, азербайджанский, белорусский, хантыйский, якутский, киргизский, коми и другие языки. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

В том постигая благодать...

НА ПОЛЕ БРАНИ

Даны, как будто в наказание,
Воспоминая о былом.
В них продолжают страдания,
И всё растёт обиды ком.

Нет ничего для нас важнее пока,
Чтоб наш язык не превратился в «языка»,
Чтобы врагами не был взят в полон,
Замучен, лютой смерти предан он.

Их ворошить – такая мука,
Но позабыть не можешь ты
С любимой женщиной разлуку
И вдрызг разбитые мечты.

Мы породнились воинской судьбой,
Он как солдат встал с нами в ратный строй,
Мы нашу память общую храним –
Его на поруганье не дадим.

И водка – яд в прозрачной склянке –
Не исцелит сердечных мук,
Пока не явится, как ангел,
К тебе любовь иная вдруг,

Чтоб, победив, он процветал в стране
С другими языками наравне,
Вобрав в себя и драматизм, и боль,
Надежду славил, веру и любовь...

Чтобы улыбкою одною
Перевернуть твоё житьё,
Мгновенно заслонив собою
Всё то, что было до неё.

...Всё это будет после, а пока
Мы в бой идём за право языка
Собой остаться подлинным, навек,
Покуда дышит русский человек!

РОДИТЕЛИ

Меня без отца подняла и взрастила,
Примером служила весь век...
А семья посеявшего отпустила –
Нестойкий он был человек.

У возраста одно лишь преимущество,
Оно зовётся опытом, когда
Оцениваешь годы как имущество,
Утраченное раз и навсегда.

Она отпустила, а я – через годы –
Всё чувствую зябкую связь.
С отцовской нестойкостью алчу свободы,
Срываюсь и падаю в грязь.

О сколько же раздарено, растрчено
Улыбок, обещаний, юных сил:
Не выполнил того, что предназначено,
Возможностей так много упустил.

Встаю – видно, с рода не знать перевода,
Да, тяжёлый такой перевод...
Ведь матушка тянет меня к небосводу,
Отец прямо в бездну зовёт.

Теперь душа за прошлое цепляется,
Хотя устремлена в тугую высь,
Где вечностью все чаянья венчаются,
Где предстоит совсем иная жизнь.

И я – их потомок – в борьбе бессловесной
С судьбой – беспощадной, как плеть,
Всё силюсь подальше держаться от бездны,
Чтоб к небу однажды взлететь.

Счастливая, наивная, беспечная,
Как солнечное лето в детсаду...
Где ждёт тебя такая радость вечная,
Которой и метафор не найду.

Судить никого не имею я права.
Ответчик себе и истец,
Стою, озираясь: вот матушка справа,
А слева – незримо – отец.

А может, вопреки всем ожиданиям,
Окажешься – представить страшно, как! –
На скользких перекрёстках мироздания
Совсем один, и слаб, и бос, и наг...

НА БАЛУ

*«И какая-то грусть нарастает
С четырёх неизвестных сторон...»
Г. Горбовский.*

Вчера я побывал в другой эпохе,
Как будто с корабля попал на бал...
Бал в самом деле был, и я в итоге
На этот бал действительно попал.

Потом умолк оркестр, погасли свечи,
И от парадной развезли гостей...
Всего один такой счастливый вечер,
А впечатление, будто жизни всей

Шитьё, и веера, и кринолины –
Всё подлинное, выше всех похвал...
Блистали эполетами мужчины,
И каждый строгой выправкой блистал.

Увидел многогранную картину:
Эмоций всплеск – рассвет, зенит, финал...
И ощутил себя я тем мужчиной,
Что на балу судьбу свою искал.

И барышни кружились, словно ветер,
В сиянии алмазов и одежд.
И в каждой было нечто – я заметил –
Для воплощения сладостных надежд.

Нашёл или нет – значения не имеет.
Бал состоялся и окончен он...
И только аромат забытый веет
И нарастает с четырёх сторон.

Облаков меха с опушкой алою
На кафтане неба голубом...
Дарит утро счастье небывалое,
Будто бы на бал сейчас пойдём,

Где гостей встречают по нарядам
И приём торжественный такой...
Я гляжу на мир глазами чада:
Что за чудо будет день-деньской!

Он подарит встречи и улыбки.
Вот уже и первая зажглась...
Даже если все мечты – ошибка,
Радуюсь: а жизнь-то удалась!

Выпьешь кофе – жить охота,
Хоть совсем не кофеман,
Но неведомое что-то
Запах кофе дарит нам.

Может, жажду приключений
Или память о былом,
Где в какой-нибудь кофейне
Мы с любимой кофе пьём.

Это ведь не чашка чая,
На которую зайти
Вдруг подруга предлагает
Где-то после двадцати...

Это просто – чашка кофе,
Не сулящая любви...
Это – передышка вроде,
Где с друг другом мы на «вы».

Но уже витает нечто,
И уже плетётся нить
Недомолвок бесконечных –
Быть роману или не быть...

И горячим ароматом,
Пробуждающим сердца,
Полнить сердца каждый атом –
От начала до конца.

Господь – наместник тишины
Возвышенной и строгой,
Внимать смиренно учит ны
И говорить немного.

Дав мудрость, чтобы сопрягать
Вниманье с говореньем,
В том постигая благодать,
Сиречь – благодаренье

К Нему – создателю всего
От альфы до омеги...
Он – мой Отец, я – сын Его,
И присно, и вовеки...

УЗЕЛОК ДЛЯ ТЁТИ РИММЫ

Тётя землицы мне взять наказала,
Горсточку милой уватской земли –
В Малом Нарысе, на родине малой,
Где её детские годы прошли.

Ссылка – для взрослых –
и спецпоселенье,
А для ребёнка – везде как в раю...
– Мне бы припасть к той земле
на мгновенье,
К сердцу прижать ридну неньку мою...

Просьбу я выполнил: вот – узелочек
С бурой, прогорклой сибирской землёй...
Только одна недолга: и захочешь –
Не передашь его тёте родной.

В Киеве тётя свой век доживает,
И между нами – война и беда.
Землю в платочке храню и не знаю,
Этот подарок вручу я когда...

Дал бы Господь одолеть супостата,
К тёте приехать, отдать узелок,
Крепко обняться, как было когда-то,
Чтобы никто разлучить нас не смог!

ОМСКОЕ

Я снова в Омске. Здесь – мороз
Румянит лица горожанам.
К лотку с хурмой почти примёрз
Торговец из Азербайджана.

Обледенелая хурма
Сластит, и не горчит рябина,
Здесь урождённая, она
Хурмою вряд ли заменима,

Как всякий, кто не сибиряк,
Сибиряку – едва ли ровня...
Пылает солнце в небе так,
Как раскалённый уголь в жаровне.

Вбираю всей душой денёк,
Вдыхаю грудью воздух стылый
И, от прозренья недалёк,
Хочу припомнить всё, что было

Вчера, как будто не со мной, –
Прошло лет восемь или десять.
И я другой, и Омск иной,
И не о чем страдать и грезить...

... Нарву рябины на вино,
Куплю хурмы обледенелой...
О том, что было так давно,
Грустить, и впрямь, пустое дело.

А жить пора единым днём,
Благодаря судьбу за это:
И Омск – при мне, и я – при нём.
Вот всё, что нужно для поэта.

Что счастливому счастья желать?
Что голодному пайку сулить?..
Надо жизнь словно дар принимать.
Надо жизнь как пристало прожить.

Коль получится, ты – человек.
А не вышло, кому же пенять?..
Дан тебе на Земле этот век:
Ни добавить к нему, ни отнять.

Пред женской красотой,
как юноша, бессилен...
Не отступавший пред врагом в бою,
Смотрю на облик твой,
как небеса красивый,
И словно вижу молодость свою,
Вдруг воплощённой
в этом дерзком взоре,
Бровей разлёте, трепете ресниц,
Взирающей без всякого укора
На павшего пред ней сегодня ниц...

О, красота, ты, словно суд, бесстрашна,
Вольна казнить и миловать шутя,
Ты как огонь, что вырвался, опасна,
Наивна, словно малое дитя.
Дай мне душевных сил посторониться,
Взор отвести хоть на короткий миг,
Чтоб вновь мечтать,
терзаться и стремиться
Увидеть вдохновения родник!

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Под зонтиком укрывшись от дождя,
Глядели мы с тобой в глаза друг другу...
О, как прекрасно, милая подруга,
Глядеть вот так, глаза не отводя.

И видеть мир, и понимать без слов
Всё то, что было, что когда-то будет...
За что осудят люди – дождь рассудит!
Как жаль, что он закончиться готов.

Но всё равно, пусть промелькнут года,
Нет повода пенять на век короткий:
В глаза друг другу мызираем кротко,
А с неба льёт весёлая вода.

Поэзия

Сергей ДОНБАЙ

Сергей Лаврентьевич Донбай родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово. Автор четырнадцати книг стихотворений, вышедших в Кемерово, Москве, Красноярске. Публиковался в литературных журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Петровский мост», «Русское эхо», «Литературная Феодосия» и др. Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры России, награжден почётной грамотой Президента России. Секретарь и член приёмной коллегии Союза писателей России, Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерово.

Земное притяжение земли

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Город побелили –
Выпал снег.
Парикмахер лилии
Рисует на лице клиента!
Груда белья ломкого
В комнате морем запахла –
Застыли колени и локти
Плоских рубах, штанов.
Падает верхний, верхний и
Снова падает снег!
В улицах длинных сверстники
Мои молодые седеют...
Колокол сердца! Колокол! –
Ровный, спокойный обычно –
Так запыхался около
Левой моей руки!..
А где-то в лесу родился
Поздний шарик смородины;
Жук проползавший ему удивился,
Но никому не сказал.

КОСТЁЛ АННЫ В ВИЛЬНЮСЕ

Молочные реки и с неба манна
Не пошатнули земных основ.
Встретилась церковь «Святая Анна» –
Ах, глаза! – продолжение снов.

Кому-то приснилась такая радость
В средневековой родной глуши.
Вот и живём, этой радостью раясь, –
Ай да сон! – продолженье души.

Душой или той же рукой, что гладил
Ночью, когда называл своей,
Встал поутру и любя изладил –
Аве! – доченьку всех церквей,

Над нею, конечно, присмотр
всегдашний
С неба... но так облака спешат –
Кажется, падают, падают башни...
Ой, уронишь! – нельзя дышать.

ХРАМ

Лето учит издалёка
Лёгкую наметить связь.
Жёсткой каплей кровохлёбка
Над травую запеклась.

Вздогнет веточка летяги,
Словно мысль, на ветерке.
И слеза древесной чаги
У берёзы на щеке.

Косогор дождя грибного
С шумом в небыль перейдёт.
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озарённый весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невольно прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

И отныне в любом уголке позаброшенном
Осеньется наша с тобой нищета –
Боже мой, Боже мой, наравне, как положено,
Золотым троеперстьем большого креста!

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Одинокая нота
Веселится в полях,
Ей одна лишь забота:
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Одинокая нота,
Но не грустно отнюдь.
Ничего ей не надо,
Ничего не отнять.

Словно ей: то ли дело
Под прицелом стоять,
Безрассудно и смело
Палачам напевать.

Одинокая нота
Далека, но близка.
И плывут отчего-то
Хорошо облака!

Может всё что хотите,
А всего лишь одна.
Словно ангел-хранитель
Беззаветна она.

Одинокая нота:
Ля-ля-ля, ля-ля-ля! –
Беззаботно свобода
Распевает моя.

Нет у меня ничего,
Только наш русский язык.
Голос его вечевой
Нас собирает за миг.

Нет у меня ничего.
Только опять и опять
Русской тоски волчий вой –
Нечего больше терять...

Нет у меня ничего.
Только наш русский орел,
Клекот двуглавый его
Вновь нас куда-то завел.

Нет у меня ничего.
Только хоть как мы живи,
Нам освещает чело
Русская свечка в крови.

Нет у меня ничего.
Только наш русский исток
Передаёт ручейком
Вечный земли шепоток.

Нет у меня ничего.
Только наш русский язык
Вещим своим рычагом
Все поменяет за миг.

Скука... Теннис до упаду
По хвоинкам на столе.
Старый дождик пойман в кадку.
Лето правит на земле.

Костяники три икринки,
Душно в папоротниках.
Хлебный квас из потной кринки –
Не напиться им никак!

Дышат солнечные пятна
Заслезившейся смолой.
И, покачиваясь пьяно,
Крупной мухой стонет зной.

Сосны сбрасывают шишки,
По затылку норовя,
Чтоб не знала передышки
Жизнь беспечная моя!

Чтобы верить – было вправду
Это с нами на земле:
Лето, теннис до упаду
По хвоинкам на столе.

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

СИЛИЦА

Когда попутный ветерок поднимется,
Ей улететь бы и не жить во лжи.
Душа легка... Но существует силица
Земного притяжения души.

Неведомая, собралась по капельке,
Где, не гордясь собою, весь народ
Спокон веков на кладбище, на паперти
Нелишнюю копейку подает.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гроза догоняет грозу.
Сто молний в минуту блистает
На небе вверху и внизу,
И ночь непроглядная тает.

Едва поднебесный фонарь
В ночной погружается дёготь,
Как громы берётся громарь
За ниточки-молнии дёргать.

От них приседает земля,
Деревья дрожат, как подранки,
И воет железо не зря
Со страху на автостоянке.

И землю нагорный потоп
С небес, как возница, бичует! –
Во время библейское, чтоб
Почувствовал каждый, ночует.

Большая ночная гроза.
И страшно, и сыро, и сиро...
Вершится на наших глазах
Прообраз творения мира.

*Раньше было хорошо,
а будет ещё хуже.*

Неправду Европы сразит Русский кнут,
Ей будет – в который раз – гитлер капут!
Европа не села за парту,
Забыла урок Бонапарту.

И в небе московском забыла салют
Страны, повалившей тирана.
Не выучила, где её предадут,
Прикрывшись щитом океана.

Настанет Европе – зеленский капут!
Жалей не жалей джевелины.
Из-за океана опять предадут,
Прикрывшись щитом Украины.

Кому-то не нравился Русский уют.
Комфарту Европы приходит каюк.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

Поднимаю жизни грядки,
Дюжу как могу.
Собираю слов огарки,
Раздвигаю мглу.
И пока могу я с вами
Чувствовать и знать –
Что не передать словами,
Силюсь рассказать.

Это химия или чудо?
Или шелест букв?
Что откуда, что откуда –
Прилетает звук.

Продолжается упрямо.
И пока не стих,
Знать не знамо, знать не знамо –
Возникает стих.

ПОКАЯНИЕ

Вот я иду:
молодой, разудалый да ладный.
Время вокруг мне как раз –
и не шире, не уже.
Каждому встречному друг я
и каждому равный.
Впрочем, как все мы
в надежном Советском Союзе.

Время сменилось.
На мне поменялось время.
Реки разумно текут, как текли,
слава Богу...
В дебрях тайги
та ж забота у всякого зверя...
Птицы небесную знают,
как знали, дорогу...

Горы стоять продолжают
надежно и долго...
Замысел помнит звезда
и горит по команде...
С места не сдвинутся,
как ни толкай их,
береза и ёлка...
Время на мне поменялось,
да будь я неладен.

МОЛИТВА О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

Воспевает он не звонко
Кареглазого лосёнка,

Не жалеет тот копытца,
Чтобы облаку напиться,

В песнь о матери великой
Вплел полянку с земляникой,

Скажет утром он: чи-ри, –
Понимают воробьи,

Разузорит слово светом
По святой Руси приметам,

По отчизне он поёт,
Жемчуг с глубины достает,

Чтобы сбылись дни весны,
Спи, подснежник мой, усни,

Сон баюкает тайга,
Ни гу-гу, ни га-га-га...

В Беломорье, на Урале
И в моей Сибири – сплошь

Утоли Моя Печали –
Помолись за Колю тож!

**СПЕЦИАЛЬНАЯ НЕВОЕННАЯ
ОПЕРАЦИЯ**

Артисту закончить безславно.
Сбежавший, предавший людей
Нарцисс наш от телеэкрана
По-царски достоин плетей.

Да чтобы наглядный сей шопинг
Онлайн по стране и вовне
Пришелся всё больше по... оной,
По оной, а не по спине.

Не гладить его ледорубом
Да и не ссылатъ на Кавказ –
По-сталински слишком не грубо,
По-царски же будет – как раз.

Проза

Анатолий КИРИЛИН

БЕЛАЯ ДВЕРЬ

Повесть

Глава пятая

Когда-то, во времена не столь давние, в моем родном городе на площади Октября, между бывшим Домом культуры меланжевого комбината и первым жилым домом по проспекту Калинина, росли три яблони. Без возраста и времени, помнящего их зернышками. По инерции. Росли себе и росли. И цвели каждый год в отведенное для этого время. Никому не мешали: дом на этом пятачке не выстроишь, кафе-ресторан не откроешь. Но шло время, и год от года они стали казаться все более неуместными. Ладно бы речь шла о людях случайных, посторонних, а то ведь и я стал думать о них как о некоем инородном теле – гнутые, корявые, дуплистые. А напротив аллея новых пирамидальных тополей.

И вот однажды... Тополя оказались не при чем. Вместо двух спиленных яблонь поставили коммерческие киоски, уродством своим соперничающие с невозможными клетями на задах скотного двора. И я ужаснулся себе! Ведь я же не зря знал о них, помнил все время, кидал взгляд в их сторону, когда ехал на велосипеде от Потока до Старого рынка. А кто-нибудь из вас знает, что от Потока до Старого рынка можно доехать ни разу не крутнув педали? Да, так устроен наш город, так он катится сверху вниз, и я вместе с ним, потому что я придумал эту дорогу через год после того, как придумали велосипед. Или через два – неважно. Потому что за все время этого дурацкого прогресса у меня было несколько машин. Они или проданы со стыдом тайного убийцы автомобилями, или обрели естественную смерть за поскутиной позадидедовой деревенской усадьбы.

А велосипед цел и, можно сказать, невредим!

– Совесть, говоришь? Увы, эта штука всегда приходит с опозданием. Те яблони – твоё время. Цвет сошел – год прошел. При чем тут совесть? Жалость? Тоже ерунда. Есть хорошее слово – жаль! Как там у твоего любимого Астрова из «Дяди Вани»? «С каждым днем земля становится все беднее и безобразнее».

– Я верю в чудо!

– А я верю в чушь! Единицы понимают, что это и есть величайшее из чудес!

Окончание. Начало в №1.

Доктор участливо поинтересовался, не мешает ли мне хрип деда. Я решил, что здесь, среди молчащих фигур, мне тоже отвечать не обязательно. Между тем у меня перед глазами поставили дополнительную перегородку, и соседом занялись врач и три сестры. Я догадался, что ему меняют искусственную трахею на трубку большего диаметра. Ну, не из-за меня же, на самом-то деле! Просто дед в любую минуту мог захлебнуться в собственных мокротах.

– Что, дед, полегчало? – спросил я притихшего соседа, когда волшебники в белых халатах скрылись за дверью служебки.

Дед молчит, дыхание вроде ровное. Вот те на! Теперь мне никакого ответа не дожидаться. Для меня они постарались, как же! Раньше я хоть нос его с трубкой видел, а теперь лишь морщинистую пятку.

– Дед, ты подожди! Ты вон сколько прожил, поживи еще чуть-чуть! Ты заглянешь по ту сторону, ну, ненадолго, на чуть – и расскажешь мне, как она выглядит – Арктида, первородина человечества, колыбель, откуда явились прапрапрапрапраправые твоей изрезанной временем пятки. Говорят, некоторым Арктида открывается в первые мгновения попыток перехода отсюда – туда. Но ты же вернешься, дед, ты только заглянешь! Иначе как я узнаю?

Смирненное сопенье и едва уловимый клекот.

Дьявол побери! Я бегу! Я никогда не был знаком с техникой бега, даже от обязательной школьной стометровки сумел отвертеться. Я не ускоряю шага, не сгибаю руки в локтях, но как же еще можно назвать этот мой поход? Да-а-а... Фрейд считал, что бег во сне символизирует половой акт.

В Ивана Павловича точно бес вселился, он пожелал продолжать свой день рождения, пока не объедет все замечательные места Москвы, где можно отыскать свежих девочек с какой-нибудь экзотической начинкой или хотя бы приправой. Фантазии у него было с избытком, а вот остатка жизни вряд ли хватило бы даже при его небывалом умении обгонять весь транспорт столицы.

Только я-то здесь при чем? Мне не хватало подушек, чтобы как следует заткнуть уши, свернувшись на выделенном мне диванчике.

– Ну-ка, девчонки! Парню нужна инъекция жизни! Что он у вас тут от скуки подышает?

И я уходил во дворы топтать листья, которые изо дня в день издавали под моими башмаками все более безнадежные звуки.

И боже мой! Я знал в те минуты дорогу отсюда! Вслед за поэтом повторял: «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто». Я действительно слышал, я, правда, знал. До меня долетал голос моих яблонь и звуки растекающейся по губам ночной ягоды!

Но я с бульдожьим упорством таскался за Иваном Павловичем и его компанией по кабакам и всякий раз требовал, чтобы платить доставалось мне. Причем в любом заведении к концу вечера официанты, звериным чутьем угадывая, у кого здесь настоящие деньги, обращались исключительно к нему. А еще у Ивана Павловича появилось любимое развлечение: едва обосновавшись за столиком, он собирал вокруг себя как можно больше народу. Это не составляло никакого труда, потому что в каждом ресторане его знала как минимум половина посетителей. И все охотно откликались на приглашение.

– Вот, братья мои пустоголовые! Полюбуйтесь, как пьют настоящие русские мужики. Заметим, из Сибири.

Мне подносили на маленьком хрустальном подносыке хрустальный же фужер, объемом точно повторяющим дорогой каждому широкому русскому сердцу граненый стакан, и я выпивал его залпом без закуски.

– Иван Семёнович, – фальшивым голосом циркового импресарио обращался ко мне Иван Павлович, – вы готовы к продолжению турнира? – И не дожидаясь ответа: – Пускай это будет форой, не было никакого фужера, начинаем с нуля. Итак, желающие!

Желающих почему-то не находилось, и тогда Иван Павлович предлагал в качестве форы выпить мне второй фужер. Слава богу, до этого не дошло ни разу. Однако водку в продолжение вечера мне наливали вдвое больше, чем остальным.

– Ты где так ее жрать научился? – спросил он меня в один из первых аттракционов.

– А я и не умею, потому она не знает, что со мной делать.

Врал я, конечно. Заработанное на калымах мы пропивали с яростью пролетариата, ненавидящего деньги, как инструмент эксплуатации трудового народа. Правда, обычный пролетариат столько не зарабатывал, поэтому и выпить столько не мог. Ну и не станешь же объяснять московскому полупопику, гуляке и бабнику, что питье крепких напитков требует, помимо всего, здоровья? Вся калымная братия города Барнаула знала, что мы с бывшим футболистом Толякой Брыкиным без передыху укладывали в фундаментные ленты по десять КАМА-Зов бетона.

И кто мне объяснит, какого лешего я месяц без малого не отлипал от Ивана Павловича? Однажды, когда его квартиру после шумного вечера наконец-то освободили погоны и регланы, он сел напротив меня, приблизившись насколько можно, и абсолютно трезвым голосом сказал:

– Надоели!.. Потерпи еще чуть-чуть.

Тот год был на редкость грибным. Наш начальник стройки, он же прораб, главный инженер, мастер, короче – Юрий Иванович, вытащил из вагончика панцирные сетки от кроватей и устроил из них сушилка для грибов.

– Домой привезу! – потирал он руки. – Галка с ума сойдет – это вместо обычного пузыря-то!

Одну из этих сеток в тот пьяный вечер, когда Таня Пирогова вывела меня подышать, я, не заметив в темноте, перевернул. И мы ночью собирали грибы! И ягоды! Вы же помните!

Чужие голоса преследуют повсюду. Я же не тебя вспоминал, зачем тогда?..

– Еще заметила, что меня везде сопровождает информационное поле. Вот пример. Вчера села писать эсэмэску одному мальчику про китайский язык (учить его захотел), и сразу же на НТВ пошел сюжет про китайцев, которые живут в России. То есть только подумаю о чем-то – сразу прилетает дополнительная информация. Я ощутила, что подсознательно начинаю контролировать мысли, слова... Не дай бог подумать о плохом! Я даже слова выбираю позитивные, чтобы ушло в космос только хорошее.

Я раньше такого не встречала в своей жизни. И в связи с этим меня осенило: может, у тебя тоже так? Может, чем больше ты глаголешь о плохом, тем больше его становится?

Возможно, мы перешли на очередной виток развития сознания, только никто об этом не рассказывает в новостях?

А тут днями меня пронило. Жил ты себе тихо-спокойно – как получалось жил. И не глючился ни по какому поводу. И тут я вперлась в твою жизнь, и пошла-поехала ломка. И глючит, и колбасит, и ответов нет. И хочется, и колется, и не знаешь, что делать. А ответ-то прост как белый день! Ты выкини меня из

башки – и все снова встанет на свои места. Не надо будет ни думать, ни решать, ни ломать, ни строить. И я все правильно пойму и судить не буду...

Я купил себе японскую куртку на синтепоне: холодно стало в моей прежней. И тут понял, что это единственная и последняя покупка для себя из всех заработанных за полгода денег.

Неожиданно я получил приглашение в дом к своей бывшей. Через Ивана Павловича. Зачем ей это надо? Из-за непонятных расстояний Москвы пришел раньше времени и застал в квартире одного хозяина.

– Последние штрихи для праздничного стола, – объяснил Радик отсутствие жены. – Скоро будет. А мы пока, чтобы не терять время...

Он достал бутылку и – вот придумать же, разгадство! – налил мне огромный фужер под самый обрез.

И тут я не выдержал:

– Слушай, ты, космонавт из тарелочки, а тебе известно, что я всего лишь подсобный рабочий на стройке – землю копать, бетон месить, грузы стропить... И вообще никакой я не Саша, а тот самый бывший муж твоей жены, кого бы ты, точно, видеть в этой своей жизни не хотел.

– Я догадывался, я чувствовал, – забормотал он.

– Чего ты догадывался? Вам же в голову не придет: если нормальный человек появился в вашем доме, он уже никогда не покусится на ваше имущество, пусть это будет даже женщина, с которой он когда-то задышался в объятьях. Вы сами воры по сути своей, так и норовите что-нибудь друг у друга стянуть... Саша! Сына своего так назовите, хорошее имя.

И тут он кинулся драться.

Подошедшая вскоре хозяйка застала меня сидящим на диване, а своего мужа у меня под задом в бельево диванном ящике. Он никак не хотел там утихомириться – ну не связывать же хозяина в его собственном доме! Я пообещал прибить крышку гвоздями намертво, с тем и ушел.

Любить нельзя много. Любить нельзя часто. Любить нельзя ни умно, ни глупо, ни каким-либо другим образом...

Ну, кто там провозгласил, что лишь благодаря узам любви наша жизнь перестает быть кратким эпизодом и обретает смысл вечности?

Это все от слабости, это от бессилия, это от невозможности захотеть вдруг – и сделать это!

Я вчера влюбился – бред, вранье, сказка про аленький цветочек, начатая с конца!

Я мало молитв помню, но почему-то все время повторяю слова из колыбельной, которую моя давно забывшая все на свете жена сочинила сыну:

– Мальчик мой! Не теряйся в ночи!

Таня! Танечка! Танюша! Ты рассеяна по белу свету! Я не разменивал тебя, не тратил по мелочам! Я не разносил твои запахи по безумным своим походам, не развеивал медные волосы по шалым ветрам. Я просто увидел тебя, но не нашел. У меня было мало времени и у меня оказалось его так много!

И кто-то вероломный поместил тебя во все, из чего создан этот мир!

Я иду по Москве, в новой куртке, свободный и счастливый. Мы неделю не виделись с Иваном Павловичем, я попросту не выдержал, сбежал от него. Одна-

ко он каким-то фантастическим образом отыскал меня. И вот я отправляюсь по указанному адресу.

– Эй, дядька!

Меня окликает человек как минимум вдвое старше меня. Видок еще тот, не иначе только что с гор спустился. У нас дома их много, соседи. Республика у них теперь. Своя.

– Алтаец, что ли?

– О! Как узнала?

И он взялся оглядывать себя, будто табличку искал, где написано, кто он такой есть. Со смеху помереть! Малахай с лисьими лапами, какое-то подобие стеганого халата, мягкие сапоги с галошами. Вообще-то можно еще с казахом спутать. Кто не разбирается толком.

– Мне, дядька, больница нада...

– Так их тут немеряно.

– Мне особо нада, вот.

Он протянул бумажку с несколькими строчками, среди которых я разобрал слово «Бурденко».

– Ясно. Тебе лучше всего к постовому подойти, так-то хрен кто скажет, тут все вроде нас с тобой, приезжие – или гордые старожилы. Понял?

– Понял.

– А что ж ты в такую даль приехал, у вас там шаманы, говорят, лучше всяких докторов лечат. Чего к шаману не пошел?

– Это которые экстрасенсы, что ли?

– Тыфу ты! – махнул я рукой, утверждаясь в мысли, что уголков с нормальной человеческой жизнью уже не осталось нигде. – А мы все равно рванем в Шамбалу! Точно, горный орел?

Иван Павлович насовал мне денег в карманы – на билеты до дома. На первый случай, до зарплаты.

– А я бы все равно рассказал ему, кто ты есть на самом деле: с друзьями нельзя иначе.

Это, понятно, о моей бывшей и ее нынешнем.

– Странная у вас тут дружба... А во-вторых, не я этот цирк затевал. Ладно, проехали! Как там моя землячка, встречается?

– Галина-то? Это отдельное собрание изящной словесности. Я ее прописал у людей в Крылатском, нормально с меня взяли, не постеснялись. А через несколько дней – вестовой к ним из местной власти. Вас сносят, здесь будет строиться какой-то спорткомплекс. А это что означает? Каждый законно прописанный гражданин имеет право на собственную жилплощадь. Ей, как минимум, надлежит получать однокомнатную квартиру. Хозяева ко мне с отступными – давай назад ее забирай, хоть за тройную плату. Я-то что, пожалуйста! Только паспорт с пропиской уже не в моих руках. А она – девочка не дура...

Московская квартира прямо с неба! Ха! Вот они, провинциалы!

– Слушай, я сейчас загнусь от восторга! Это вас-то, жучар московских, так обусть! Давай я следующую вам подвезу! Да я готов вернуть все твои червонцы и топать до Барнаула пешком, чтобы больше времени хохотать было!

– Если уж о червонцах – это я вернул твои. Ты полный дурак, но парень неплохой. Я тебя к делу не зову, не будет из тебя дела. Меси свой бетон, меньше яду хапнешь. Кстати, вот тебе для смеха еще: она с меня за ночь по четвертаку берет.

С этими словами он отвел меня на кухню, где посреди помещения стояли две огромные запечатанные коробки.

– Здесь еда, вкусная, считай – подарок к Новому году. Одну тебе, другую – на телевидение, сам знаешь кому.

– О-о-о! Ковровая дорожка с бриллиантами!

– Нет, ты точно дурак!

И тут – о диво! – я впервые увидел, как он улыбнулся. И ведь действительно, до того в голову не приходило, что он никогда не улыбается. Улыбка у него оказалась такой детской, беспомощной, удивленной. Вот пришел к тебе Дед Мороз, вытащил из мешка огромного робота, напичканного электроникой, – мечта любого мальчишки. А ты ждал щенка, ты слышал, как родители обсуждали новогодние подарки, укрывшись в спальне. И слышал про щенка...

– У меня в Долгопрудном дочка живет, Даша. Верить-нет – мне никто на этом свете больше не нужен!

Глава шестая

– Сынок, ты помнишь эту колыбельную? Мама ее пела тебе, когда ты уже был большой. «Мальчик мой, не теряйся в ночи!»

– Нет, папа, не помню...

Я придумал этот город!

Я придумал дом под названием «небоскреб», который не выше обычной хрущевской пятиэтажки. И сами хрущевки в небывалом количестве придумал я. Если, допустим, начать сносить их такими же темпами, как в Москве, две трети барнаульцев окажутся без жилья. Я придумал яму в районе улиц Гоголя и Короленко, куда скатывается весь холод с городских проспектов и переулков и все выхлопные газы. Я придумал закуток в старом деревянном доме на улице Никитинской, где можно с товарищами хоть сутки напролет играть в карты и пить портвейн. И никто никогда тебя не погонит оттуда. И полицию не вызовет. Я придумал новую архитектуру, когда на самом высоком месте города построили самые высокие дома. И стало казаться, что эта нависшая над проспектом Красноармейским громадина рухнет однажды и погребет под собой полгорода. Я придумал Светку с улицы Пушкина, 62 и сам себе воткнул в ногу нож, чтобы показывать потом друзьям, как пострадал за любовь от местных Светкиных ухажеров...

Вот я и услышал наконец!

– Да что ты мог здесь придумать, послевоенный выкормыш, когда город старше тебя почти в пять раз!

А вы, господа материалисты, головы разверните, устали, поди, глаза носить с одной стороны! Я родился в бараке где-то в районе улиц Червонной и Бриллиантовой (а вы говорите, у советских чиновников не было чувства юмора!). Так вот, интересно, был бы я, если б не было барака? А с другой стороны – был бы барак, если б не было меня? Для вас все вроде здесь очевидно, да так ли это на самом деле?

В общем, вы пока посомневайтесь, а я скажу следующее. У всякого из вас есть право придумать себе все что угодно, город в том числе.

Только чур, я первый!

И еще. Для чего мне придумывать то, что, может быть, давно уже придумано? Вы, может быть, это хотите спросить у меня? А вот об этом потом. И я буду помнить – за мной должок!

А голоса с небес все не дают покоя.

– Ах, белые штаны! А у нас дождик. Хорошая московская погодка: плюс 23–24 и легкий летний дождь. Зовут в Калининград погостить. Может, съезжу. Там тетенька живет из моего далекого прошлого – из юности. Мамина подружка! Давно зовет на море, а я все никак не соберусь. А ведь интересно: Балтика, янтарь, дюны, анклав...

Просматриваю списки вакансий (приходят автоматически с кадровых сайтов), каких только профессий нет! Даже и не думала, что такие могут быть. А на самом деле, скорее всего, сидят в носу ковыряются. Я долго привыкала к стилю работы местных офисов. Те, кто профессионально пашет, считаются идиотами, и от них стараются скорее избавиться... Ленивый день сегодня! Все вроде прибрала в доме, но вот до стола руки так и не дошли – бардак еще с твоих пор. Да и ладно, мелочи жизни!.. Да, все забываю тебе сказать: тут уже девочки в очереди стоят «на мальчика Мишу». Хочешь не хочешь, в разговорах с очень близкими подружками мелькает твое имя и, естественно, все спрашивают: а нет ли у него сына? Так что можно и для Миши найти московскую девочку.

Истерзанной душе всегда не хватает одного – любви!

– Я тебе двести раз произносила фразу: «Еще никто не умер от недостатка секса, умирают от недостатка любви», но ты все время пропускал ее мимо ушей и спорил со мной, когда я пыталась объяснить тебе, что надо научиться любить. Ты же все время говорил, что искал любовь. А раз много искал, значит, так и не находил. Хотя «научиться» – звучит плоско, это не математика. Ничего случайного, как известно, не бывает. Вот я и думаю, почему у нас с тобой так – то потухнет, то погаснет, встречаемся, расстаемся... И так всю жизнь. Какой такой закон драматургии управляет нами? А мозг мой, словно диаграмму, рисует эпизоды наших встреч, четко совпадающие с теми периодами, когда воды двух морей раздвигаются и образуется дорожка суши, по которой можно идти. Значит, для чего-то это надо.

А годом раньше:

– Я прям встала и нервно стала ходить по комнате. «Ой» – это единственное, что я могу сейчас произнести. Этого просто не может быть. Я сейчас просто умру. Нет, любимый, мне это никогда не приходило в голову. Не знаю, что тому причиной. Ой, просто как ливень! Ты столько на меня орал, что я уже хотела было сделать себе харакири. Вот уже реву. Наверное, со мной следует говорить так, как в этом вчерашнем нашем разговоре. А по-другому, похоже, до меня тугο доходит. Спасибо тебе. Я ошарашена... и счастлива!

А Таня сказала тогда, – запомнилось вот! – у нас, говорит, телочка родилась, забавная такая, чистенькая и вся белая, как молоко! И мама ее Муркой назвала! Мама, говорю, так же только кошек называют! Нет, Мурка – и никаких!

– Слушай, дед, ты ведь родился в начале века, того еще, когда атеистов не было. То есть были придурки среди всяких там ученых, но ты ж не ученый... Стало быть, ты с рождения знал, что душа вечна, хотя смерть – единственная безусловная реальность. Вы же не кричали на всех углах, что земная жизнь – это прихожая во Дворец Христа, а просто жили, чтобы за прихожей было что-то. Иначе в чем смысл жизни? Атеизм, говорят, произошел от ужаса, что придется давать ответ за все свои земные деяния... Ты кивнул мне, да? Ах, дед! Хорошую тебе трубку поставили!

– Тогда восклоните головы ваши, ибо наконец приблизилось избавление...

– Дед! Ты чего? Какое избавление?

Я приподнялся на своей койке насколько смог и увидел, что сосед мой все в том же состоянии. Кома.

– Кто здесь? – обратился я к пустому пространству.

Тишина.

– Иван Семёнович! – донеслось из небытия. – Тут хотят забрать три вишневые двери. По четыре штуки за каждую.

– Отдавай, чего спрашиваешь?

– Так дешево вроде...

– Пойдет. А белая с серебром?

– Стоит, не трогали пока.

– Во-от. Пускай стоит.

Мне ни разу не пришел в голову вопрос: не потеряют ли меня? А, собственно, кто? С сыном и так неделями не видимся. На работе... Уже потеряли. И что? А кто-нибудь из шестидесятилетних вообще когда-нибудь, выходя из дому, задавал себе вопрос: он назад домой вернется? А если да, то зачем?

Был такой древнеримский ученый Колумелла, – его почему-то даже и философом не считают, а так, аграрником, специалистом по орошению, – вот он хотел видеть человека, который знает. Который хочет. Который может. А более поздний философ Печчели уточнял или, если хотите, развивал эту формулу следующим образом: может, но не хочет, потому что не знает.

Думаю, второй или не знал много чего, или лукавил. Хочет, потому что не знает – вот это будет правильно. Богатство, власть, сила, честолюбие, прочие амбиции – все хотят и никто не знает, к чему все это приведет. Тот же Печчели задает страшный вопрос, на который ни сам и никто другой не знает ответа: что следует за полным расцветом могущества?

Из трех моих яблонь осталась одна. Киоски, в которых жарили куриц и торговали колониальными фруктами, снесли, и там теперь пусто. Три яблони в центре города – интересно, кому-нибудь приходило в голову, что это тоже архитектура? А я загадал на эту последнюю. Не скажу что.

Мы строим мост через маленькую речушку, протекающую в двух десятках верст от Барнаула. Все как в жизни: речушку и в половодье не разглядеть, а сооружение, чтобы переехать через нее, потрясает масштабами. Надо съездить к маме – год работай, чтобы скопить на билет. Надо выйти за угол в булочную – побрейся, вымой голову, выбери одеколон...

Лютый мороз – землю под фундамент можно выбирать только в мерзлом виде. Мы закутаны и замотаны во что попало, как немцы в походе на Москву. Работаем. Натыкаюсь своим отбойником на какую-то жилу, оказывается, это подземный узел, куда сходятся сточные воды со стоящих наверху скотных дворов. Я – космонавт-водолаз, плаваю в огромной луже дерьма, по глинистым откосам скользят мои товарищи, пытаюсь меня вытащить. Цепляюсь за крюк лебедки бульдозера, выбираюсь. Заработал полдня отдыха.

Я не женат, хотя давно забыл свою бывшую. Ту, первую бывшую. Правда, она меня никак забыть не хочет. У нее многочисленная родня в Барнауле, старенькие уже почти все, помирают один за другим. И вот она почему-то решила, что

я должен присутствовать на всех без исключения похоронах ее родственников. Неважно, знал я их при жизни или нет. Прихожу с парой гвоздик – шепотки за спиной. Вот что ей надо!

Живу в гостинице, это в родном-то городе! Родительский дом теперь далеко отсюда. Наверно, скоро сниму квартиру, надо будет съезжать, потому что директор заведения направил мне последнее предупреждение по поводу неуместного оптимизма моих многочисленных гостей. Во Всеобщей декларации прав человека про меня сказано сплошь и рядом, про него, директора гостиницы, ни слова, а он...

Да, я все еще не женат на женщине, которая родит мне сына. И умрет, не дожив до его десятилетия. Потому что ее постоянно будет преследовать Таня Пирогова!

Нет! Ерунда! Это я вру, это я придумал только что, чтобы придумать – как и многое из якобы случившегося со мной. Сильнее всего она смеялась, когда я врал. Это был настоящий смех, без истерики, без горечи, без досады. Никогда не понимал, чего тут такого смешного?

Мальчик мой! Не теряйся в ночи!

Суббота. Надо сегодня поужинать пораньше, иначе в ресторане начнется обычная выходная лабуда с бесконечной лезгинкой и песней, любимой всякими народами: «Ах, какая женщина, какая женщина!»

На подоконнике возле женского туалета сидела Нинка. Просто сидела. Просто курила. Просто не было того десятка (или чуть меньше?) лет, когда она вместе со своей подругой и по совместительству моей женой умчалась в Москву за счастьем. То есть – как будто не было. Мне показалось, что на выпускном вузовском вечере она была в этом самом платье. Нинка сидела спиной ко всему миру: дорогие кольца, дорогие сигареты, дорогие туфли. В эту минуту мне казалось, что только Нинка и могла вот так сидеть – вызывающе беззастенчиво поставив ноги на общественный подоконник. Мне удобно – и идите вы все...

И тут я вспомнил песенку, которую она с подружками пела на школьных концертах. Папа у Нинки был директором музыкального училища, и она умела играть на фортепиано и хорошо пела. А в песенке были такие слова: «Четыре неразлучных таракана и сверчок». Может быть, песенка так и называлась.

Потом, через годы и годы, она мне скажет:

– Господи! Никак не пойму, что тебе мешает жить нормально? Вот перечисляю все твои качества и не могу среди них отыскать такого, которое стало бы основой для твоих несчастий. Не может быть так, чтобы романтичный, умный, честный, открытый, веселый, добрый и заботливый притягивал к себе неприятности с такой силой! Так не бывает! Или ты от меня скрыл что-то существенное... Хотя я же не совсем дура, чтобы это «что-то» не вычислить. Ну, не вижу я в тебе проблемности. Скажи сам, чего я не доучла? Понимаю, каждый получает свою порцию граблями по фейсу – за свои ошибки.

– Ты? – спросила она, будто мы расстались не далее как вчера. И тут же опомнилась, бросилась мне на шею с ревом: – Ты-ы!!

Потом мы сидели в банкетном зале, где у ее брата была свадьба. На нее-то и прилетела она из Москвы.

Мы нахально целовались прямо за праздничным столом, а ее мама все время шипела:

– Нинка! Ты не забыла, у кого сегодня свадьба?

– А! Идите вы все! – послала она родственников и потащила меня к выходу.

На первом же лестничном пролете, ведущем в гостиницу, меня окликнули:

– Иван Семёнович, вы не забыли, что у нас посещения посторонних лиц разрешены до одиннадцати?

Перегнувшись через перила, Нинка объявила:

– А мы и до одиннадцати... – И она произнесла словечко, после которого уронили очи долу даже выдавшие виды вышибалы.

Закрывшись в номере, мы страстно целовали, ласкали друг друга, и при этом каждый целовал и ласкал кого-то другого. Мы к сему дню сожгли по куску жизни и теперь дожигали остатки угольков от этого куска. Вы думаете, это можно сделать мгновенно? Увы, не всегда.

Утопая в алых омутах, я почему-то цеплялся за одну и ту же дурацкую мысль – вот сейчас очнемся и запоем дуэтом: «Четыре неразлучных таракана и сверчок!»

Глава седьмая

В своем уголке на Октябрьской площади я решил собрать несколько дорогих мне вещей. Я нашел в шести метрах от уцелевшей яблони колодец с крышкой, точно подходящей по величине к той, старинной. Однажды ночью я найму машину и поменяю их. Ведь от этого никому не станет хуже, не правда ли? Жаль, невозможно перетащить сюда тот камень из черного габбро. И двери мои не приспособишь никуда, разве что предложить их хозяину кафе, разместившегося в подвале ближайшего дома. Дверь бы как раз смотрела на яблоню. А еще можно ночью же, потихоньку, посадить здесь маленькую рябину, я даже знаю местечко в лесу, где ее выкопать. Вряд ли кто посмеет навредить саженцу! Со временем вырастет в большое дерево, в точности как на углу моего дома. Когда осень, облетают листья и ветки склоняются до земли под тяжестью ягод, все говорят, что зима будет лютая, поскольку природа обильным урожаем ягод готовит спасение птицам. Ерунда! Много лет наблюдаю за рябиной – не совпадает.

Мой знакомый психиатр-психолог замечает, будто бы это я музей сам себе создаю.

– А зачем? Ты что, так и не понял, что я ухожу отсюда насовсем?

– Тем более. Тебя нет – а память жива. Памяти как свойству мозга никто ведь не доверяет, вот и стремятся нагромоздить чего-нибудь осязательного да основательного. Не вспомните так – потрогайте!

Он почти прав, этот самозванец-недоучка! Только он не учитывает одного, пожалуй, главного: здесь все – сплошная память обо мне!

Звонок.

Почти триста километров, а слышно, будто человек рядом. Там есть девочка Оля, которая была рождена назло мне, вернее – обстоятельству, когда у меня родился сын. Хотя после рождения первого ребенка Олиной мамой прошло уже шестнадцать лет и следующий не предполагался... Олина мама, – это звонит она, – романтическая странница, в своих мечтаниях она уводит нас поочередно на все, какие есть, края света. Иногда так убедительно фантазирует, что я просыпаюсь и иду в ванную смывать с себя пляжный песок Желтого моря.

– Дорогой! – говорит она нараспев. – Я иду из церкви, молилась за нас, поставила свечку за твоё здоровье. У нас ночью прошел ливень, и воздух пахнет горами... Валя, отложи две пары носков сорок второго размера. – Стало быть, она идет вдоль рыночных рядов (я помню этот рынок, он тянется посреди села). Носки, естественно, мужу. – Ох, сказать так много хочется, но телефон... А элек-

тронной почте я не доверяю. Представляешь, мне в последнее время видится домик в маленькой совсем деревне, на окраине, возле леса, и мы там живем: ты, я и Оля. И здорово так... Я всю жизнь буду мечтать об этом. А что тебе лучше прислать на день рождения? Я пришлю эмэмэску, ладно? Ты же их получаешь? А почта... Брат у меня вот идет по улице, видит, кошки сокупаются. Он их снимает на сотовый. Потом присылает мне по электронке. Зачем, спрашиваю. А это, говорит, жизнь. А ты наденешь свою черную куртку и идешь мрачным пятном. Вот и подруга мне: ты чего такая в Барнаул приехала ненакрашенная? Да вы тут в куче и накрашенные-то незаметны. Улыбаться не умеете. Я тоже, кстати, редко улыбаюсь, только тебе... Сколько, Валя, это будет стоить? Пятьдесят рублей? Да, я подсчитала, по двадцать пять за пару...

Мы с Нинкой неделю не расставались ни на час. Я уже решил, что меня уволили и мост через речку-вонючку будут достраивать без меня. Как мы находили места, где можно было заниматься любовью, — это отдельный разговор. Мы жили будто бы в последний раз. Завтра закончится все! Но если б кому-то — постороннему или нам самим — пришло в голову назвать происходившее с нами любовью, мы от души хохотали бы. Я и сейчас не знаю, что это было.

Последний день. Аэропорт. Ресторан. Мы никакие. В обнимку проходим в самолет. Надо отметить, что в то время еще никто не убивал нашу землячку стюардессу Надю Курченко, никаких терактов в помине не было, и в самолеты садились как в автобус. Короче, самым идиотским образом с одним Нинкиным билетом мы разместились в полупустом Ил-18.

И полетели! Понятно, что, протрезвев и прохохотавшись, мы кинулись искать по Москве деньги на обратную дорогу для меня.

Мы были хороши, спору нет. Потому что были молоды, глупы, безрассудны и нисколько не влюблены друг в друга.

Впоследствии Нинка закончила Высшую партийную школу, побывала в нескольких престижных заграничных командировках (из одной даже умудрилась привезти мебель, ковры и посуду) и заняла должность какого-то столичного начальника. Потом сошлась с австрийским миллионером, который учил других, как стать миллионером. Очевидно, научил и Нинку, потому что она взяла его фамилию, закрутила собственный бизнес в нескольких странах и построила огромный дворец где-то на окраине Вены. Не знаю, поселились ли в том жилье четыре неразлучных таракана и сверчок... Если да, то где-нибудь в очень укромном месте, потому что безжалостно-старательная прислуга, заметив их, извела бы в доме все живое. На всякий случай.

Она еще раз приезжала в Барнаул, даже пригласила меня в свой «люкс» отеля «Империал», где в присутствии элегантного охранника кивнула на кучу коробок и пакетов — подарки для сибирских родственников и знакомых. Мол, выбирай! Насколько помню, она даже не поднялась со своего рабочего места, где сидела в окружении нескольких мониторов.

Я выбрал большой шелестящий пакет с неразличимым содержимым и отдал его охраннику:

— Это тебе. От меня!

Стол был хорош. Мастер-инженер-прораб Юрий Иванович сам ходил выбирать барана, сам варил шурпу и томил мясо в огромном казане, взятом в колхозной столовой. Местные рыбаки притащили сазана на восемь килограммов,

Юрий Иванович готовил его каким-то необычным образом в глине. Девчонок было четверо – столько же, сколько нас, – тоже работа Юрия Ивановича.

– Я женат! – возмущался ему на ухо бывший футболист Толяка.

– Ну и что? Я тоже, – отвечивал Юрий Иванович.

Девчонки видели нас впервые, как и мы их. Поначалу было неловко, тем более что Юрий Иванович с Толякой годились им в отцы. Правда, мы знали почти все деревенское мужское население и твердо были уверены, что посмотримся по сравнению с покровскими мужиками и парубками молодцами.

– А нету их, парубков! – уточнила белолица кроха, с которой глаз не сводил бригадир. – Из двух последних нынче один на мотоцикле разбился, а другой утонул в собственном колодце.

Мелькнула дурацкая мысль – вот прямо сейчас забрать их всех отсюда и увезти в город. Определить на квартиру, найти работу. Ну, как это говорили тогда – взять шефство, что ли. Пропадут они здесь! Или все равно сбегут, только, как чаще всего бывает, выберут для этого самое неподходящее время.

Мужики быстро напились: во-первых, отвыкли за полтора месяца упорной работы, во-вторых, ослабли по причине все того же упорства. Но напились мирно так, по-хорошему. Клевали носами, по-дурачки улыбались, рассказывали о городах и странах, где им удалось побывать. А уж повидали! Правда, рассказывать об этом так и не научились.

О чувствах сильно не распространялись, и только бригадир, торжественно поднявшись над столом со стаканом шампанского, произнес:

– Я забираю с собой Белоснежку (это он на ходу придумал, сказочник!). У нас все будет. И дети! Понятно? А спать мы ляжем вместе только в первую брачную ночь, то есть после загса. Вы, Юрий Иванович с Галькой, пойдете свидетелями. Невеста согласна. Согласна? Согласна!

... В сторону деревни надо смотреть ночью. Тогда она кажется живой. Ночью же многого не видно, многое можно додумать. Дрожащие огни, тени, живая возня по дворам...

– А я, Таня, нигде не был, только в Москве.

– Господи, как я хочу в Москву!

Встретил знакомого, убей – не вспомню, как зовут и вообще кто такой. Жалуется на жизнь. А я слушаю его с пустым сердцем. Даже жутко стало в какой-то момент. Жалуешься, а ведь до меня тебе нет никакого дела. И никому ни до кого нет. И не надо тешить себя надеждами. Выведем парадокс: вот из этой уверенности, хотим мы того или нет, вырастает позитивное отношение к окружающему миру. Ergo! Позитивное отношение – придумка, веселая фантазия, обман. Тот самый, «нас возвышающий». Неспроста дети больше всего любят сказки. И верят им.

Вот она, Обь. Песчаных кос и отмелей в русле куда больше, чем воды. Другое дело весной, когда вода разольется до горизонта и сердцу захочется на волю, за тот край...

Странно, что за вечную свою неволю человеку приходится платить. И кому-то даже обидно, что лишение свободы по суду бесплатно.

Мне надоело ставить диагнозы. Да они и не точны, ибо я всего лишь маленький дилетант, ученик оценщика, работающего с малым пространством. Его мир велик лишь в силу его собственной малости.

Человеку подсказывают легкий путь – и он идет за подсказкой. Противятся немногие, и от них быстро избавляются. Плацдарм для противоборства был, к приме-

ру, при советской власти, когда стимулом протеста выступала всеобщая уравниловка, стимулом для духовного наполнения – всеобщая расслабленность и лень.

Ницше утверждал, что классическая философия несвоевременна, ибо она необходима для пользы в будущем.

Мои возлюбленные химеры отвечают мне.

Ночь приходит, время идиотов и лунатиков. Поэтов? Это все чушь от бездельников: творить надо на свежую голову. А вот почему человеку дается замечательного времени совсем чуть и не в лучшие времена? Грешен, да? А вы меня за грехи потом накажите и пожарьте, а тут-то, в юдоли земной и неудобной, дайте расслабиться! Песнь любви никому еще не отравила слух, но очень многих сделала завистниками. На всех счастья не хватает, увы.

– ...То-то я сегодня с трех ночи не спала. Мне не нравится, что ты не спишь. Тебе бы в нашу коечку, правда же? Хоть бы выспался! У тебя мозг глючит. И скажу тебе с честной пролетарской прямоотой (как ты любишь): нефиг давить его – мозг! Алкоголем. Только хуже делаешь ему. Он у тебя не расслабляется, как тебе кажется, а, наоборот, скукоживается. Знаешь, вот что сделай. На остаток денег купи два пузырька валерианы (желтые таблетки) и принимай начиная прямо с утра: по две штуки четыре раза в день – лучше, как валидол, под язык. У тебя нервная система в опасности. Все твои сомнения и страхи – ерунда! Я решаю ряд вопросов, о которых ты узнаешь позже. Хвост по кусочкам резать не надо. Надо сейчас просто выжать все возможные блага из провинциальной жизни и хлопнуть дверью. Под благами я понимаю: подлатать здоровье, покончить с дележками машин-дач-кредитов, успокоить себя, что сделал все что смог, и – привет, переход на новый этап жизни. И совершенно неважно, где этот этап начнется, главное, вдали от раздражителей. Я ж, блин, менеджер, организатор жизни. Мне надо свести некоторые известные величины: чем заниматься на старости лет, что будет вокруг... От тебя мало толку в бытовухе. Рыбу я тебе обеспечу. И лес с горами. Все не скажу, а то не сбудется. Кстати. О какой деревне ты говоришь? Ты собрался в дом престарелых? Неожиданно. Твое поведение меня чаще пугает, чем радует. Тебе виднее, что будет лучше. Деревня так деревня, город так город...

Ученый Аурелио Печчели: «Человечеству предстоит выполнить задачу, равнозначную мирам». Прораб калымщиков Юрий Иванович Муравьев отвечает философу: «Человечество завершит себя задолго до того».

– Алло! Алло! Киска моя! Мышка моя!

– Девушка, вы... ошиблись...

–М-м-м-м-м-м! Чмок-чмок-чмок!

– Девушка...

– Голос какой-то у тебя, масенькая моя... Простыла, это все сквозняки у Ленки-прыщедавки! Лапочка! Душечка! Мы прямо немедленно должны увидаться! Возьми с собой фотоаппарат и румяна...

Глава восьмая

Ерёминко И.С., 94 года.

– Черт побери! Кто-нибудь, в конце-то концов, скажет, как зовут деда?

– Иван Семёнович! Вы нам надоели! Мы сейчас пригласим вашего доктора и заводделением. Здесь вам не базар, в конце-то концов!

Иван Семёнович? Это же я! Иван Семёнович – И.С.!

С тех пор как ему вставили трубку большого диаметра, я научился спать. Правда, совсем по чуть-чуть. И что еще интересно. Каждый раз, просыпаясь, я находил себя в новом помещении. То это была комната сына, то жены, то старая детская из сорокалетней давности. Раз даже в бане проснулся, раз в библиотеке, раз в вытрезвителе. И всегда как бы по правде. Во всяком случае, обрести себя на своем настоящем месте мне удавалось не сразу.

– Знаешь, дед, что я чаще всего вспоминаю из бабушкиной деревни? (А почему я, собственно, стал говорить ему про деревню? Наверно, он из деревни – поэтому. Мне кажется, в городе прожить столько невозможно!) Я вспоминаю бело-фиолетовые выюны и выющуюся фасоль – белую и красную. Они напозлали на стены, закрывали их полностью, скрывали их ветхость, и мне иногда казалось, что за этой непроглядной цветочной стеной однажды сам собой вырастет новый дом для моих замечательных стариков.

Ровное сопение прервал какой-то незнакомый звук. Я прислушался – ничего нового. Ага, вот опять. Перегнувшись через край кровати, увидел, что дед судорожно бьет ногой, крепко привязанной к его лежанке.

– Эй вы, там! Деду что-то надо!

– Чего опять орешь? Реанимация тебе не вокзал!

– Деду, говорю, что-то надо, вон ногой дергает.

– Ничего ему не надо! Лежи давай, беспокойный ты наш! Слава богу, ты у нас не удержишься!

А ночью мне приснился текст, самый настоящий буквенный текст, вот просто кусок страницы, ни больше ни меньше. И был это чеховский «Дядя Ваня».

«Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем... Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... Мы отдохнем!»

И следом загорелось живым пламенем на латыни: «Morituri te salutant!» Идущие на смерть приветствуют тебя!

Я подскочил на кровати, забыв про запрет на резкие движения. Деда на месте не было.

– Где дед, изверги-волшебницы?

– Уехал, – вздохнув, сказала та, что в зеленом.

– Куда?

– Куда-куда... Сначала в морг, а завтра – на Черницкое.

Проспал я деда... Черницкое – одно из городских кладбищ, причем отсюда до него прямая дорога. Можно сказать, рукой подать. Дядя Ваня. Да, скорее всего, он был Иваном, дядей Ваней... Спрашивать у этих кукол теперь – бессмысленно.

Эх, дед! Ах, Антон Палыч!..

– Уберите меня отсюда немедленно! Из этой чертовой палаты!

– Уже убираем, – ответили мне с ангельской покорностью и тут же начали перекладывать с кровати на каталку.

Меня долго везли по каким-то холодным коридорам с неоштукатуренными стенами. Сознание уплывало, когда каталка подпрыгивала на очередном из бесчисленных стыков, и первой новой мыслью каждый раз было – я еду в морг.

Зачем-то ведь был этот дед! Этот И.С. Ерёминко! Он явился, чтобы унести с собой, ибо принести уже ничего не мог. Но что же тогда?

Да! Я совсем забыл сказать, что у меня есть (было?) собственное небольшое производство. Мы наносим ламинированное покрытие на различные изделия из металла: двери, ограды, стулья. Сейчас больше всего заказов на двери и ограды. Раньше было – на стулья.

– А я вспомнила день в середине марта, когда в самом центре Москвы стала свидетелем одновременно свалившихся на голову снега, града, ливня и грома с молнией. Я тогда тебе написала, что это был день именин. А сегодня ты просто поехал к ней на кладбище. Застрелиться! Отношения, говоришь... Знаешь, я хочу, чтобы у меня были красивые отношения, а не как у всех. И если они не получаются таковыми, так уж пусть вообще не будет отношений. У меня внутри больше, чем снаружи. И тот, кто это сможет понять, будет просто счастлив. А всеми другими «отношениями» я сыта по горло... Ты мальчик тоже не простой. И однажды мне показалось, что я нашла то, что хотела.

Но ты все время разрушаешь это хрупкое ожидание чуда. Вот не пойму зачем.

Я порой думаю: зачем я тебя зову? Просто сердцем понимаю, что тебя надо спасать, потому что рядом, похоже, нет никого, кому бы пришло в голову не бить тебя по башке, а протянуть руку. Тебе надо, чтобы глаза привыкли к свету, а сердце – к любви. Это не я решаю. Это так ведет кто-то свыше. Я просто поймала эту волну и чувствую ее, значит, так надо. Очень надеюсь, что со временем ты будешь думать обо мне чаще. И чаще говорить... Ах да! Я же тебе обещала нежное и ласковое! Блин, все из-за этих твоих проблем... Со мной происходит что-то странное: и днем и ночью мое тело требует секса. Я как-то ранее могла процессом управлять, объясняла себе, что, мол, погоди, не время, чуть позже, а теперь оно, тело, меня не слушается. Даже как-то неудобно. У меня ж образа стоят над головой. Слушай, надо что-то срочно (вот здесь, точно – срочно!) предпринимать...

Нет, серьезно. Секс сексом, но... первым делом самолеты. Так, про нежность... Целую тебя. И там, и там, и там... и даже вон там. И даже здесь, здесь и здесь. Все... больше не могу... сейчас умру... Моя крошечная грудь стала раздуваться до объемов миссис Марпл. Разговаривать с тобой очень опасно! Спать не могу...

Скажи, а ты знаешь тайну времени? Ну, когда сегодня еще рано, а завтра – уже поздно?

Как вы, наверно, догадались, это была не она, не посланница Эллады. До нее все было за пределами любви. Или – до ее пределов.

Вот он сидит ко мне спиной, уткнулся в монитор. Мой сын, оставшийся от самой яркой вспышки в моей жизни. Ему в затылок направлен ее взгляд – греческой богини, по недоразумению попавшей на Западно-Сибирскую низменность. Он молодец! Он выставил у себя на полке портреты всей родни: дедов, родителей, сестер. Я не догадался этого сделать.

Мальчик мой! Не теряйся в ночи!

Первая наша ночь была в Москве, в квартире ее однокурсника, какого-то ответственного работника Центрального комитета КПСС, который оказался умнейшим и милейшим человеком. Он был хлебосолом и циником, глубоко презиравшим и партию, и советскую власть, и всю тогдашнюю систему. Убежденный холостяк, он держал в доме кучу матрасов для гостей, полтора десятка флаконов самых дорогих французских духов (опять же для гостей – дам, разумеется), несколько коробок киндзмараули и гору (именно гору, поскольку, кроме полудюжины табуреток и стола, мебели в доме не было) диссидентской и всякой прочей запрещенной литературы. Это он мне сказал, помнится: главные атеисты служат в церквях, а главные верующие преподают атеизм в высшей советской школе.

Мы отправились к Черному морю и условились, что я пью вино без ограничения, а она валяется на пляже, сколько душа пожелает. Пляжей терпеть не могу до сих пор! Но... Это были сказочные дни. Я ходил купаться на море в шесть утра, а потом занимался всякой ерундой: шлялся по окрестностям, читал книги (даже записался в местную библиотеку!), изобретал новые салаты и пытался мариновать баклажаны. К условленному времени я занимал для нее очередь в душевую и сам смывал с нее соленую морскую воду. Нам всякий раз тарабанили в дверь, потому что я в те минуты забывал о минутах и часах. Я так изучил ее тело! Я давно растерял мозги и повредил свою память, но руки помнят ее, и видят, и могут перечесать каждую родинку!..

Наконец-то я вышел за пределы города.

Направление мне известно да и дороги здешние хорошо знакомы. По ним мы ездили на рыбалку с человеком, удивительно жизнерадостным, смелым, щедрым, участливым и... подлым. Кто сказал, что так не бывает? Бывает! И оставим это...

Дорога моя идет полем, справа, в километре с небольшим, лента бора, слева череда озер, а за ними – река Обь.

И опять – воля и неволя, две родные сестры.

За спиной остался город, который я придумал! Это не беда, я ведь придумал, помимо того, вот это поле, вон тот лес, эту дорогу и озеро. И я еще много чего придумаю. Ведь я ухожу совсем не для того, чтобы перестать придумывать! И мне не нужен собеседник, я уж как-нибудь сам...

– Тебе никогда не было интересно думать о процессе думания? Ежеминутно что-то зарождается в головах миллиардов людей. Всевышний придумал замечательно крепкую коробку, за пределы которой большая часть придуманного не выходит, иначе броуновское движение из толкущихся мыслей могло бы привести к некой интеллектуальной катастрофе. Впрочем, интеллект здесь не при чем, поскольку большинство думает о вещах заурядных. Однако и голова не такой уж безвыходный сосуд... Мир в результате перегружен не только людьми, но и их мыслями. У Сенеки: «Жизнь есть не благо и не зло, а только вместилище блага и зла». Посмотри, какое прозрачное небо над нами! Если кто-то взирает на нас с горних высот, ему ничто не помешает разглядеть меня, бьющегося в надежде найти наконец свое... Свое! Ты кого пытаешься обмануть? Любовь уходит не от привычки, не от постылости быта и обязательств. Она не любит, когда ее разглядывают чересчур пристально. Такой вот парадокс: с возрастом человек обретает зоркость, но теряет прелесть внутренней слепоты. Трагедия – когда ты лишен какого-то из чувств. Не меньшая – когда обостряется одно в ущерб другому. Старость привыкла подпевать себе, тешить себя какими-то придуманными преимуществами. Нет их. Мудрость не есть умение жить.

Глава девятая

Наверно, есть смысл вглядываться только в то, что переживет тебя. Лес, река, горы, огонь... Вот и все. Даже любимые глаза отражают лишь эти вечные стихии. Иначе и любить-то их не за что!

На окраине Барнаула село под названием Ягодное. На автобусной остановке группа взрослых уговаривает маленькую девочку, присевшую перед козленком палевого окраса.

– Ну какой же это олененок, Олечка? Это самый что ни на есть обычный козленок. Вырастет – будет козлом.

– Это олененок! – не соглашается девочка и плачет от обиды на взрослых.

Действительно – дураки. На козлят – и больших и поменьше – она еще в своей жизни посмотрится. А вот олененка может и не увидеть...

Я вошел в лес, теперь уже зная, что этим лесом и закончится назначенный мной маршрут. Во мне нет страха, хотя неизвестно, что ждет меня в конце пути, а главное – потом. И зачем мне знать это?

Ауробиндо: «Дух, освобожденный от своих покровов, странствует и торжествует!»

Моя Богом посланная греческая царица была невероятно серьезна. Но я смешил ее постоянно. Смешил бесконечными попытками опылить все попадавшие на пути любовные поля и страстные полянки. Меня бесил ее смех, и я в своих стараниях устремлялся все дальше.

Однажды она сказала:

– Уходи. Или я умру от смеха. Тебе не дано поумнеть!

Я не ушел. Я не поумнел. Она ушла первой. Насовсем. Много позднее, беспрестанно думая о ней, я заподозрил в ней не то чтобы страх, но... знание.

Она слышала голос Тани Пироговой, она знала о ней, быть может, мучилась этим знанием. Почему я так уверен? Да она знала про этот мир все, то есть даже больше, чем он сам о себе!

И тут я наконец понял, зачем был и убыл дед Ерёминко. Он унес мои прошлые жизни, коих было, по словам ученой свояченицы, одиннадцать. Он забрал с собой давно обезличенные голоса, и я теперь точно знаю, что уже не услышу ни одного из них. Они перестанут мешать мне двигаться к одному, кроме чего нет ничего. Ушел, прихватив с собой многочисленных подруг, московскую наставницу, космических героев и даже разводящего-водящего с ученой степенью доктора-психиатра. Я остановился оглушенный мыслью: вот только сейчас наступила реакция моей черепно-мозговой травмы. Это – потеря памяти. Особенная, не просто какая-нибудь амнезия. Как бы там ни было, я больше не услышу никого из них! Я еще раньше стал замечать, что все тише и тише, реже и реже стал слышать голоса ваши, любимые мои!

В этом лесу никаких загадок. В нем не заблудишься, не запутаешься в валежнике – чистый лес, местами больше похожий на парк.

Перед выходом из дома я на всякий случай выгнал страничку из Интернета, где указаны широта, долгота и прочие географические данные того самого населенного пункта. К этому добавлено: «Описание отсутствует. Если вы живете

здесь или хорошо знаете эту местность, помогите туристам и путешественникам, напишите несколько строк».

Я, может быть, когда-то и напишу эти несколько строк. А может, и не напишу. Все чаще мне кажется, что я в скором времени разучусь писать, считать, работать, вообще занимать чем-либо мозги и руки. Обойму воздух, соединюсь с ним, обопьюсь воздухом. Наконец, стану воздухом!

На третий день я дошел до места.

Причем вышел к тому самому зернотoku, который мы строили больше трех десятилетий назад. Вид у него заброшенный, наверно, где-то построили новый. Или вообще надобность в подобном сооружении отпала. Лес, в прошлые времена подходящий сюда вплотную, отступил, поредел. Вокруг свалка всякого металлического хлама. Среди гор этого отслужившего свое металла я обнаружил панцирную сетку. Вполне возможно, это одна из наших или даже та, которую мы с Таней опрокинули той ночью.

Деревня показала мне какой-то присевшей, поредевшей. Да помнил ли я ее настолько, чтобы сравнивать с нынешней? На здании конторы, где когда-то значилось: «Колхоз имени Ленина», вывески нет. На задах клуба я обнаружил двоих мужиков, пристроившихся на пеньке с бутылкой. Этикетки нет, значит, производство алкоголя местное.

– Здравствуйте! – поприветствовал я их и решил, что разговоры на общие темы излишни. – Вы, случаем, не знаете такую – Таню Пирогову?

– Таньку-то? – взбодрился один. – Так это...

– Ну, Пирогова Танька, – подхватил другой, – любовница нашего главы. Кто ж не знает! Сгорела в прошлом году вместе с домом...

– Да иди ты! – махнул на него первый. – Та и не Пирогова вовсе. И приезжая. А ему, поди, местную надо? Это вот кто будет... Это Пудовиха, точно! Она до Васьки Пудовкина Пироговой была! И зовется Танькой! Ваську уж лет пять как копнителем закололо, одна теперь живет. Во-он на краю дом, там еще забор повален. Генка пьяный дрова сгружал, не угадал. Стало быть, и дрова свежие рядом. Увидишь.

Я еще немного прошелся вдоль трассы, пронзающей деревню из начала в конец, и вернулся на свалку.

Что-то надо сделать! Что-то придумать!

Некстати вспомнилось: масштабы содеянного соизмеримы с масштабом самого человека.

Что я могу? Я могу многое! Я...

Внезапно мне пришло в голову... Я лихорадочно кинулся шарить по карманам в поисках телефона. Вот он! Увы, батарея разряжена полностью. Вот незадача-то! Но есть же здесь электричество, не всю же жизнь отключили от этой деревни! Пять минут зарядки – и можно звонить. И тогда я наберу своего зама и скажу, чтобы он привез мне сюда дверь. Ту самую, белую с серебром! Я найду, куда ее поставить! Я знаю!

Поэзия

Евгений СТЕПАНОВ

Евгений Степанов – поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра», газеты «Литературные известия» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Если так угодно Богу

В ГРУДИ

Строчкой отрочество длится, у меня оно в груди:

«Кортик», «Бронзовая птица», мультики «Ну, погоди!»,

Гойко Митич в мокасынах, стойкий, сильный Бельмондо,
Данька из «Неуловимых...», я все помню – от и до.

И Михайлов, и Харламов, и Дасаев, и Третьяк...

И набор глубоких шрамов от жестоких детских драк.

Я все помню: папа, мама, бабушка и старший брат...

Я иду вперед (там – яма), я хочу идти назад.

Я все помню: «Битлз» и «Смоки», Анна Герман, Далида.

И асадовские строки не забуду никогда.

Я все помню: пот спортзалов и боксерский первый бой.

...Друг мой Игорь Коновалов был тогда всегда со мной.

Я живу, кряхтя, старея, возраст силясь побороть.

Я все помню, это время в кровь мою вошло и плоть.

КАК-ТО ТАК

И как-то все теперь некстати, порядок жизни поврежден.
И Волочкова на шпагате как символ нынешних времен.

А те, кто много понимали, не признавая громких врак,
Остались словом на портале литературном. Как-то так.

А те, кто сильно нас любили, старались всячески помочь,
В неведомом автомобиле уехали в немую ночь.

А те, кто нас убить хотели, убить не расхотели нас.
И держат мушку на прицеле, и ждут, когда дадут приказ.

Я ВЕРЮ

Н.

Помог не сильно оберег.
В душе – печальный саундтрек.
А век, похожий на громилу,
Сошел с ума. Растаял снег.
Но мне оттаять не под силу.

Но мне под силу быть с тобой
Во сне, где море и прибой,
Ракушечно-песчаный берег.
И нет болезней, и любой
Вопрос решится без истерик.

Ты не ушла. Я верю: т а м
Такая жизнь, какая нам
Приносит теплый свет во взгляде.
Ахматова и Мандельштам
С тобою там на променаде...

КРУГ

Из слез и звука вырос Блок,
А из мгновений вырос век.
Из человека вырос Бог,
Из Бога вырос человек.

Из линий жизни вырос круг,
Из линий смерти – смерть, погост.
А здесь, на даче, вырос лук,
Из лука старого пророс.

А здесь, на даче, зычный сад,
И клен, роняющий листву.
И голоса моих внучат
Звучат. И значит – я живу.

НЕ ПЛАЧЬ

Бывший мачо глядит
очесами измученной клячи.
От него до тоски расстояние – две неудачи.
От него до реки под названием Лета –
Два кульбита судьбы и два пируэта.
Бывший мачо, ушедший из хора плейбоев,
Тихо песню поет,
подпевает старик Козлодоев.
Бывший мачо ворчит – дни и ночи несносны.
– Это зря, ты не плачь, –
говорят величавые сосны.
– Это зря, ты не плачь, –
говорят несогбенные травы, –
Позабудутся все и ухабы, и кочки, и травмы.
Будешь скоро, как мы, –
молодую зеленой травой.
Подожди и не плачь
на участке своем под Москвою.

РАЗНАРЯДКА

Будет дом, будет печка, будет дым из трубы.
Я доверюсь беспечно разнарядке судьбы.

Кот запрыгнет на пузо,
свой раскрученный хит
Замурлычет, и муза из лесов прилетит.

Муза будет в бикини, а быть может, и ню.
Я, забыв о кручине, что-нибудь сочиню.

Боль ускачет далече, я нарадуюсь всласть,
За соломинку речи, русской речи держась.

КУ-КУ

Я, наверное, и впрямь ку-ку. Оттого в карманах и не густо.
Если говорить по чесноку, не грущу, что кончилась капуста.

Не грущу, грустить мне недосуг. Каждому дается по заслугам.
Не грущу, что предал лепший друг. Может быть, он не был лучшим другом.

Не грущу, что быстро жизнь прошла. Будет, я надеюсь, жизнь иная.
Я смогу доделать все дела, скоростей земных не проклиная.

Я смогу. А может, не смогу. Это бабка надвое сказала.
...Я смотрю, согнувшийся в дугу, тихий, в зенки века-каннибала.

БУДЕМ ЖИТЬ

Веселушка-герла Мельпомена ублажает накаченный мозг.
И, счастливый, взирает блаженно на церквушки-мечети Христос.

И не верит, что жизнь, как солому, подпалить может черная масть,
И не верит, что гибельно в кому может Кама великая впасть.

Будем жить, будем кротцы, как дети. А затем улетим, а затем
На веселой и звонкой планете обживать будем новый Эдем.

ОТ ПЕЧКИ

Волшебна дача, многолика, дает блаженство и блага.
Пойдешь налево – там клубника, пойдешь направо – там ирга.

Но я не только о природе речь скоротечную веду.
Пойдешь вперед – и счастлив, вроде. Пойдешь назад – найдешь беду.

Пусть даже выживешь – нервишкам жестокий нанесешь урон.
А можно, торопясь не слишком, смотреть на взлет сосновых крон.

А можно танцевать от печки и никаких не ждать призов.
А можно, сидя на крылечке, «услышать будущего зов».

Я БЕГУ

Я бегу на всех порах в даль, откуда нет возврата.
Похоть грешную и страх вспоминаю виновато;

Холод-голод, рабский труд за горбушку и чекушку.
Вкупе с бесами берут ангелы меня на мушку.

Хронос, точно конвоир, по затылку бьет прикладом.
Я бегу... Враждебный мир провожаю долгим взглядом.

ДВА-ТРИ КОРОТЕНЬКИХ АБЗАЦА

Когда умру – напишет ТАСС
Два-три коротеньких абзаца.
Мол, жил, творил, горел, погас.
Пора с землей полыбызаться.

А что я думал, чем дышал,
Как плакал на родных могилах –
Не скажет ни одна душа,
Никто сказать – никто! – не в силах.

Хотелось бы: судьба-ремейк,
Но это из разряда бредней.
Так вышло: двадцать первый век –
Век для меня крутой, последний.

А все-таки как жизнь прошла,
Что понял куцыми мозгами,
Покуда, выгорев дотла,
Не оказался в желтой яме?

ОКНО

И что-то сосны говорят,
взирая сонно на терраску.
И ландышей большой отряд
шагает грозно по участку.

Смородины пахучий куст
не радует больных ковидом.
Я закажу сорокоуст
по всем замученным, убитым.

Я расскажу сырой земле,
что рассказать боюсь бумаге.
И выпью то, что пить не сле-
дует (первач) из мутной фляги.

Боль как реальность, а не быль.
Соль времени легла на рану.
Но с жизнью танцевать кадрили,
пока дышу, не перестану.

Я стисну зубы, я смогу,
превозмогу свои утраты.
Потом увижу: на лугу
гуляют ангелы крылаты.

В МИРЕ ЭТОМ

Я забыл о ритмах городских,
Но, как прежде, тот еще гулена
И соображаю на троих
В коллективе ясеня и клена.

Я не гений самбо и дзюдо,
Слава Богу, вообще не гений.
Я не помню, где скитался до
Нынешнего, прошлых воплощений.

Я не знаю, ждет меня потом
Общество творца или прохвоста?
...В мире этом зыбком, непростою,
В самом деле, как-то все непросто.

Я ЗНАЮ

Я принял жизнь за лотерею
И, как мальчишка, проиграл.
Жена погибла, сам болею.
Жизнь перешла за перевал.

Фиаско. Все начать сначала
Я не смогу. Силенок нет.
Стихи нелепы, денег мало,
Карьерных никаких побед.

Слезами-ливнями, печалью
Пропитана моя стезя,
Но и сейчас не привечаю уныния.
Нельзя. Нельзя.

Я знаю, что свою эклогу
Я допишу когда-нибудь.
А если так угодно Богу,
Смогу ее перечеркнуть.

Я знаю, что беда не вечна,
Не вечны морок и резня...
А на участке, как невеста,
Стоит береза. Ждет меня.

Проза

Александр АНДРЮШКИН

ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Роман

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Семинар Файнберга» собрался в «курчатнике» уже первого октября: вот что значит поддержка начальства!

Народу пришло даже слишком много, и Исаак Моисеевич, приняв нарочито свирепое выражение лица, пообещал, что будет отсев. Посоветовал присутствующим готовиться к «жесточайшему экзамену», который он постарается сделать не проще, чем были знаменитые «Ландау-минимумы». Тут же, однако, пояснил:

– Великий Ландау не задавал теоретических вопросов, всегда только давал задачи, полагая, что знание теории как раз и докажет себя, если будет решена задача... А я сделаю экзамен равновесным, состоящим из теоретической и практической части. Но вы не отчаивайтесь! Тот, кто уловит мои основные мысли, сдаст и теорию, и практику...

И Исаак Моисеевич уже на первом семинаре (по сути, это была лекция, но с возможностью перебить его) подступил к этим своим главным мыслям.

Почти весь XX век, и даже до сих пор, в физике определяющей идеей был «принцип неопределённости», резче всего выраженный Гейзенбергом и Шрёдингером. Что это за принцип?

Внутриатомная физика это не наш уровень реальности (утверждал Гейзенберг), и мы никогда не сможем разобраться в этих крохотных частицах с такой же несомненностью, с какой видим вещи, подходящие нам по размеру. Уже в 1920-е годы ясно было, что «планетарная модель» атома неверна, нельзя говорить, что электроны вращаются вокруг ядра как планеты вокруг солнца. Электроны вели себя явно иначе, но инструменты наблюдения были столь грубы, что искажали и перестраивали изучаемый предмет ещё до того, как давали о нём информацию. Можно называть элементарные сущности частицами, а можно волнами (свет, например): у нас нет для них даже подходящих слов.

Продолжение. Начало в №1, 2023.

– ...Вы думаете, они были слабаки, немецкие мыслители? – продолжал Исаак Моисеевич. – Гейзенберг с его почти маниакальным утверждением, что мы ничего определённого не можем знать об атоме, или Кант с его «вещью в себе», якобы недоступной человеческому разуму? Я тоже так думал в своё время, а потом догадался: они скорее хитрецы! Напомню: Гейзенберг Канта весьма уважал, а Ленин, наоборот, высмеивал Канта, не соглашался с утверждением Канта о закрытости для нас «вещи в себе». По мере развития науки, утверждал Ленин, непонятные явления переходят в разряд понятных, непознанные – в разряд изученных и используемых во благо человечества. Вот вам два подхода...

Исаак Моисеевич поймал себя на том, что по-ленински убедительно, режущее выставил кисть вперёд... И сцепил руки перед грудью.

– Ленинский подход оптимистичен: нет, дескать, непознаваемого, есть лишь непознанное: «нам нет преград ни в море, ни на суше»... Но Кант, разумеется, тоже считал, что он может понять любое явление, стоит лишь напрячь свой мыслительный аппарат. И всё же простой, если хотите – торговый, расчёт говорил Канту (как и любому учёному): не преуменьшай трудностей познания! Иначе тебе срежут финансирование, вот и всё.

Аудитория загудела удивлённо, и Исаак Моисеевич повысил голос:

– Широко говоря, на этом как раз и срезалась партия большевиков: она слишком много обещала; хуже того, она сама верила в то, что обещала. Немецкие же мыслители были отнюдь не нытиками, и именно так я советую вам понимать всякого, кто будет вам говорить о непознаваемости мира и о неопределённости результатов физических исследований. Сам-то он всё считает познаваемым, уж будьте уверены! Но он знает и другое: как только вы объявите мир понятным, завтра же к вам явится некто, называющий себя «представителем народа», и заявит: неразрешимых загадок, как вы сами доказали, во Вселенной нет, поэтому будьте добры, уважаемый профессор, сократите чуть-чуть ваши притязания, вашу зарплату и занимаемые вами площади... А мы, народ, найдём, как всё это использовать более грамотно... Но позвольте мне напомнить вам, как именно Гейзенберг и Эйнштейн сделали свои открытия.

Исаак Моисеевич углубился в эту, быть может, наиболее потрясающую в истории человечества эпопею: в то, как «раскололи» тайну самого атома. Конечно, слушатели это знали в целом, но важны были уточняющие черты, о которых сам Исаак Моисеевич когда-то узнал с замиранием сердца. Эйнштейн закончил вуз и хотел работать преподавателем, но его не брали, пришлось пойти в патентное бюро. В патентах же есть обязательная часть: так называемая «формула изобретения», по-английски, “claim”, по-немецки, “Patentanspruch”. В одном абзаце изобретатель должен выразить всю новизну, а главное – пользу того, что он патентует; если этот абзац написан плохо, то соискателю откажут, или же за него сотрудник бюро должен будет переписать эту часть заявки. В первые годы XX века Эйнштейн, по сути, и выступил таким умелым переписчиком заявок для двух неуклюжих изобретателей – Пуанкаре и Лоренца. Они уже всё сказали и сделали, и не по одному разу, но всё как-то промахивались мимо удачной формулы, и Эйнштейну пришлось сесть и написать за них тот самый абзац, который называется в патентах “claim”.

Он нашёл неотразимо красивую формулу, $e = mc^2$, но почему не просто $e = m$? До конца XIX века учёные именно полагали, что «энергия равняется массе»: попробуй, сдвинь с места громадный камень! Чем больше его масса, тем больше

его инерция (энергия покоя), и значит, тем больше энергии тебе потребуется, чтобы пошевелить его, а чтобы сдвинуть гору, энергия вообще нужна немеряная! (К этому и сводятся, в сущности, второй и третий законы Ньютона.)

Однако к концу XIX века открыли радиацию и многие другие явления и поняли, что даже внутри частицы с очень малой массой – внутри атома – заключена громадная энергия, практически бесконечная. А скорость света и понимали всегда как «бесконечно высокую», потому Эйнштейн и ввёл её в свою формулу, да ещё и в квадрат возвёл! Эйнштейн никогда не поставил ни одного настоящего научного эксперимента, он был чистый теоретик, да и в математике не был силен, для математических расчётов он привлекал своего друга со студенческих лет, Гроссмана. Но Эйнштейн сумел стать «диспетчером» целого поколения, чувствующего, что оно нащупало какое-то чудесное открытие, что вот-вот удастся расщепить элементарную частицу, вызвав изнутри её взрыв невиданной силы.

Формула $E = mc^2$ была красива, но бессмысленна, ибо нужны были не звонкие формулы, а машины и установки для производства этой невероятной силы взрывчатого вещества. Однако же «слоган эпохи» – «теория относительности» – пришёлся весьма ко двору в Прусской академии наук времён начала Первой мировой войны. Именно к началу Первой мировой Эйнштейн переезжает в Берлин и тут в 1915 году делает свои доклады на заседаниях Прусской академии – есть его высказывания о том, что это время он считал «счастливейшим в своей жизни». Пространство и время относительны, они могут и должны искривляться: это было так понятно в немецкоязычном мире, идущем к войне и уже начавшем её!

Да, везде законы математики одинаковы, но в Германии они чуть иные, чем во враждебной Антанте: в развратной Франции и отсталой, варварской России. Везде дважды два – четыре, а у нас, в Германии – четыре плюс одна стомиллионная доля процента, то есть всё-таки чуть-чуть больше, чем четыре. А при приближении к скорости света – к бесконечности – и результат двойки, умноженной на два, будет бесконечно превосходить четвёрку: у нас, в Германии, у нас, в Прусской академии наук!

– Да, Эйнштейну устроили рекламу прусские физики, – повторил Исаак Моисеевич и нашёл в своих записках нужный листок. – Это не моё утверждение, этот вопрос подробно рассмотрел наш великий учёный, лауреат Нобелевской премии Виталий Гинзбург. Находились даже те, кто утверждали: без немецкой националистической школы физиков работы Эйнштейна не сочли бы открытием¹...

Такова была общая формула, общий дух... Но оглушительности новой формулы было мало: нужно было её осуществить, добыть силу из ядра атома практически! Это и сделал Гейзенберг, такой же молодой, двадцатипятилетний, каким был в 1904-м году Эйнштейн, написавший тот самый абзац заявки на коллективное изобретение. Гейзенберг ломал голову над тем, что же происходит внутри атома, он скрылся на острове Гельголанд летом 1925 года и дал себе слово не уезжать отсюда, пока не сделает открытия. Тысячи формул, сотни страниц и бесчисленные результаты переполняли воспалённый мозг Гейзенберга, и вдруг сверкнула ослепительная догадка: не надо доискиваться, что там происходит внутри атома, пусть другие доискиваются! Но у нас, немцев, есть линейка того, что мы даём на вводе, и есть записи многочисленных результатов того, что мы имеем на выходе, и между первым и вторым есть железная связь, движущаяся как бы скачками,

¹ Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике. – М., 1985. – С. 264.

квантами... Этого достаточно, чтобы составить сложнейшие, но безупречные таблицы, которые свяжут исходные условия с результатом. Введя в первый столбец таблицы начальные установления, ты можешь сразу посмотреть в конец и увидеть результат; и наоборот, ты можешь задать в конце результат: «взрыв невиданной силы», – а потом спокойно найти в начале таблицы, какие мелкости нужно для этого смешать в микроскопических дозах... Это и было открытие атомной бомбы и одновременно – «принципа неопределённости квантовой механики». Это и означало, что молодой Гейзенберг стал новым «диспетчером» науки, заменив в этой роли Эйнштейна.

Исследования атома вели все: французы и немцы, Резерфорд в Англии и Фридман в Советской России, скандинавы в лице Нильса Бора, учившегося у Резерфорда, и американцы, тоже учившиеся в европейских лабораториях, а кое до чего доходящие и своими упорными фермерскими умами. И всё это вместе собрал двадцатипятилетний головастый паренёк, любитель туристических походов и немецких народных песен Вернер Гейзенберг. И Нильс Бор почувствовал в нём превосходящий ум и стал его верным адвокатом, а Эйнштейн... Тот стал противником нового научного лидера.

Эйнштейн уже нащупывал свою новую, «общую теорию относительности» и свою уже совершенно красивую, но – увы – слишком оторванную от реальности формулу $G=T$, то есть «гравитация равна пространству-времени». Об этой общей теории Гейзенберг скажет после Второй мировой войны, что она «ещё не до конца доработана», то есть надо было понимать так: «уважаемый Эйнштейн сошёл с ума, но ещё не до конца». «Общую теорию относительности» Эйнштейна, говорил Гейзенберг, нужно понимать как «явственно отличающуюся» (“distinctly different”) от всех остальных видов физических теорий, то есть опять же, тут можно было увидеть намёк на то, что это «не совсем в рамках разумного». Однако это будет после Второй мировой, а пока... Пока шли к концу двадцатые годы, и немецкие и английские и все прочие физики в лабораториях из всех сил расшатывали «надтреснутый» атом, чтобы до конца его «расколоть»... Эйнштейн же всё ещё надеялся *теоретически* доказать, что *практический* результат невозможен; он из всех сил критиковал и старался опровергнуть квантовую теорию неопределённости Гейзенберга – Бора.

...Исаак Моисеевич посмотрел на часы и увидел, что до перерыва осталось десять минут, нужно было успеть рассказать о знаменитом многораундовом споре Эйнштейна и его противников. Их противостояние вспыхнуло в октябре 1927 года на конференции физиков в Брюсселе. Сюда съехались физики-евреи и противостоящие им физики из всех европейских стран. Эйнштейн отказался открыть конференцию, и сделал это на четверть еврей Нильс Бор, однако затем Эйнштейн каждое утро за завтраком предлагал какой-то практический способ опровергнуть Гейзенберга, а Бор и его партия не сразу, но находили аргументы в защиту Гейзенберга.

Все они жили в одной гостинице; после завтрака, бывало, Бор, Гейзенберг и Вольфганг Паули вместе шли в конференц-зал и уже по дороге находили, как можно опровергнуть Эйнштейна. К обеду защита квантовой теории была готова; Эйнштейн, как правило, с ней соглашался, однако на следующее утро он выходил к завтраку с новой идеей, более сложной, чем вчерашняя. Опять в обед противники его разбивали, и так продолжалось несколько дней. Бор – сын богатых родителей, организовавший у себя в Копенгагене роскошно оборудованный институт

физических исследований, – был авторитетен для всех европейских физиков, однако сам он признавал, что не умеет мыслить столь стремительно, как Эйнштейн. И порой датчанину приходилось раздумывать до вечера и даже ночью, причём он не отпускал спать и своих собеседников (таких, например, как Пауль Эренфест, оставивший об этом мемуары). Бор курил трубку за трубкой и рассуждал до тех пор, пока не находил изъяна в предложении Эйнштейна.

– ...О чём вообще вёлся спор? – спросил Исаак Моисеевич и задумался. – Мы с вами понимаем о чём... Приближался 1933 год, ясно было, что итоги Первой мировой не устраивают решительно никого в мире, разве что – закоренелых пацифистов, к которым, возможно, уже тогда начинал тяготеть Эйнштейн... Спор вёлся не о том, о чём каждая из сторон говорила открыто; наоборот, многие слова и утверждения следовало понимать в смысле противоположном поверхностному. Эйнштейн, как и Ленин, как и большевики, утверждал, что мир познаваем, а партия Гейзенберга твердила: нет, всегда останется неопределённость. Гейзенберг считал «вещь в себе» уступкой Канта партии реалистов, а собственную «теорию неопределённости» на самом деле понимал лишь как удобную в идеологическом смысле дорогу к практическому действию. «Неопределённость» в устах Гейзенберга означала: давайте оставим теоретические поиски и начнём действовать, но вот с этим-то и не хотел согласиться Эйнштейн! Может, всё дело было в том, что Эйнштейн постарел и превратился в классического ретрограда, решившего костью лечь, но не дать дорогу молодёжи? Некоторые именно так всё и объясняли, – продолжал Исаак Моисеевич, – но, в любом случае, Эйнштейн пытался доказать: атом познаваем, как и всё на свете. Гейзенберг и Бор, однако, стояли на своём... Конференция в Брюсселе в 1927 году, можно сказать, закончилась ничем, однако тот же спор с новой силой возобновился на следующей конференции, которая собралась там же в 1930 году, и опять в октябре...

Исаак Моисеевич помолчал, посмотрел на часы... Пора было заканчивать.

– Опять все следили за поединком Бора и Эйнштейна, – заговорил он в полной тишине. – И опять эти споры шли, в основном, в кулуарах или за столом ресторана, а на заседаниях Эйнштейн отмалчивался. И вот он предлагает Бору очередной «идеальный эксперимент», долженствующий разбить «принцип неопределённости» Гейзенберга. Вот камера, в которой находится испускающий радиацию материал, допустим, некоторое количество фотонов или других лёгких частиц. Камера имеет в своей стенке затвор или крохотное выпускное отверстие, регулируемое очень точными часами. Камера помещена на весы, измеряющие её массу. По импульсу от часов затвор камеры открывается, выпуская ровно один фотон, и мгновенно захлопывается. Взвешивание камеры до эксперимента, и после покажет, насколько уменьшился её вес; таким образом, мы будем знать время эксперимента, и мы будем знать вес вылетевшей частицы, иными словами: *мы будем знать всё!* И вывод Эйнштейна: никакого принципа неопределённости нет!

Исаак Моисеевич помолчал и продолжал:

– Очевидцы вспоминают: Бор был подавлен. Он бродил по вестибюлю и коридорам, он растерянно подходил к одному участнику конференции за другим, вопрошая: что происходит? Утверждая: не может быть, чтобы в споре выиграл Эйнштейн!. Но никто ему не мог ничего подсказать... Бор не спал всю ночь. Быть может, он опять терзал очередного собеседника своими медленными рассуждениями и клубами дыма из выкуриваемых одна за другой трубок... Но к утру ответ был готов. Когда фотон вылетает из поставленной на весы камеры, вес её чуть-

чуть уменьшается, а значит, она чуть-чуть поднимается вверх на весах. То есть камера изменила своё положение в гравитационном поле Земли, а, согласно теории относительности самого же Эйнштейна, ход времени в более сильном и более слабом гравитационном поле чуть-чуть, но различается... Итак, – заключил Исаак Моисеевич, – Бор побил Эйнштейна его же оружием! Он указал Эйнштейну, что тот в своём примере проигнорировал собственную теорию относительности времени и пространства. Гейзенберг ликовал, и все участники конференции не могли сомневаться: Эйнштейн разбит. Германия шла к новому порядку, к созданию атомной бомбы...

Исаак Моисеевич встряхнулся:

– На этом я заканчиваю первую часть семинара... Объявляется перерыв! – Слушатели начали с шумом вставать, а он добавил: – За время перерыва я постараюсь познакомиться с некоторыми из вас, а вы – между собой.

Исаак Моисеевич вышел из аудитории и спустился этажом ниже в свой кабинет. Начал семинар неплохо. Быть может даже, слишком круто, забористо? Дальше можно смягчить.

В кабинете ему делать было нечего, и он заглянул в лабораторию (там техник разматывал синего цвета провод), но тут же повернул назад. О работе отдела пока следовало забыть, он ещё весь внутренне кипел тем, о чём рассказал семинаристам – схватками физиков накануне Второй мировой.

Он даже не особо вглядывался пока в своих слушателей, хотя вначале пустил по рядам листок, в который записались тридцать два человека. Рассказывая о спорах Бора с Эйнштейном, он глядел куда-то поверх их голов, на заднюю стенку аудитории, и лишь мельком отметил справа от себя некую группу суровых людей постарше студенческого возраста («физики в штатском» – мелькнула ироничная мысль), а слева, ближе к двери, взгляд остановился на совсем ином скоплении, к которому подошло бы название «представители Израиля». Это был незнакомый ему атлетически сложенный молодой человек (тоже на вид постарше студента), который пришёл вместе со старшим лаборантом их отдела Юлией Долинской. Эта дама – кандидат наук – давно заняла по отношению к Файнбергу позицию человека проверяющего и присматривающего, как бы от имени «условного Израиля», хотя Файнберг в этом и не нуждался. Ещё кто-то третий с ними сидел, сейчас он вышел в коридор.

Итак, справа – российская спецслужба, слева – израильско-западная, знакомый расклад. Но кто в центре, к кому он, собственно, хочет обращаться? Вернувшись в аудиторию, Исаак Моисеевич всмотрелся в молодого человека, сидящего посередке, – одного из тех, кто не вышел на перерыв.

Красная курточка (было уже холодно, хотя ещё не начали топить) и красный футляр телефона, экран которого молодой человек сосредоточенно изучал. Итак, это и есть представитель современной молодёжи, в потенции – его «любимый ученик»?

...Если это так, то это печально, – пробормотал себе под нос Исаак Моисеевич, вглядываясь в эмблемы на куртке молодого человека. Тот был черноволосым, одутловатым и каким-то сонным и скорее напоминал девицу, чем парня, вернее – больную пожилую женщину, хотя ему, наверное, не было двадцати. Но эти длинные чёрные волосы, уныло свисающие вдоль толстых щёк, и чем-то недовольный брезгливо поджатый ротик... Быть может, играет роль молодого гения?

Одна из эмблем-нашивок на груди молодого человека заставила вздрогнуть: рожа козла, то есть знак сатанистов! И как раз слева, на сердце.

Рога терялись между зубцами звезды, на фоне которой была изображена козлиная личина, и Исаак Моисеевич сбился, пытаясь сосчитать лучи этой звезды. Девяти- или скорее восьмиконечная?

Всё это время молодой человек не отрывался от смартфона, но почувствовал на себе взгляд лектора, встал и, мельком взглянув на Исаака Моисеевича, вышел из класса. И обнаружилось смешное: чёрные брюки – короткие, чуть ниже колен и не достигающие до щиколоток, – и огромные чёрные ботинки, к которым подошло бы название «чемоданы».

Ну что же, «гениальный физик» обязан быть чудаковатым; не такого навидался Исаак Моисеевич. Он начал делать то, что обещал: знакомиться.

– Представьтесь, пожалуйста... Те, кто сейчас в аудитории, – попросил Файнберг.

Ему называли фамилию, и он находил её в списке и отмечал. Присутствовало четыре кандидата наук, остальные – аспиранты и студенты. Двоих из кандидатов наук он не знал. Из девушек запомнилась одна: маленькая и худая, но видно, что спортивная, про себя он почему-то назвал её «сибирячка».

– Чтобы покончить с личностью Гейзенберга, – так начал Исаак Моисеевич заключительную часть, – упомяну ещё, что именно он выдвинул на Нобелевскую премию нашего Льва Ландау. И процитирую послевоенную книжку Гейзенберга «Физика и философия»... Он начинает и завершает книгу мыслью о всемирности науки. Открытия физиков XX века по-настоящему объединили человечество, которое неизбежно будет опираться на квантовую теорию и другие последние открытия, хотя учёные каждой страны будут вносить нечто от собственной традиции. Но за какой же из научных школ закреплена магистральная линия? Гейзенберг вопрос оставляет за скобками, но понять можно так, что – европейская физика, в том числе, и немецкая. Отчасти державы-победители после конца Второй мировой войны подтвердили этот посыл, ибо вели буквально охоту за немецкими физиками и ракетчиками. Вернера фон Брауна, создателя ракет «Фау», и его коллектив из Пенемюнде американцы вывезли в центр Маршалла, и фон Брауну Кеннеди лично поручил строить ракеты для лунной программы, что и было сделано. И в Советский Союз тоже вывезли целые коллективы, например, в ста пятидесяти километрах от Москвы был лагерь немецких ракетчиков, в городе Осташков на озере Селигер, он имел статус филиала НИИ-88. Я был знаком с бывшим директором этого филиала Малолетовым, а с немецкой стороны учреждение возглавлял Вольдемар Вольф, бывший руководитель отдела баллистики в концерне «АГ Крупп»... Первая ракета Королёва была копией немецкой «Фау», но я сейчас говорю не столько о ракетах, сколько о физике элементарных частиц. Гейзенберг участи Вернера фон Брауна избежал, его оставили в Германии, и это, возможно, был самый тяжкий приговор немецкой физике со стороны исследователей, как американских, так и советских. Мы сделали наше ядерное оружие сами, хотя, опять же, и американцы, и мы учитывали немецкие наработки. Наша физика до сих пор сама вела основную тему, и вы, новое поколение, надеюсь, продолжите эту традицию...

– Можно вопрос? – молодой человек слева, сидящий недалеко от Юлии Долинской, поднял руку. – Скажите, а был ли смысл так подробно останавливаться на спорах Эйнштейна и Бора эпохи ещё до Второй мировой войны? Тем более

вы сами сказали, что после войны зависимость от немцев успешно преодолели, вернее, вообще сумели не впасть в такую зависимость... Тем более «принцип неопределённости» Гейзенберга давно преодолен: открытие кварков – тому пример...

– Я согласен в том, что наша наука не имеет зависимости от немецкой, и я сам это только что сказал, – Исаак Моисеевич обескураженно развёл руками. – Но я хотел сегодня сделать как бы историческое предисловие...

– А мне кажется, наоборот, очень ценно то, что мы сегодня услышали, – заявила сидящая справа девушка в очках. Она не относилась к типу привлекательных и, кажется, не стремилась быть таковой. – Я бы хотела поблагодарить уважаемого профессора за то, что он столь откровенно рассказал о подводных камнях или о не очень афишируемых стратегиях учёных... А о том, что открыто громадное количество новых частиц, или о том, что синтезируются всё новые элементы, мы уже слышали...

– Вы тоже правы, спасибо за оценку моего выступления... – Исаак Моисеевич вновь развёл руками и рассмеялся. – Теперь, согласно еврейскому анекдоту, кто-то должен уличить меня в том, что я согласился с двумя противоположными утверждениями... И я отвечаю ему, что и он тоже прав!

На это все рассмеялись; лёд был разбит; Исаак Моисеевич объявил, что на следующем семинаре предполагается поговорить о самых новых открытиях в физике элементарных частиц... Он попросил написать вопросы о самом для них важном и пообещал, что будет один-два содоклада. Трёп трёпом, но семинары надо было тщательно готовить, тогда и импровизации выйдут к месту.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Легко пообещать «разговор о новейших открытиях», но сам-то ты знаком ли с ними?

С годами Исаак Моисеевич читал всё меньше, а вал публикаций отнюдь не спадал. Конечно, опыт помогал сразу узнавать статьи пустые и оставлять без внимания тыканья молодых американских или, допустим, японских физиков в те тоннели, в которых ты уже побывал, а они ещё не знают, что это – тупики. Однако же появлялись и не выдуманные, а настоящие открытия, и прозевать их было бы стыдно.

Две недели до нового семинара нужно было бы только читать о новинках, а ведь у него ещё и американцы! О своей лаборатории Файнберг решил на время забыть: пусть сначала поменяют его должность с и.о. на заведующего.

Всё это время американцы удивляли крайне туманными ответами на вопрос о том, когда будет выплачена вторая часть гранта. Боб Фиала ссылаясь на директора Центра Джонсона Джона Абби – этого Абби Файнберг мельком видел во время последней из своих двух поездок в Америку. Среднего роста, мешковатый, не сказать, чтобы сильно пьющий, но и не чуждающийся пивной кружки, Абби имел репутацию гения интриг, этакого Макиавелли. Тогда в Америке они обменялись лишь парой фраз, но характерно, что Абби сразу сказал: он сам будет вникать во все детали гранта для курчатника.

Это было правилом Джона Абби, за что его и уважали. Абби сам – дотошнее некуда – докапывался до сущих мелочей, причём были у него явные любимчики, а были те, кто ему чем-то не понравился, и тем Абби сразу «ставил минус», но не

объявлял им об этом, просто год за годом человек будет получать отказ на все его попытки что-то сделать.

И вот в конце октября Исаак Моисеевич решил прижать к стенке Боба Фиалу и потребовать ясного ответа: когда придут деньги? А если ответа нет, то зачем вообще вы приехали? Весной ведь уже была здесь «промежуточная миссия» из трёх американцев.

...Фиала согласился говорить, но попросил, чтобы Вити Овчинникова не было.

– Только вы, я и Кен. Или просто вы и я. Виктор пусть подойдёт позже. Пол-часа – час нам нужны наедине.

– И, наверное, мы позвоним г-ну Абби, ведь он всё решает?

– Может быть, и без него решим, – неопределённо ответил Роберт Фиала.

Он назначил встречу в отведённом американцам кабинетике; Кен тоже присутствовал.

– ...Господин Файнберг, – сказал Боб решительным и не сулящим хорошего голосом, – для того чтобы перечислить в Россию деньги, нам нужно ясно знать, кто обеспечит наши интересы со стороны России – кто отвечает за нужный *нам* результат. Вы способны быть этим человеком?

– Думаю, что да, – ответил Исаак Моисеевич, сам удивляясь тому, как легко это произнеслось. Но разговор так и был построен, чтобы облегчить ему эти «да».

– Тогда вот вам сделка, – заявил Фиала (“Then, here’s the deal”). – Вы даёте мне слово, что интересы Соединённых Штатов будут обеспечены на сто процентов, а я вам гарантирую быстрое перечисление второй части гранта и закрытие работ по нему. А затем... – Блеснув глазом, Фиала выразительно посмотрел на Файнберга. – Сотрудничество может быть продолжено в расширенном объёме.

– Да, но что такое «интересы Соединённых Штатов»? – Исаак Моисеевич чувствовал себя слабаком перед тушей этого американца с налившимися кровью глазами, с громадными кулачищами на столе. Он пытался поймать взгляд Кена, однако тот подчёркнуто смотрел в сторону.

– А что такое интересы США – для этого здесь мы с Кеном, – ответил Боб. – Это мы вам скажем. И звонить Джону Абби совершенно не обязательно. Решаем вы и я. Согласны?

– Да, я уже сказал.

– Отлично. Тогда... – Фиала грузно наклонился и извлёк из портфеля пачку листов. – Этого никто не должен видеть. Это вопросник. Ответьте письменно и отдадите мне. Как только я получу ваши ответы, вопрос двинется. Потом кое-что придётся подписать... Мы в любом случае должны подписать с вами как с директором лаборатории дополнительный протокол.

– Этот опросник... – Исаак Моисеевич просматривал листки, которых было двадцать с лишним. – Это квалифицируется как «госизмена» по российским законам?

– Ваши законы вам лучше знать. – Фиала приложил палец к губам и пожал плечами. – С нашей точки зрения, тут нет ничего криминального, но в ваших интересах – чтобы этих листов никто не видел.

– Согласен... Я уже сказал, что согласен. – Исаак Моисеевич попытался взбодриться, хотя чувствовал себя раздавленным.

– Кен, у вас есть что добавить? – Фиала обернулся к Кеннету, и в этот момент дверь резко распахнулась и вошёл Овчинников.

– Ой, простите... Я не помешал?

– Без стука, Витя? – Исаак Моисеевич первый встал и пожал ему руку, то же сделали оба американца. Во время их рукопожатия Исаак Моисеевич повернулся к Диме спиной, заслоняя листки с вопросами, и убрал их в портфель.

– Но мы прервали Кеннета, – сказал Исаак Моисеевич. – Вы что-то хотели сказать, Кеннет?

– Я хотел сказать... – Кеннет замялся. – Наше сотрудничество сталкивается сейчас с такими проблемами, которые более обычны были в девяностых – самом начале двухтысячных, в «Соросовский», так сказать, период. По крайней мере, так я могу судить по рассказам, я сам я тогда в России не бывал... В сегодняшней России многие утверждают, что страна твёрдо стоит на ногах, и всё же никто не отрицает, что бюджет Соединённых Штатов в десятки, иногда в сотни раз больше, так что...

– В общем, так, – перебил Кеннета Боб, а Исаак Моисеевич мельком подумал, что не надо быть супер-аналитиком, чтобы понять, о чём они тут говорили до прихода Вити. И Овчинников наверняка всё понял. – Мы всё решили и ждём от вас скорейшего ответа, тогда будет быстрый ответ и от нас.

Исаак Моисеевич даже руками не стал всплёскивать: настолько ясно было, что Боб решил не скрывать ничего от Вити.

– Ну вот... – Исаак Моисеевич обратился к Виктору, хотя говорил по-английски. – Наши американские партнёры попросили меня кое-что дополнительно им представить для гранта... Поэтому я сейчас уезжаю домой, а вы, Виктор, с гостями, по их программе... У вас есть какие-то проблемы? В Обнинск вы уже ездили?

– Обнинск у нас откладывается, – ответил Виктор. – Сегодня экскурсия в МГУ...

– Ну, если ко мне вопросов нет, то удачи вам...

И Исаак Моисеевич уехал домой, уже в автобусе достал эти несчастные листки, вчитался...

Холодное, тоскливое чувство поражения всё больше овладевало им... Неужели вот так он «проиграет» свою жизнь? Ведь его, по сути, завербовали, и он на это согласился... Сегодня влипнуть в дело о госизмене было так же нелепо, как, допустим, заразиться СПИДом. В его-то возрасте, когда уже давно – никаких любовных интрижек, когда уже сам СПИД, можно сказать, неактуален, даже для молодежи. И вдруг скандал: «Исаак Моисеевич болен СПИДом!» – Вот такой же дикостью было бы вляпаться в тайное сотрудничество с американской разведкой сейчас, когда – верно сказал Кен – Россию все считают стоящей уже на собственных ногах.

...Но так ли уж истинно то, что Россия встала с колен? Сегодняшней РАН далеко как до Луны до того размаха, с каким действовала Академия наук СССР. Эти чёртовы гранты по-прежнему нужны; при том что американцы сделали умнее: они поняли, что не русские «профукали» СССР, а они, американцы, прошляпили победу в Холодной войне. Ельцин задурил Клинтону голову, уговорив его создать Международную космическую станцию в те самые годы, когда в России многое рухнуло и страну можно было брать без оружия.

Теперь американцы спохватились; поздно, но тем гаже они пытаются злобствовать, выжимая за каждый доллар столько, сколько в годы Клинтона не требовали за миллион... А он, уважаемый учёный, отец семейства и дед двоих внуков,

руководитель семинара и, быть может, целой научной школы... Он станет козлом отпущения во всём этом деле, которое, наверняка, закончится скандалом?

Ну что же, – сказал себе Исаак Моисеевич, выходя из автобуса и направляясь к дому. – «Руководить значит страдать». Хочешь возглавить лабораторию – добудь для неё денег. Пусть хоть таким способом – а как ещё?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Казачий атаман Красновский на людях играл бодрячка, но чувствовал такое отчаяние, которое вполне мог бы назвать муками ада на земле.

Конечно, казак не должен унывать, тем более – атаман... Но кроме вещей совсем остервенелых ни разум, ни воображение ничего в будущем не сулили.

Его единственный сын погиб во время службы в армии в самом начале двухтысячных, это было тем более горько и нелепо, что Николай Юрьевич был кадровым офицером и о такой же судьбе мечтал для сына.

Отец Николая Юрьевича тоже был офицером... Нынешний военный пенсионер Николай Красновский родился в Казани, вырос под Киевом в городе Белая Церковь. Закончил Псковское военное училище, служил под Тернополем, в Днепропетровске, Харькове и Москве. Воевал в Афганистане, был награждён... А семейная жизнь не задалась. После гибели сына с прежней женой расстался, хотел жениться на молодой, но не сложилось. Сошёлся с женщиной разведённой, у которой собственный сын (почти ровесник его погибшего Анатолия) военных не любил, русского духа тоже чурался, а с появлением отчима-казака вообще перестал собственную мать навещать, и слава Богу. Для Красновского теперь молодые казаки были его сынами: тот же могучий Пархоменко или нескладный и слишком горячий Анатолий Кириллов, тёзка его погибшего сына.

Итак, сын потерян, других родных детей нет и это, что же, – и озлобило Николая Юрьевича, и привело его в казачество, эту универсально ненавидимую либералами и нередко сегодня шутовскую прослойку?

Может быть, так; но он предпочитал думать по-другому. Николай Юрьевич верил, что русский – это тот, кто обладает достаточным, быть может даже – избыточным запасом сил и кто убеждён в великом предназначении нации, несмотря ни на что.

А вынужденная бездетность это, конечно, проклятье, но она же позволяет сосредоточиться не на лично-семейном, а на тех великих задачах, которые он никогда не выпускал из вида... Хотя заниматься приходилось в основном мелочами.

Имелся у них кусок земли в Тропарёво, на нём – полуразвалившееся здание («казачий курень»), новопостроенная конюшня, плац для строевых занятий. При их Южно-московском казачьем отряде действовал кружок самбо, в который привлекли более десяти мальчишек, худо-бедно учили их и стрелять, собирать-разбирать автомат, рубить саблей.

А вот лошадь в конюшне была одна-единственная, это и ставило крест на мечте многих казаков: на конях патрулировать парки. Хотя бы две-три лошади – был бы уже отрядец, но выезжать по очереди на единственной кляче – они просто вызовут хохот. Потому Красновский ограничился высылкой пеших патрулей. Делали это по договору с МВД, но бесплатно, люди где-то работали, а казачью справу (форму) надевали в качестве хобби, либо, как Красновский, были военны-

ми пенсионерами. Но даже пешие патрульные наряды позволяли хоть чуть-чуть показать казака в центре Москвы, поучаствовать в столкновениях с либеральными толпами.

«Политика мелких шажков»... Однако имелись у Николая Юрьевича и несколько крупных, любимых идей. Он их однажды кратко записал – получилось сумбурно и противоречиво; реально тут почти ничего не выполнялось... И всё же сидело в голове как некий якорь. Записалось торопливо следующее:

Захватить баллистическую ракету. Для этого провести казачью разведку и выслать наряды в Плесецк, на Байконур, на космодром Восточный.

Следующий этап: у северо-корейцев добыть ядерный заряд (если наши наряды шибко охраняются и не удастся достать свой внутри России), установить действующую боеголовку на ракету и запустить её на США.

Вариант (в самом худшем случае): перекодировать наш грузовой «Прогресс», запускаемый для МКС, и повернуть ракету на Нью-Йорк или Вашингтон. Пусть без боезаряда, но хоть что-нибудь.

Для этого попробовать внедриться в центр управления полётами в Королёве, перебросить туда казачье подразделение (в соседние Мытищи?).

На этом записи обрывались. Он о них почти и не помнил, а когда вспоминал – пожимал плечами. Детство, что ли, ещё не умерло в нём? Совершенно несерьёзный план путча, только направленного на захват не власти, а отдельной ракеты или космодрома.

С другой стороны, он ведь прошёл через политическую клоунаду и знал, что для патриотов захватить федеральные рычаги власти – задача почти несбыточная. Посидел Красновский в президиумах партий и движений, походил в пикетах, постоял единичкой в толпе с флагом или хоругвью, поговорил на митингах и живым голосом, и через микрофон... Близко не подпускают даже к такому ряженому статусу, как думское депутатство. Так уж лучше ракету захватить или хотя бы пометать об этом... Ведь мечты порой сбываются, особенно если что-нибудь делаешь для их осуществления.

Проникновение на космодром Плесецк в Архангельской области или на Байконур в Кызылординской области нынешнего Казахстана Николай Юрьевич почти сразу отбросил как проекты утопические. Плесецк – объект Министерства обороны России и охраняется почти так же строго, как в военное время, то есть вариант «отвлечь разговором» не пройдёт. Часовые имеют инструкцию стрелять на поражение, и то же самое – в так называемом «независимом Казахстане», в котором власть, если с чем-то серьёзно борется, так это с исламскими террористами. Те не прочь были бы завладеть «независимыми землями», включая космодром. Кроме того, город Байконур целиком сдан в аренду Казахстаном России на пятьдесят, кажется, лет.

Но Бог с ним пока, с Байконуром, посмотрим на город Королёв, что в полчаса езды от Московской кольцевой в сторону северо-востока. Во время пикета в центре Москвы Николай Юрьевич разговорился с казаком из Мытищ – городка, примыкающего к Королёву, где и размещён знаменитый Центр управления космическими полётами. Оказывается, Мытищинские казаки имели договор с адми-

нистрацией города на охрану правопорядка, а есть ли аналогичный договор с администрацией Королёва, казачок не знал. Вполне мог быть, – рассуждал Николай Юрьевич, – и если да, то в нём главным пунктом (гласно или негласно) будет: не подпускать к космическому объекту любых радикалов, в том числе «называющих себя православными». Договор с казаками антиказачьей направленности: это Николай Юрьевич сам не раз проходил, и это его не удивляло. Главное, ты нас не тащи за решётку за ношение казачьей одежды, а там уж мы постепенно разберёмся, кто из нас «экстремист».

Не первый год горячими днями становились общенациональные праздники. В нынешнем мае – первого и пятого – случились заварухи на Пушкинской и ещё где-то в центре, да и приблизившиеся ноябрьские не обещали казакам покоя.

«День народного единства» – четвёртое ноября – выпадал в этом году на среду, потом в четверг-пятницу народ будет опохмеляться, а седьмого ноября, в субботу, следовало ждать новую бурю. В ответ на «Русский марш» четвёртого ноября (который полиция будет разгонять, а казаки, по традиции, останутся в стороне, хоть и будут скрипеть зубами) – в субботу и воскресенье либеральная шобла попыбует отобрать у русских город. Конечно, седьмого свои марши проведут коммунисты, и их толпотворчество можно было бы считать патриотичным, но к ним уже лет десять как научились примазываться тёртые и мутные, не столь уж молодые погоняльщики совершенно зелёной молодёжи: не то они правые, не то левые, не то русские, не то интернационалисты... ДДТ, одним словом.

...Точнее: ДДТ и ЛГБТ в одном флаконе. А смесь-то – неуживчивая! Здесь казаки неплохо засветились в мае в центре Москвы: нагайками стегали несанкционированный фестиваль геев, объединённый с митингом в защиту режиссёра Серебренникова. Потом гей с серьгой в ухе хвастал в интернете, что казаки, дескать, привлекли внимание к их фестивалю, который организаторы надеются сделать ежегодным... И на ближайшие ноябрьские, до которых осталось уже всего ничего, голубые, правозащитники и прочая мразь запланировали в Москве десятки (без преувеличения) шествий, митингов, фестивалей и прочей хрени, которую кроме казаков, похоже, разгонять было некому. Так и живём: «Русский марш» тормозят ОМОН и Росгвардия, словом – государственная полиция: перекрывают улицы и подгоняют автозаки; а марши и сборища антирусские государство делает вид, что не замечает.

Но не всё потеряно... Были и у казаков свои люди в ОМОНе, Росгвардии, полиции; Николай Юрьевич с парнями двадцатого октября подъехал к муниципальному главе в Тёплом стане и уговорил-таки прохиндея отдать им старенькую машину для перевозки з/к – «автозак». Своя пожарная машина у отряда уже давно была: она принадлежала казакам, но стояла в пожарном депо, как бы запасной единицей. Был у них и шофёр-пенсионер, по фамилии Баринов, дядька немного капризный, не пожелавший записаться в казаки, но провёл за баранкой всю жизнь, и в двигателях разбирался. В общем, пожарная машина была на ходу, и Николай Юрьевич помнил о ней как о мелком, но всё же козыре: подогнать в какую-нибудь бучу, на толпу повлияет.

С автозаком, однако, выходило ещё лучше. Когда Лошиц (депутат в Тёплом Стане) отдал на фургон документы, Николай Юрьевич мигом подключил к делу водителя Баринова: добиться, чтобы автозак был на ходу к ноябрьским праздни-

кам! (А у машины колёса спущены и проблемный двигатель.) Автозак станет недостающим звеном! Казачеству ведь запретили иметь оружие (кроме шашек, нагаек и учебных автоматов для сборки-разборки). Но как разгонять толпу, если не можешь посадить кого-то за решётку и под ключ?

Между прочим, своя камера для нарушителей у них была: так называемая гауптвахта в полуразрушенном курене рядом с конюшней. Она обычно пустовала, а жаль: ведь не зря её называют «гаупт»: по-немецки, «головной» или «главной» вахтой. Именно с такого помещения и начинается любая дисциплина.

Николай Юрьевич решил, что именно а автозаке они выдвинутся на Пушкинскую площадь 7 и 8 ноября: менты могут остановить, но могут и пропустить, в большинстве, это свои люди по духу.

А за неделю до ноябрьских позвонил Николаю Юрьевичу атаман Северо-московского казачьего отряда и позвал на помощь: в парке Северное Тушино радикалы планируют снос заборов, которыми ограждена стройплощадка будущей церкви. Немногие защитники храма ночами жгут костры, измучены, запуганы, а атеисты собирают громадные толпы и особенно массовый шабаш намечают на субботу, седьмого ноября. В общем, «Все на выручку!»

Николай Юрьевич поначалу озлился: у нас свои планы, мы не можем их бросить... Потом остыл, набрал Барина (водителя): как там автозак? Тот обрадовал: «Двигатель заканчиваем перебирать, будет работать, но на колёса, Юрьич, у меня денег нет. Переобуwać надо машину целиком, мне этого не потянуть». Теперь Красновский озлился уже на Барина. «Я заплачу за колёса, договаривайся на любую цену, но к утру субботы машина должна быть в действии». Вот так: прощайте, зубы! Николай Юрьевич хотел ставить импланты, а теперь все его смешные сбережения в размере ста тысяч рублей пойдут на чёртовы колёса.

Они приехали на автозаке ровно вовремя: страсти в парке накалились.

Хотя была суббота, но ехали долго, попали в пробку из-за ДТП. Добрались в Северное Тушино лишь после полудня и поразились: в парке была такая толпа, что еле пройдёшь! Откуда либералы берут столько людей? Стояли на газонах и на дорожках, и пахло скандалом, слышались то женские визги, то педерастические мужские крики: «Полиция! Где полиция?!»

Пока стояли в пробке, он созванивался с атаманом Северного отряда Никифоровым, и раза три они успели поменять план действий: так быстро менялась обстановка. В конце решили: подъехать по набережной, высадиться и врезаться в толпу либералов сзади. Так и сделали: сначала молча шли по газонам через толпы, их никто не останавливал, потом всё шире заговорили со всех сторон: «Казаки! Осторожнее, друзья, казаки! Казачков десяток подъехал!»

И правда, их был всего десяток, и Красновский пожалел, что не дал команду разомкнуться: тем самым он позволил себя пересчитать! А десятка кто же испугается? Либералов тут были многие сотни, скорее – тысячи.

– Вперёд, ребята, а ну – похлещем! – закричал Красновский и хлестнул ногой загораживающую путь группу. Там взвизгнули, разбежались... – Что, тварь, не любишь?! Хлещи их, ребята!

Николай Юрьевич вошёл в раж, да и приятно это было: видеть, как волны страха – словно ветер пригибает траву – сжимали этих людей в плотные кучи и заставляли их бежать прочь гурьбой, как бегут овцы от кнута.

Так, разрезая толпу, они пробились к забору – вернее, к лёгонькой металлической сеточке, которую грех было не сорвать и не повалить. При виде их за прозрачной этой сеткой посветлели лица наших – совсем уже угрюмые и отчаянные.

– Вы стойте за сеткой! – крикнул им Красновский. – Мы пойдём их здесь громить!

План его был: как бы отталкиваясь от ограды, зигзагом идти через толпу. Однако двое из либерастов вцепились в ограждение и не хотели бежать, их повалили на траву вместе с сеткой.

– Этих я возьму! Этих в автозак! – крикнул Красновский, и вот уже могучий Пархоменко держал обоих за шиворот, каждого одной рукой. Правда, тот, что сильнее, в красной куртке, вырвался и удрал, зато второго, курносенького, Красновский сам, заломив ему руку, потащил в глубь позиции обороняющихся. Верёвки имелись, и пойманному связали руки и ноги, посадили его на траву.

– Ты кто такой?

– Не имеете права! Я сотрудник Курчатовского института, – кричал задержанный, – над атомным проектом работаю!

– Что?! Вот ты-то нам и нужен! – обрадовался Красновский. Атаман сам не понимал, что он говорит и что вообще происходит.

Свист, ор и гам стояли до небес, кто-то кричал в мегафон, всё время визжали девицы и женщины... И то, что Красновский произносил, выскакивало из него автоматически. «Взять заложника из курчатника, добраться до атомного проекта!» – Чушь, безумие! – останавливал он сам себя. – Сейчас решается судьба загородки: устоит ли она?

– Ребята, не отвлекаться! Все на разгон толпы, оттеснить от забора!.. Арестованных сажай сюда! – Он сам себе противоречил. – Связывать их всех вместе, потом подгоним автозак... Вперёд!

Он бросился туда, где уже повалили несколько секций забора, где либералы хлынули лавой на так называемую охраняемую территорию, где уже ясно было, что всё потеряно.

Что-то хлопнуло, взорвалось, задымились клубы слезоточивого газа; сквозь пёструю толпу зачернела форма полиции, которая, кажется, действовала на стороне большинства, то есть – увы – на стороне всё той же пятой колонны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стройплощадку в парке Северное Тушино отстоять не удалось. Либералы ворвались на неё точно так же, как год с небольшим назад это им удалось в Екатеринбурге. Там тоже планировали занять часть сквера храмом, так называемая общественность возмутилась, захватила участок и не дала начать строительство. Власти Екатеринбурга объявили, что для храма найдут новое место, а, собственно, зачем они это сделали? Стройку можно было заморозить, часть сквера раскопать: не хотите храм – получайте кучи песка и щебня.

Похоже было, что тактику «заматывания вопроса» выбрали в Москве, и слава Богу! Ограждение было снесено, стройку никто не вёл, но и от проекта возвести храм не отказались. Борьба перешла в плоскость проволок и юридических тяжб.

Когда Красновский увидел, что либералы прорвали оцепление и сломали хлипкий забор, он собрал свой десяток казаков и приказал им троих арестован-

ных тащить в автозак. И сам хлестал толпы ногойкой, расчищая путь. Либералы смаковали победу, доламывали хрупкий заборчик, глумились над посрамлёнными защитниками стройки, большинство из которых исчезло, но некоторые угрюмо оставались на своих местах, словно не веря в произошедшее или пытаясь доказать кому-то: я не ушёл, а то, что меня давно окружили, мне безразлично.

В этой неразберихе троих связанных казаки всё-таки дотащили до набережной, куда подогнали автозак, загрузились и уехали, хотя их пытались не выпустить, кто-то ложился под колёса, пришлось оттаскивать. Выбрались из свары, и в районе Волоколамского шоссе Красновский попросил Барина остановиться фургон в тихом месте. Таковое пришлось поискать, и всё же некий тупичок обнаружили, там сняли показания со всех трёх задержанных. Вернее, переписали данные с отображенных у них документов.

После этого Красновский вышел из фургона, позвав с собой Пархоменко и Анатолия.

– Что будем делать, казаки? С этими тремя гавриками?

– Выпороть бы их... – мечтательно произнёс Пархоменко. – И отпустить.

– Теперь мы в их руках... – Анатолий поёжился. – А не они у нас. Если они трое дадут показания... Да ещё сговорятся, да найдут свидетелей дополнительных...

– Эх, – крикнул Пархоменко. – Мало не покажется.

– Вот и я думаю, казаки, – сказал Красновский, – что надо их подвезти к метро и там отпустить... Всех, кроме одного. Студента-медика отпустим, и второго, который сказал, что работает курьером, а вот третьего, который кричал, что он сотрудник Курчатовского центра, – его я оставляю себе.

– Кричал: «Если не отпустите, вам же, мол, хуже будет», – процедил Пархоменко.

– Посмотрим, кому хуже будет! – Николай Юрьевич ещё не остыл от схватки, но чувствовал, что к нему уже вернулась способность рассчитывать действия. – Анатолий, как у тебя с этим хутором? С дачей твоей?

– В деревне Кукшево? – Анатолий оживился. – Завтра я собирался. Но условия... Ты же был там, Юрьич.

– Условия создадим. Значит так... – План сложился в голове атамана мгновенно, и он скороговоркой высказал его так, как если бы прочёл по бумажке. – Сначала двоих отпускаем у двух разных станций метро, потом третьего – Евдокимова – привозим в курень, по дороге тебя, Анатолий, завозим домой, и ты приезжаешь в курень на своей машине...

– Машина неисправна. – Анатолий почесал в затылке.

– Тогда на твоей, Николай. – Красновский повернулся к Пархоменко. – У тебя исправен джип?

– Так точно.

– Значит, следом за нами едешь в курень, там его загружаем в багажник твоего джипа и втроём везём к Анатолию, в деревню. Там за два-три дня мы должны его сломать. Я возьму у него расписку... Потом отпустим, и будет наш человек в курчатнике. Или не отпустим, – добавил Красновский зловеще. – Посмотрим, как он себя поведёт. Всё ясно? По местам, в фургон...

Николай Юрьевич вызвал наружу водителя и повторил ему инструкции. Они сильно рисковали: «похищение людей», «взятие заложников» – серьёзные статьи. Именно поэтому следовало посадить двоих у разных станций метро, чтобы не смогли договориться. Красновский поспешил в фургон:

– А ну-ка, этих двух рассадить! Вы что, элементарное забыли? Арестованные не должны общаться, а вы при них не должны говорить ни о чём!

– А мы не арестованные! Вы не имеете пра... – От удара ногой под дых Евдокимов не смог договорить.

– Ты у меня вякни ещё! – На него надвинулся Пархоменко. – Счас рот-то заклеим скотчем!

...Автозак на московских улицах вызывал странные взгляды полицейских, но пока их не останавливали. У первой станции метро Красновский сделал вид, что с кем-то созванивается, потом якобы вернул документы студенту-медику.

– Повезло тебе в этот раз. Начальство приказало отпустить. Но ты будешь на учёте. Ты ведь русский человек?

– Да я вообще нейтрален! Я случайно там оказался. – Студент неверной рукой взял документы и быстро исчез.

То же самое Красновский проделал на следующей станции метро со вторым задержанным – курьером. Этот вообще начал уверять, что хочет поступить в казаки, – Николай Юрьевич чуть не дал ему свою визитку. Но это было бы крайней глупостью!

– В казаки вы не годитесь! – сказал он резко. – Предложите ваши услуги в МВД, там скорее оценят... А в общем – успехов. – Он хлопнул парня по плечу, запрыгнул в дверь фургона.

– А ты, скотина... – С размаха ударил в лицо третьего, Евдокимова, тот успел отвернуться, и кулак угодил в скулу. Всё равно синяк будет, а ведь это зря... Следовало человека сильно напугать и в то же время не оставить следов. И об увозе его в деревню не должны были знать лишние, включая остальных казачков. Половину из их десятка Николай Юрьевич отпустил домой тоже у метро.

– Спасибо, ребята, сегодня потрудились на славу! Не без ранений... – У одного из казаков половина лица была раздута – ударили ногой; у многих порвана форма, да и наполучали синяков и ссадин: они будут болеть тем противнее, чем яснее будет становиться, что сегодня их, в сущности, победили. А эта авантюра с так называемым «арестом», а с точки зрения власти, с «похищением» людей, может привести к аресту их самих и к роспуску их отряда... Не случайно у Николая Юрьевича темнело в глазах, болело горло и, похоже, поднималась температура: сам организм кричал ему, что он совершает тяжёлую ошибку!

Но спрашивается: наших людей сколько раз похищали, сколько держали в рабстве, скольких зверски убивали те же чеченцы? При полном молчании, а то и при одобрении Запада и так называемого «правозащитного сообщества». А что же мы, казаки? Должны забыть наше древнее правило учиться у врага и воевать его оружием?

Всю дорогу по МКАДу и потом до куреня он безмолвно молился: и чтобы Господь не дал ему заболеть, и чтобы добраться успешно до намеченной точки в Подмоскowie... Остановили их один раз, Баринов предъявил документы, которые были в порядке, а солидно объяснять, кто они и какое «важное задание руководства» выполняют, Баринов умел, это был прирождённый дипломат. Он и на собраниях выступал так весомо, что завидки брали. Поскольку фургон был закрытый и с внутренними перегородками, то менты, даже если бы и заглянули внутрь, ничего бы не увидели, но они заглядывать не стали, удовлетворившись какими-то словами Баринова.

Высадили Пархоменко у его дома, наказав не мешкать, и, наконец, въехали на волнистую, ухабистую землю их куреня, причём Николай Юрьевич так и не

решил: выводить ли Евдокимова в их так называемую «гауптвахту», то есть карцер, или держать его в фургоне и уже оттуда перегрузить в джип Пархоменко? У арестованных при угрозе жизни обостряется сила ума, они по малейшим подслушанным обрывкам слов угадывают намерения тюремщиков, по остановкам и поворотам машины способны увидеть маршрут, словно прочерченный на карте... Охраннику, находящемуся в более спокойном состоянии, нечего и думать состязаться с ними. Но это охраннику «законному», а поскольку казаки тоже отчасти «вне закона», то их проницательность может и не уступить вражеской... Если бы только отпустили боль в горле, шум в ушах и потемнение зрения...

...Аптечка! – вспомнил Красновский. Здесь, в курене, должен быть аспирин. Он, едва ли не пошатываясь, обошёл кабину, из которой на землю грузно соскочил Баринов.

– Документы на машину... В бардачке? Ключи?.. Хорошо, давайте мне... Мы с этим гавриком скоро закончим, отпустим его... Пока пусть посидит в фургоне.

– Николай Юрьевич, вы в порядке? – Баринов всмотрелся в лицо атамана.

– А что, плохо выгляжу?.. Пойду прилягу. Слегка устал. Вам спасибо за службу, хорошо поработали...

Слава Богу, аспирин нашёлся, и Красновский принял две таблетки, прилёг. Тут приехал шумный Пархоменко, с полным мешком куры-гриля, лаваша... Пива не забыл.

– Это запрещается! – воскликнул Красновский, указывая на пиво. – Воды бы привёз лучше! Чем запивать будем?

За водой послали молодого казачка, плотно покушали, потом возник вопрос: дожидаться ли темноты или везти пленного в деревню сейчас?

Красновский вышел из караульного помещения, намереваясь приложить ухо к металлической обшивке автозака. Но уже издали были слышны глухие удары и крики. Этот паразит стучал в железные стенки фургона и звал на помощь! Если посторонние услышат... Вообще вся эта затея с автозаком самому Николаю Юрьевичу казалась всё более безумной! Не в том они положении, чтобы развезать на таком транспорте, у них и пожарную-то машину новое начальство МЧС обещало отобрать.

Он вернулся в караулку.

– Ребята, кто его успокоит? Кричит, в стены стучит... Ты, Анатолий?

– Вместе пойдём. – Пархоменко тоже поднялся, и они вышли вдвоём с Анатолием, потом Пархоменко вернулся за скотчем. – Думаю рот ему сразу заклеить...

– Правильно! – одобрил Красновский. – Сейчас поедем, минут через двадцать, ждать не будем...

Он позвонил тому сообразительному казачку, Жене Белошееву, который сгнал в магазин за бутилированной водой и которого он отпустил было домой. Тот вернулся, и атаман поручил ему узнать как можно больше о задержанном Евдокимове Дмитрие Михайловиче, 1985 года рождения. Съездить по адресу, посмотреть, что за квартира, кто ещё прописан, кто проживает.

– По базе пробей, у тебя есть справочник телефонный?

– Так точно. Он устаревший, правда...

– В соцсетях его найди. В общем, полную оперативную разработку, набери на компьютере результаты и вышлешь мне, завтра к полудню.

– Женат или холост, есть ли дети... – добавил Пархоменко, уже вернувшийся в караулку.

– Стоп! – Красновский поднял руку. – А вот этого не надо! Твоя главная задача – не засветиться. Только квартира: какой дом, какой этаж, как выглядит подъезд. Но ни одного вопроса ни к кому из соседей, понял? Если человек исчез и приходят узнавать о нём...

– Ясно, Николай Юрьевич, я же не дурачок.

– Один раз пройдёшь, и всё, зоркому казаку этого достаточно. Но соцсети остаются... И никому ни слова: об этом знаем только мы четверо. Для всех остальных: мы его отпустили, вернее: вообще не знаем такого и не видели...

Положили его не в багажник джипа, который менты могли попросить открыть, а на пол позади водителя, рядом с Анатолием. Сверху навалили старых бушлатов, пару мешков с заржавленным оружием и всякими железяками. Евдокимов сомлел и уже вовсе не дёргался; сутки его, конечно, нельзя будет поить и кормить, чтобы стал сговорчивее.

Наконец поехали. Небо хмурилось, и брызгал дождь; холодная ветреная погода – мрачнее некуда. Их маршрут лежал сначала по Калужскому шоссе, с которого быстро свернули направо... Ватутинки, Жуковка, Верховье, Рогозино... Отличное шоссе продолжалось ещё минут двадцать до Первомайского и даже до Ивановского, где последний раз напрягся Николай Юрьевич на переднем сиденье, увидев пост ДПС и внимательные ментовские глаза. Он был в казачьей форме и готов был с достоинством выйти и раскрыть удостоверение в пластике. «Есаул казачьего войска... Какие вопросы к моему водителю?»

Но не остановили... Вскоре дорога сузилась, после Милюкова участились выбоины в асфальте, а после Елизарова асфальт вообще исчез, и они начали опасно ухаживать в лужи на разъезженной грузовиками или тракторами дороге. Но до деревни Кукшево доехать ещё можно было, а вот потом Анатолий пересел вперёд и начал руководить Пархоменкой, что называется, в ручном режиме:

– По колее, по колее... Стоп! Здесь объезд! Объезд, объезд по траве...

...А ведь этот негодяй всё слышит! – в очередной раз кольнула мысль.

– Мужики, в сотый раз напоминаю, никаких названий не произносим, как и имён!

– Ты смотри, Юрьич, как бы он там не умер! – весело отозвался Пархоменко.
– Вот это будет казус!

– Какой я тебе Юрьич? – огрызнулся Красновский. – Я Михалыч!

– Ну, уж до такой степени... Опа! – Машина опять нырнула в яму, бледный свет фар на кустах впереди упал вниз и подскочил.

– Вот он! Хуторок в степи! – нелогично объявил Анатолий, указывая на показавшийся из-за густого леса сарай. – Моя ферма... Дом-то мы ведь проехали в одной из тех деревень, имён которых называть не буду... А это...

Это было то, что надо. Отдельно стоящие в окружении перелесков и болот два сруба с кое-как залатанными крышами; каких-то сорок минут от Москвы, а глушь, будто отъехали на четыреста километров. Строения Анатолий, кажется, оформил на себя совершенно бесплатно, настолько они никому не были нужны: ни нормального подъездного пути, ни электричества, ни даже колодца – за водой ходили с ведрами к грязноватой яме на болоте.

...На случай чужих ушей Пархом, открыв дверь джипа, врубил погромче музыку, и под этот аккомпанемент с притащенного в сарай Евдокимова Крас-

новский снял первый настоящий допрос. Фамилия, имя, дата и место рождения, место работы и должность. Оказалось: старший лаборант в каком-то там отделе курчатника.

– Ёх-ханий бабай! – не сдержался Николай Юрьевич. – Так ты лаборант всего лишь? А кричал-то: «атомный проект»...

Красновский с размаха бросил ручку на земляной пол сарая и туда же листки с протоколом допроса, встал с ящика... Хотел ударить пленного, тот испуганно сморщился и вжал голову в плечи.

Какой-никакой, а это был человек, гражданин России с паспортом, а за лаборанта дело пришьют так же, как и за генерального директора.

Николай Юрьевич нервно шагнул три шага в одну сторону и столько же в другую... Ладно! Будем работать с тем, что есть. Лаборант-то он – где? В Курчатковском институте. А это, как говорится, «не комар чихнул».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

С момента захвата Дмитрий Евдокимов не переставал чувствовать своеобразное половое возбуждение. Неужели он настолько мазохист? Неужели ему нравится даже, когда его бьют, связывают, везут куда-то против его воли?

А вдруг будут насиловать в зад? Нет, казакам это несвойственно... Хотя, как знать?

Он любил извращённое подчинение – за это и был брошен женой. В основном, его привлекали педерастические упражнения, но однажды он попал в руки пары садистов. Секса втроём им оказалось мало. Они его связали и ввели в член стеклянный катетер, это была страшная, раздирающая боль! Он не верил, что стеклянная трубка диаметром полсантиметра войдёт в его мочеточник... Вошла!

Боль едва не свела его с ума, но когда катетер вынули, они все трое хохотали, как припадочные.

Ощущение и правда было женским: тебе в самое чувствительное место вставляют некий посторонний предмет... И всё же он постарался больше не встречаться с этой парой. А было над чем подумать... Мужчина этот, похоже, был опытен в катетерах и членах; быть может, сам прошёл через подобное. Ведь садисты, как правило, подвергают других тому, что сделали когда-то с ними.

...Это всё было плотно утрамбовано и закатано под другими воспоминаниями, под другим поведением, от которого он, тридцатипятилетний, не отступал уже сколько? Годик, наверное, будет... Последние мазохистские эскапады случились, кажется, аккурат прошлой осенью.

...Но неужели казаков привлекла именно его тщательно скрываемая, но, видимо, в чём-то проявляющаяся жертвенность? Наверное... Подобное притягивает подобное, точнее – непарные половинки находят друг друга.

...Но что им всё-таки нужно?

У него узнали личные данные, кто он такой, где и чем живёт, потом снова заклеили рот скотчем и ушли из сарая.

И Евдокимов остался один... Руки и ноги ему развязать не подумали, но хорошо, что не били! На той куче досок и реек, куда его посадили, не к чему было приклониться, он дополз до стены... Перепачкался: как теперь покажется в Москве?

...Итак, чего же хотят от него эти несчастные люди?

Снаружи совсем стемнело, а в сарае вообще было ничего не разглядеть. Позади брёвен бушевал ветер с дождём, и, между прочим, крыша сарая текла. Хорошо, не прямо на голову.

Евдокимов потёрся затылком и виском о бревенчатую стену, потом улёгся рядом с этой стеной. Но земляной пол был влажный, и пришлось ползти обратно к той груде деревяшек, на которой он сидел раньше.

...В общем, пока с ним ничего плохого не сделали. Ну, увезли куда-то – в глухое место в Подмоскovie. Сколько он ни прислушивался – ничего, кроме шума ветра и плеска дождя. Сырой, пронзительный холод мучил всё сильнее; он подумал, что надо бы двигаться...

Руки и ноги его были связаны; и всё-таки Евдокимов встал, начал приседать, чтобы согреться. Тридцать, сорок приседаний... Напрягал поочерёдно все мышцы, шевелил пальцами рук и ног, чтобы не затекали, крутил головой. Запыхавшись, сидел на досках, потом опять холод пронизывал, и опять он начинал серию приседаний.

Время, наверное, шло к полуночи, и дождь не стихал. Между прочим, дверь сарая была не заперта, так как отсутствовали запоры, её просто снаружи подпёрли каким-то бревном или колодой. При желании можно было надавить сильнее, открыть и бежать, но куда – под дождь? И бежать со связанными ногами Евдокимов всё равно бы не смог – только катиться или ползти по мокрой траве.

...Он думал о своих родителях – престарелых уже матери и отце, о бывшей жене Ольге и десятилетней дочери Катерине. Папаша твой совсем непутёвый! – мысленно говорил он дочери. Хорошо хоть попал в политическую заваруху, а не в то постыдное, мазохистское, о чём вспоминалось с содроганием даже сейчас, когда главная дрожь была – от холода.

Как всё-таки им крикнуть, попросить, чтобы дали один из тех ватников, которые навалили на него в машине? Как умолить их отпустить его? Зачем он им нужен?

Опять напрягал мышцы, и делал приседания, и выбивался из сил. Пить хотелось.

...Когда муки холода стали невыносимы, Евдокимов взмолился Господу...

...И вдруг – теплом и светом опажнуло: голоса за дверью!.. Его ослепили фонариком, потом кинули ему на колени пару телогреек защитного цвета...

– Одеть-то он не может, руки связаны, – сказал один казак, а второй обратился к нему голосом повышенно громким, как говорят с глухими или с не вполне разумными:

– Ну что тут?! Замёрз?! Понял, как на митинги протеста ходить? Ты против кого пошёл?! Ты на казаков пошёл, на Россию! – Это говорил второй казак, грузный. А первый, худощавый, спросил его:

– Будешь орать? Рот тебе разлепить? Спокойно будешь говорить?

Евдокимов усиленно кивал: дескать, да, отклейте скотч со рта. Это сделали, и он взмолился:

– Ребята, я совсем замёрз... Простужусь ведь!

– Ага! Не любишь? А манифестировать будешь?

– Не буду, ребята!

– Какие мы тебе «ребята»? – надвинулся бугай. – «Господа казаки» должен говорить!

– Ладно, подожди, – остановил его худощавый и обратился к Евдокимову так: – Ты будешь ходить на митинги протеста?

– Нет, не буду... господа казаки! Хотя это ведь... Право гражданское! Там много народа было, почему меня взяли?!

– А не тебя одного! – явно соврал худощавый казак. – Сейчас со многими такие допросы проводятся: мы ваших арестовали человек сто.

– Я готов не ходить! – повторил Евдокимов и продолжал поспешно: – Я не буду ходить на митинги! Простите меня и отпустите, отвезите обратно... Или просто развяжите, я сам доберусь...

– Мы тебя развяжем, – сказал грузный казак. – Но ты должен дать письменное обещание – согласен?

– Согласен! Подпишу любую бумагу!

– Э-э, так не пойдёт! «Любую бумагу». Осознать, покаяться...

Тут, видимо, у них была нестыковка: их пока прислали не для того, чтобы он что-то подписал (хотя он уже был готов), а просто – чтобы его утеплить. В итоге ему развязали руки, надели на него тёплый бушлат и опять связали. Найдя сухое место в углу сарая, кинули там другой бушлат, усадили его и ушли.

И Евдокимов даже слегка согрелся, начал задрёмывать... Но тут опять: открывается дверь, слепит фонарь, и ему развязывают ноги и приводят его – точнее, притаскивают, так как ноги почти его не слушались, – в жарко натопленную соседнюю избушку.

...Развязали руки, дали выпить воды, горячего чая, и началась «душеспасительная беседа», которая и впрямь показалась Евдокимову небесным каким-то елеем на раны, предвкушением того рая, в который он попадёт, если уверует в Господа. Правда, в избушке пахло чем-то съестным, и ему очень хотелось есть.

– ...Ты понял, что не должен бунтовать? Что не должен тусоваться с этой мразью оппозиционной?!

– Понял, господа казаки... Поверьте: случайно попал! Я вне политики.

(Продолжение следует).

Писатели Витебщины

Поэзия

Лидия ПИСКУН

Лидия Григорьевна Пискун родилась 26 ноября 1959 года в деревне Мингрельская Абинского района Краснодарского края. Окончила Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, микробиологический факультет. Автор трёх книг, член Союза писателей Беларуси. Живет и работает в Полоцке.

Потерянная птица

ДОРОГА

Пусть всех дорог не перечесть,
Но, поднимая пыль Вселенной,
Летят года, и что-то есть
В дороге бесконечной, бренной...

И не свернуть мне, не уйти:
Здесь страсть, разлуки и погони,
Любовь, несчастья на пути...
Несут-несут мгновенья-кони.

Пусть мчится вечность в никуда,
Вращая колесо фортуны,
Всё унесут с собой года,
Вместив в серебряные струны.

И... где-то на краю Земли
По юным, чистым, дерзким вехам
Взойдут другие корабли,
Всё повторится вечным эхом...

ПРОЩАЙ

Жар смущённо краснеющей осени
На заре полыхает в саду.
Грусть, разлившейся по небу просини
Толь на радость, а толь на беду.

Встреч недавних унылые почести
Догорают багрянцем аллеи.
Пожелтели листы нашей повести
Не зови и меня не жалеи.

С плеч косынка уносится птицею,
Улетела, и бог с ней, прощай.
Клин гусиный в дали вереницею,
Накатилась слеза невзначай.

Глаз зелёных бездонные омуты,
В золотой утопают листве.
Бесполезны резонные доводы,
Осень бродит сама по себе...

СТАРЫЙ АХТЫРСКИЙ САДОК

Бьётся сердце потерянной птицею –
Улетело в чужие края.
Только снится мне ноченькой ситцевой
Милый дом, где бабуля моя,

Подпоясавшись фартуком синеньким,
Хлопоча у горячей печи,
Достаёт запечённые синеньки*
И фасолевые калачи...

Сны меняются – слайды-картиночки:
Я уже на лугу у реки,
Всё бегу по заветной тропиночке
В старый сад, где цветут васильки.

Мчит тропинка, петляет, проказница.
Вот над речкой висячий мосток,
И прохладой манит и дразнится
Позабывтый заросший садок.

Грусть накроют деревья ветвистые
Тенью времени прожитых лет.
Детства зайчики пляшут лучистые,
Вспоминая тот солнечный свет...

Сны запутались, сны недосказаны...
Не распутать мне жизни клубок.
Крепкой нитью навеки мы связаны –
Я и старый Ахтырский садок.

ИЛЛЮЗИЯ

Покоен летний пруд, благоговейно тих.
На водной глади солнечные блики,
Небес бездонных отражая лики,
Запечатлели тот неуловимый миг,
Что провидением даётся лишь однажды
И никогда не повторится дважды.

Затихший летний пруд
 стенной осоки глух.
На водной глади паучки и мошки –
Частички мира, глупенькие крошки,
Ютятся стайками,
 вращая в лапках пух
Марионетками вселенской паутины
В моём пруду в глазури синей тины...

До боли мне знаком
сей иллюзорный миг:
Кубышек жёлтых яркое сверканье,
И ряби водной тихое плесканье.
Как будто я – мой собственный
двойник.
И нет реальнее иллюзии обмана,
Чем отраженье мира без изъяна.

О, как ничтожен этот эфемерный миг
И как он всё-таки велик...

ЗНАЕТ ТОЛЬКО ОСЕНЬ

Вновь погода в октябре
Солнцем красного рассвета
Мне напомнила про лето.
Ну и пусть зовётся бабьим лето:
Ночкой звёздной в серебре,
Лугом росным на заре,
В карамельном янтаре
Затеряться б где-то...

Рыжих листьев карусель
В омут завлечёт бездонный,
И кораблик мой картонный
Понесётся по волнам бездумно.
Пусть звучит виолончель,
Пусть летит лохматый шмель,
И дурманит душу хмель...
От чего ж так сумно?..

Мимолётен бабий век.
Паутиною осенней,
С каждым годом всё надменной,
Устилает сизый иней косы.
Вертит время имярек,
Ускоряя жизни бег,
И когда накроет снег,
Знает только осень...

* Местное название баклажан.

ПрозА

Сергей КРАСОВ

МИНЬКА

Маленькая повесть

1708 год, осень

– Минька! Где тебя черти носят!?

Восьмилетний мальчуган невысокого роста, с остриженными «под горшок» соломенными волосами, услышал крик со стороны конюшни, быстро заровнял ладошками песок над своим тайником, сверху забросал его ветками и опавшими листьями. Потом отошёл на пару шагов, придирчиво окинул взглядом небольшую полянку в густых зарослях малинника. Вроде всё нормально. Зацепившись рукой за ветку липы, вскочил босыми ногами на широкий пенёк на краю оврага и, вытянув тонкую шею, внимательно огляделся, прикрываясь листьями дерева. Поверх малиновых зарослей хорошо было видно конюшню, баню и часть просторной корчмы. Ни одного человека видно не было.

Минька спрыгнул с пенёка, ещё двумя прыжками скатился на дно оврага, где журчал едва заметный после жаркого лета ручей. Закатав до колен штанины латаных портков, Минька быстро пробежал по песчаному дну ручья вниз по течению, шлёпая по воде ногами и поднимая брызги. Когда из-за поворота показался мост через овраг, он перешёл на шаг и стал высматривать на склоне место, где поменьше зарослей. Потом, цепляясь за ветки кустов, Минька ловко выбрался из оврага и оказался на дороге, накатанной колёсами телег.

И как раз вовремя. Вышедший из-за угла конюх Афанасий уже открыл было рот, чтобы опять крикнуть Миньку, но увидел его самого и показал пудовый кулак.

– Так я же не надолго, дядь Афанасий. Только глянул, появились уже опять или нет, – оправдывался на ходу Минька, хватая широкую лопату и одновременно уклоняясь от затрешины.

– Какие опять? – на мгновение задумался Афанасий. – Сухотища такая. Дождей уже седмицы две или три не было. – Он машинально посмотрел на небо и перекрестился. Миньке этого хватило, чтобы вместе с лопатой прошмыгнуть в широко распахнутые двери конюшни.

«Вот пострелёнок!» – усмехнулся про себя Афанасий и грозным голосом крикнул в распахнутую дверь:

– Чтоб к вечерне всё было чисто! Смотри мне ужо!

– Сделаю, дядька Афанасий, не впервой, – донеслось изнутри.

– Так, что я хотел сделать? – пробормотал про себя Афанасий. – Хомут починить, что-то растрепался совсем, да сани пора посмотреть, может починить чего надобно, не заметишь, как и зима подкатит, – он заковылял в угол двора, хромая на покалеченную ногу.

Минька знал, что Афанасий – мужик добрый, отходчивый. Ну, влепит иногда подзатыльник или дёрнет за вихры, так то ж ведь за дело, для порядка. Не то что хозяин – Игнат Акимыч. Тот как зыркнет глазами – у Миньки сразу мурашки по спине. И не кричит никогда. Просто скажет: «Скидывай портки!» И Минька идёт, обливаясь слезами, на ходу развязывая верёвку на штанах. Это чтобы штаны ремнём не попортить, а кожу на минькиной заднице хозяину не жалко. А то, что после порки Минька неделю спит на животе и ест стоя, так на это Игнат Акимыч только посмеивается.

Но и на хозяина Миньке грех обижаться. Два года назад приютил его беспризорного, не выгнал на улицу, кормит, одевает. А то, что работать заставляет, так все же работают. И сам он корчму содержит, всё время в хлопотах, куда-то ездит, что-то привозит, с постояльцами договаривается, за всем большим хозяйством приглядывает. В то же время не гнушается и дрова колоть, и крышу чинить, и ворота новые недавно сам устанавливал.

Жена его – хозяйка – Марфа Ивановна вместе со старшими дочерьми на кухне хозяйничает. Готовят еду для постояльцев и для своих. Младшая дочка – десятилетняя Дашка – тоже на кухне помогает, в основном посуду моет вместе с Минькой, но уже и к стряпне подключается понемногу. Привыкает.

Минькиной главной обязанностью, кроме мытья посуды, является подметание и мытьё полов на кухне и в зале, вытирание столов, уборка из зала грязной посуды, вынос мусора и всё остальное, что скажет хозяин. Кормили его неплохо, грех жаловаться, одежку тоже давали, хоть и не новую, но крепкую и чистую.

За чистотой минькиной одежды следила Даша. Если он ухитрялся вымазать только что выстиранные портки, мог и хворостиной от неё получить. Но это уже так – для порядка, а вообще они с Дашкой даже дружили, играли вместе, когда было свободное время.

Больше всего в жизни Минька мечтал найти свою маму. Память его хорошо сохранила её голос, лицо, нежное тепло в глазах, когда она смотрела на него. Дом, где они жили, Минька помнил смутно. Там жила ещё одна очень старая женщина, которая Миньку не любила. Она обзывала его «огузком», «выкидышем» и другими плохими словами. Но мама называла эту женщину «мамой». Чего Минька тогда никак не мог понять. Он считал, что мамы могут быть только у маленьких детей. Это сейчас с высоты своих восьми лет он понимал, что это была, скорее всего, его бабушка.

Мужчин в доме не было. Город, где находился их дом, назывался Витебск, а в каком месте города они жили, Минька не знал. Когда они куда-нибудь уходили из дома, мама всегда держала его за руку. Так же и возвращались. Минька с интересом разглядывал людей и всё, что попадалось навстречу, а вот запомнить улицу не догадался.

Так же они ушли из дома и в тот злополучный день. На рынке, куда они пришли, было столько всего интересного, такие вкусные запахи со всех сторон! Минька без перерыва крутил головой стараясь всё рассмотреть.

Мама пообещала ему купить леденец на палочке, и они остановились у лотка с леденцами. У Миньки глаза разбежались от такой красоты. Каких там только леденцов не было! И петушки, и зайчики, и котики. Красные, жёлтые, зелёные. Мама сказала, что купит только один: «Выбирай». Минька растерялся, всё было на вид такое красивое и вкусное.

В этот момент раздались крики: «Держи вора!» Все вокруг стали толкаться, кричать. Кого-то рядом с ними повалили на землю и стали бить. Его грубо оттолкнули в сторону, он упал. Когда поднялся, увидел только спины дерущихся мужиков, мамки видно не было. Какая-то женщина подхватила его на руки со словами:

– Иди сюда, мальчик, а не то зашибут!

Она с Минькой на руках быстро пошла куда-то в сторону. Он стал вырываться и кричать: «Там моя мамка!» Женщина сунула ему в рот какую-то тряпку и накинула на голову платок, так что он ничего не видел. Руки и ноги его были плотно прижаты к телу женщины. Минька дёргался изо всех сил, пока совсем не ослаб. Потом его перехватили другие руки, крепко спеленали какими-то тряпками, положили на телегу, накрыли сеном и долго куда-то везли.

Так Минька оказался в цыганском таборе. Цыганка Аза, которая его похитила, заставляла называть себя мамой. Она объяснила ему, что его маму посадили в тюрьму за то, что она что-то украла.

– Ты же слышал, как кричали «Держи вора!»

– Неправда! – доказывал Минька со слезами на глазах. – Мама ничего не воровала, мы с ней леденец выбрали.

– Пока ты леденец выбирал, твоя мама у продавца кошелек срезала, – ехидничала «мама Аза», – так что сидеть ей теперь в тюрьме долго, пока кто-нибудь выкуп не заплатит.

– Так давай заплатим, а мама потом отдаст, – предложил Минька.

– Ишь ты, какой умный! – засмеялась Аза. – Почему это я должна платить за какую-то воровку? Скажи спасибо, что тебя подобрала и кормлю.

– Спасибо, – послушно сказал Минька, хотя он хорошо помнил, что его не подобрали, а скорее украли, – а много надо денег, чтобы выкупить маму?

– Много, – сказала Аза, – у меня столько нет. Вот если ты будешь помогать, можем собирать нужную сумму. Глядишь, и выкупим твою мамку со временем.

Минька, конечно, согласился помогать. Цыганка ходила в город побираться и гадать и брала его с собой. Он должен был своим видом вызывать у людей жалость, плакать и просить у «мамы» кушать так, чтобы люди слышали. Это было не сложно, так как утром его специально не кормили. Сердобольные женщины часто вместо денег сovali Миньке в руки кусочки хлеба или пирога, и тот сразу же толкал их в рот, с опаской косясь на «мамку». Та злобно шипела, когда люди отходили, но поделаться ничего не могла.

Миньке часто рисовали на лице какую-нибудь болячку или туго приматывали к телу одну руку, чтобы он выглядел калекой.

Он постоянно пытался высмотреть в толпе прохожих свою мамку, но её нигде не было. Может, она и в самом деле попала в тюрьму? По словам опытных цыган, тюрьма – это такой подвал с маленьким окошком под самым потолком, в котором сидят арестанты и бегают крысы. Минька не любил крыс и очень переживал за мамку.

Вечером в таборе Азу и Миньку частенько избивал муж Азы Михась за то, что они мало зарабатывают, а также за то, что Аза не может родить ему ребёнка. Михась был огромного роста, весь заросший чёрными кудрявыми волосами, с золотой серьгой в ухе, постоянно пьяный и постоянно злой.

Минька однажды подслушал, как Аза жаловалась другой цыганке:

– Как же я могу родить, если он меня бьёт ногами в живот?

Сам Михась никогда не работал, по крайней мере, Минька ни разу не видел. Каждый вечер он пил вино и пел под гитару надрывные песни по-цыгански.

Два лета и две зимы Минька провёл в таборе. Поначалу он часто спрашивал у Азы, много ли они денег заработали. Та всегда отвечала, что ещё очень мало. Потом перестал, когда Михась на очередной вопрос стеганул его кнутом и сказал, чтоб не приставал, мол, сами скажут, когда хватит.

Постепенно Аза научила Миньку срезать кошельки у пьяных прохожих. Она подходила к выбранной жертве и хватала за руку, предлагая погадать. Минька, держась за «мамкину» юбку «единственной» рукой, вплотную подступал к мужику. На мгновение отпуская юбку, двумя руками он маленьким и острым ножиком срезал кошелёк с чужого пояса и прятал его за пазуху. Прохожий, как правило, отбивался от цыганки, отталкивал её вместе с «цыганёнком». Аза, убедившись боковым зрением, что дело сделано, быстро удалялась и терялась в толпе.

Иногда кошельки попадались довольно-таки увесистые. В такие дни Михась их не бил, наоборот, нахваливал. Миньку даже могли угостить сладким пирогом. С каждым разом воровское мастерство у Миньки росло, его движения стали уверенными и отточенными.

Но однажды всё пошло наперекосяк. Аза заметила вышедшего из трактира мужика с большим животом, одетого по-купчески, и метнулась к нему. Минька зорким глазом отметил сразу три кошелька, подвешенных к поясу.

Купец спокойно смотрел на Азу, схватившую его руку, и пьяно улыбался в бороду:

– Ну, что ты, черномазая, можешь мне сказать, чего я сам не знаю?

Он даже и не думал её отталкивать. Аза что-то начала лопотать про дальнюю дорогу, держа двумя руками его раскрытую ладонь. Минька подступил вплотную и потянулся к кошельку.

Неожиданно купец свободной рукой ловко схватил минькину ручонку с ножиком и заорал:

– Попались, жулики!

Второй рукой он схватил Азу за волосы. Та мгновенно ногтями обеих рук вцепилась ему в лицо, раздирая до крови щёки, нос, угрожая глазам.

Купец сразу отпустил Миньку, но не Азу. Пытаясь одной рукой отбиться от её ногтей, он заревел могучим басом на всю площадь:

– Воры! Держи воров!

Минька рванул в сторону. Он видел, как оборачивались на крик люди. Какой-то крестьянин широко раздвинул ноги и расставил руки, пытаясь его поймать. Но Минька проскочил у него между ног и нырнул под телегу рядом с ним, оттуда перекатился под соседнюю. Оказалось, что тут несколько телег выстроились в ряд. Минька быстро пробрался под ними и осторожно выглянул из-под крайней.

Хозяин телеги стоял возле головы запряжённой в неё лошади, держал её за узду и, вытянув шею, смотрел в сторону источника шума. Минька огляделся. Дальше было открытое место, если он побежит, его сразу заметят. Он медленно

вылез из-под телеги, стал с ней рядом и покосился на мужика возле лошади. Тот поправлял хомут на лошади, а сам по-прежнему поглядывал в ту сторону, откуда доносились крики. Телега наполовину была загружена сеном. Минька ещё раз огляделся, быстро забрался в телегу, зарылся в сено и затаился.

Шум и крики сначала усилились, потом стали смещаться куда-то в сторону и постепенно затихли.

– Чего это там за шум? – услышал он хриплый голос рядом. Видимо, хозяин телеги заинтересовался у прохожего.

– Цыганку-воровку поймали.

– Побили?

– Это уж обязательно. Да передали страже. Теперь не отвертится.

– Руки им надо рубить, совсем обнаглели, – сказал хозяин хриплого голоса и сплюнул.

Минька лежал ни жив ни мёртв. Он представил себя с отрубленными руками, и ему стало страшно. Мужик постоянно ходил где-то рядом с телегой, что-то бормотал вполголоса. Поэтому Минька решил, что ему лучше не высовываться.

Он задумался, что с ним будет, когда вернётся в табор. Скорее всего, Михась его обвинит, что Азу схватили из-за минькиной неловкости. Значит, будет бить. И не просто бить, а избьёт до полусмерти, а то и до смерти. А потом закопает где-нибудь в кустах. Минька вдруг осознал, что без Азы он Михасю не нужен. Точно убьёт. А кто же тогда будет мамку выкупать? Миньке стало жалко и себя и мамку. Он немного поплакал и заснул.

Когда телега тронулась, он даже не почувствовал. Покачивание и потряхивание движущейся телеги сделало его сон глубже и крепче. Так и проспал всю дорогу.

Проснулся Минька от толчка в бок и резко вскочил, испуганно озираясь.

– Тьфу, чёрт! Ты откуда здесь взялся? – Возле телеги с вилами в руках стоял уже знакомый мужик с хриплым голосом. – Я чуть было тебя вилами не проткнул!

– Я это... дяденька... – Минька лихорадочно соображал, как лучше сказать, чтобы руки не отрубили, – я от цыган сбежал. Они меня у мамки украли, заставляли воровать, а я не стал... вот.

– Ишь ты! – В глазах у мужика мелькнуло понимание. – Так это из-за тебя на рынке переполох был?

– Ну... не совсем. Аза хотела, чтобы я у купца кошелёк срезал, а я его специально толкнул, чтобы он заметил, – вдохновенно врал Минька, – он её схватил, а я убежал и спрятался в сено.

– А чего ж не убежал, когда отъехали?

– Заснул.

Мужик расхохотался, а потом задумался.

– Что ж с тобой делать? – Он почесал рукой кудлатую голову, потом потерял бороду и изрёк: – По-любому надо тебя Акимычу показать. Пошли.

Он легко, как пушинку, снял Миньку с телеги, зажал его ручонку в огромной, как лопата, ладони и заковылял в сторону большого двухэтажного дома, сильно хромая на правую ногу.

Минька с интересом оглядывал хозяйственные постройки: конюшня, хлев, сарай, баня. Повсюду бродили куры и гуси, посреди большой лужи хрюкала в грязи свинья.

На крыльце дома стоял мужик, такой же здоровый, как и минькин сопровождающий, только пониже ростом и пошире в плечах. Он рассеянно теребил бороду, глядя на приближающихся мужика с ребёнком.

– Никак, Афанасий, решил сам себе ребёнка родить? – выдал он, наконец. И громко захохотал своей шутке, хлопая ладонями себя по бокам.

– А ведь почти так и получается, – подыграл ему Афанасий и вкратце рассказал минькину историю.

– И что с ним теперь делать, ума не приложу, Игнат Акимыч, – закончил он, выжидательно глядя на хозяина.

– Вот уж задача, – Игнат Акимыч задумался, разглядывая Миньку. – Как мать-то твою зовут?

– Мамка, – ответил Минька не задумываясь.

Мужики переглянулись.

– Ну а другие люди как её называли? – попытался подсказать Афанасий.

Теперь задумался Минька. Та бабка, что жила с ними, называла мамку «лахудрой», «шалавой» и другими некрасивыми словами. Как другие люди к ней обращались, он не помнил. Поэтому он пожал плечами:

– Не помню.

– Ну а прозвище какое было?

Минька растерянно молчал.

– Тебя самого-то как зовут?

– Минька.

– Это Митька, Дмитрий, что ли? Или Мишка – Михаил? А может, от слова Микола?

Такими словами Миньку никогда не называли. Он вздохнул и опять пожал плечами.

– Ну а годов-то тебе сколько, знаешь?

Минька снова пожал плечами и вдруг вспомнил:

– В тот день, когда меня цыгане украли, мамка сказала, что мне сегодня исполнилось четыре года, и поэтому мы пошли на рынок купить что-нибудь вкусное. Это было летом, потом лето закончилось, наступила зима. Потом было опять лето, опять зима, потом опять лето... вот это.

Мужики засмеялись.

– Ишь, как ты складно рассказал, – Игнат Акимыч присел на корточки, – получается, тебе сейчас шесть годов. Что ж нам с тобой делать?

Он выпрямился и посмотрел на Афанасия:

– По закону, его надо бы сдать в сиротский приют.

– Не надо в приют, дяденьки, – взмолился Минька. Этим словом его постоянно пугали цыгане. По их словам, приют – это та же тюрьма, только для детей.

– А куда ж ещё? Не цыганам же тебя возвращать. А может, ты дом найдёшь, где с мамкой жил, если в город с тобой съездить?

Минька отрицательно покачал головой, вытирая кулаком выступившие слёзы.

– А может, Игнат Акимыч, пусть при мне остаётся? Будет помогать за лошадьми убирать? Или, вон, Дашутке за гусями приглядывать? Совсем девчонка избегалась. Или пол в избе подмести? С веником, поди, управится? Посуду помыть... да мало ли ещё делов найдётся для такого щегла?

– Да уж, дармоедничать у нас точно никто не будет, – Игнат Акимыч строго погрозил Миньке пальцем и добавил, глядя на Афанасия: – а уряднику всё одно надо сообщить, мало ли.

Вот так минькина судьба и решилась.

С тех пор прошло ещё два лета. Второе недавно закончилось и перешло в сухую, даже иногда жаркую осень.

Минька теперь точно знал, что ему сейчас восемь лет. Считать его научил Афанасий от скуки долгими зимними вечерами. Сначала до десяти. А этой зимой и дальше пробовали, но как-то неуверенно.

Афанасий объяснил, что после десяти идёт «один на десять», потом – «два на десять» и так далее до «девять на десять», а следом – «два десятка». И дальше в том же духе: «три десятка», «четыре десятка», пока не дойдёт до «десять десятков». На вопрос, что дальше, Афанасий морщил лоб, пытался что-то вспомнить, потом махнул рукой и сказал:

– Тебе пока и этого за глаза хватит. Я же вот как-то обхожусь! А если сильно надо – проси Игната Акимыча, знаешь, как он ловко деньги считает! Или у Матвея, его старшего сына, когда он на каникулы приедет. Он в Вильно учится, в какой-то самой главной бурсе, университет называется.

Матвей приезжал в начале лета. Весь из себя важный, ещё бы – целый студиза! В разговоре иногда такие слова умные говорил, которые тут никто и не слышал. Отец его – Игнат Акимыч – страшно гордился, что сын у него такой грамотный. Доходы от корчмы позволяли платить за обучение сына, и отец надеялся, что со временем Матвей будет или учёным, или большим начальником.

На минькины просьбы научить считать Матвей отмахивался, мол, некогда мне. Его больше интересовали девки из соседних деревень, где он и пропадал почти всё время.

Научиться считать было для Миньки, с его точки зрения, главной жизненной необходимостью. Потому что главной задачей для него оставалось выкупить из тюрьмы мамку. А для этого надо было собрать деньги. А как человек может знать, достаточно ли у него денег, если он не может их пересчитать?

Понятно, что заработать деньги Минька не мог в связи с очень молодым возрастом. Но он нашёл способ, как собрать нужную сумму. Причём «собрать» в прямом смысле этого слова.

Выпившие посетители корчмы часто роняли монеты, и те раскатывались по полу в разные стороны. Их, конечно, сразу же собирали. Но частенько некоторые «потеряшки» оставались незамеченными.

Минька, постоянно вертевшийся в главном зале, со временем натренировался мгновенно реагировать на характерный звон упавших монет. Зрение его резко обострялось, и он видел одновременно все монеты, катящиеся по полу в разных направлениях. При этом он боковым зрением ухитрялся контролировать, куда направлены взгляды хозяина денег и других посетителей.

Как бы случайно поставив веник на монету, откатившуюся к стене, Минька бросался помогать растеряхе собирать остальные. Собрав несколько монет в руки, он протягивал их постояльцу со словами:

– Вот, дяденька, ещё твои денежки, – при этом одна монетка могла «случайно» упасть в рукав минькиной рубашки и остаться там. Подержав на виду какое-то мгновение пустые руки, чтобы все видели, что денег в них не осталось, Минька, как бы продолжая поиск, отходил к стене, где опускал руку вниз. Монетка из рукава прыгала в ладошку, оттуда – в какую-нибудь щель в стене. После, когда все успокоятся и забудут об этом, можно будет перепрятать монеты в свой тайник.

Ещё одним доходным местом для Миньки было крыльцо корчмы. Как-то раз, подметая мусор возле крыльца, он заметил мелькнувшую «чешуйку». Такая мелкая серебряная монетка овальной формы стоила дороже более крупных медных монет, таких как полушка и деньга. В этом Минька уже разбирался. Он присел на корточки и веткой стал перебирать кучу наметённого мусора. В результате он разбогател ещё на три «чешуйки» и один польский грош, на котором был изображён король с толстыми щеками.

Увлекательному процессу помешал Игнат Акимыч, появившийся на крыльце. Он рывкнул на Миньку, чтобы тот не копался, как курица в мусоре, а делом занимался.

С тех пор Минька уделял крыльцу особое внимание, проверяя его по утрам. Именно здесь часто спотыкались и даже падали пьяные посетители корчмы. Здесь пересчитывали деньги, занимали и отдавали друг другу мелкие долги. Монеты иногда падали, закатывались в многочисленные щели. Не ломать же крыльцо в таких случаях!

Сбоку на крыльце Минька нашёл шатающуюся доску, оторвал её и приставил на место. Периодически отодвигал её и забирался под крыльцо. Постепенно он очистил от мусора всё пространство внизу, и каждую новую монетку долго искать не приходилось.

Минька понимал, что если его поймают на кражах монет, то как минимум выпорют. Но, куда деваться, ради мамки приходилось рисковать.

За всё время Миньку пороли два раза. И оба раза, с его точки зрения, несправедливо.

В первый раз – когда вечером недосчитались одного гуся из стада, что Минька пас на лугу. Он и отвлёкся-то один раз, когда на дороге возле луга остановилось на короткий привал какое-то воинское подразделение. Солдаты разделились на небольшие группы, загорелись костры, и запахло готовящейся едой.

Минька подошёл поближе к одной из групп возле костра, с интересом разглядывая оружие и форму, в то же время контролируя пасущихся гусей. Его подзвали к костру, приняли приветливо, посоветовали пришить лямку к штанам через плечо и даже подарили большую красивую пуговицу. Правда, не солдатскую, а подобранную ими где-то на дороге. На пуговице был изображён конь с рогом на лбу, птица, похожая на лебедя и ещё какие-то мелкие детали.

Когда Минька пригнал гусей, одного не хватило, за что его и выпороли. Как же он мог их пересчитать, если считать он мог до десяти, а гусей было несколько раз по десять.

Вечером, когда выпоротый Минька лежал на животе и всхлипывал, Афанасий ему объяснил, что когда его угощали кашей у одного костра, у другого варили его гуся.

Минька не верил, что такие дружелюбные и весёлые солдаты могли оказаться такими вероломными. Он склонялся к тому, что гусь сам отбил от стада, заблудился и в лесу его волки съели.

Второй раз Миньку выпороли опять же ни за что.

Он вытирал стол в главном зале. В этот момент на противоположный от него конец стола запрыгнул наглый рыжий кот Масик и нацелился на остатки каши с кусочками мяса в чашке, недоеденные пьяным посетителем. Минька вообще-то сам хотел доест кашу и делиться с котом не собирался. Он крикнул: «Брысь, скотина!» – и замахнулся тряпкой. Кот грозно зашипел, выгнул спину и сделал

шаг к чашке. Минька швырнул в него тряпку. Масик отпрыгнул, зацепил боком стоявший на краю стола кувшин, испугался и рыжей молнией метнулся к открытой двери. Кувшин упал сначала на лавку возле стола, затем на пол. И даже не разбился. Только кусок горлышка откололся и трещина появилась сверху донизу.

Как Минька ни доказывал, что виноват не он, а Масик, выпороли всё-таки его, а не кота.

– От кота и то пользы больше, чем от тебя, – спокойно объяснял Игнат Акимыч, снимая с гвоздя сыромятный ремень, – он мышей ловит, а ты – нет. Одни убытки от тебя. Такой кувшин больше копейки стоит.

Минька хотел было сказать, что может заплатить за кувшин, но вовремя прикусил язык. Объясняй потом, откуда деньги. Скорее ещё раз выпорют. Пришлось помалкивать, глотая слёзы обиды.

Правда, выброшенный кувшин Минька подобрал и приспособил под свой тайник. Теперь все найденные монетки он складывал в кувшин, заткнув сверху комком сухого мха. Подходящее место для тайника он обнаружил случайно, собирая малину. Небольшая поляна в малиннике возле пня на краю оврага идеально подходила для этой цели. И недалеко от корчмы, и в то же время никто лишний раз в колючий кустарник не полезет.

Монет в кувшине было уже много. По количеству. Но в том что их будет достаточно, чтобы выкупить из тюрьмы мамку, Минька сильно сомневался. Он осторожно наводил справки о покупательских способностях разных монет. Спрашивал, например, у Афанасия или у подавальщицы Марты, что можно купить на ту или иную монету. В обороте монеты были разные: польские, литовские, шведские, русские и другие. Медные и серебряные.

Минька знал, что ценными монетами считаются талеры и рубли. Но таких у него в кувшине пока не было. Самой крупной по размеру и номиналу монетой у него была медная российская копейка. Купить на неё можно было столько же, сколько и на маленькую серебряную чешуйку.

Марта – подавальщица, что разносила посетителям заказанные блюда и собирала с них деньги, – смеялась над минькиными вопросами:

– Зачем тебе, малец, это знать? Всё равно у тебя денег никогда не было, нет и не скоро будут.

Сама она все деньги отдавала хозяину. И за еду, что выставляла на столы, и за услуги, что оказывала некоторым посетителям в комнатах наверху. (Дашка как-то шёпотом объяснила Миньке, что Марта занимается блудом. Что это такое, Дашка и сама толком не знала).

Однажды Минька увидел, что Марта отдала хозяину даже монету, которую случайно нашла на полу.

– А зачем ты её отдала? – не выдержал Минька. – Никто же не видел, что ты её нашла.

– И что бы я с ней сделала? – засмеялась Марта. – Что-то покупать здесь негде. В городе я не бываю. Если что-то понадобится – попрошу Акимыча, он и так привезёт.

Вообще-то Марта была неунывающая и весёлая девица. Однажды, отвечая кому-то из посетителей, со словами: «Вот мой самый любимый мужичок!» – поймала пробежавшего рядом Миньку, высоко подняла его, расцеловала в обе щёки и прижала к своей внушительной груди, что двумя полушариями выглядывала из глубокого выреза на платье.

Минька от неожиданности чуть не задохнулся, упёрся, отбиваясь, обеими руками и задрывал ногами. Кое-как вырвался и убежал из зала под дружный хохот посетителей.

Главным жизненным учителем у Миньки всё-таки был Афанасий. Минька, затаив дыхание, с горящими глазами слушал его неспешные рассказы о боях, в которых тому приходилось участвовать. Особенно о битве при Нарве, где Афанасий в звании капрала командовал плутоном¹. Русская армия тогда потерпела поражение от шведов. Афанасию в этом бою шрапнелью перебило ногу. Кость потом срослась, но неровно. Хромота осталась на всю жизнь. Из армии пришлось уйти. Добираться на родную Смоленщину смысла не было. Все родные давно умерли. Попросился подработать в корчме у Игната Акимыча, да так и застрял здесь на годы.

– Понимаешь, Минька, – рассуждал Афанасий скорее сам с собой, – что такое русская армия? Это в основном обычные деревенские парни, которые хорошо умеют только землю пахать да сено косить. А им сунули в руки железяки и приказали воевать. Вот они и воюют так, как сами это представляют. То есть для них баталия – это драка стенка на стенку или толпа на толпу. Только здесь противника ещё и убивать можно.

А шведы, они... как бы это сказать, более организованные, что ли. Чётко выстроены, стреляют залпами, перестраиваются по команде. Командир у них следит за боем со стороны и направляет свежие силы туда, где они нужнее.

А нам скомендовали: «Вперёд! На штурм!» И мы бежим, как стадо баранов. А по нам пушки в упор лупят. Каждое ядро просеку вырубает в наших телах. Ну разве это дело? А прапорщики-знаменосцы? Это вообще самоубийцы. Размахивает в толпе знаменем, привлекает к себе внимание неприятеля. Их и убивают в первую очередь. Вот как ты считаешь, Минька, какая польза во время баталии от флага? От сабли, штыка – понятно. Даже от кинжала больше пользы. А от флага? Только руки заняты. Я понимаю, если победили, тогда закрепили знамя на самом верху захваченной крепости, чтобы все видели. А так... эх!

Минька представлял себе, как он в красивой офицерской форме со знаменем в руках идёт на штурм вражеской крепости, и сердце замирало от восторга. Потом он героически погибает... нет, погибать неинтересно. Он со знаменем в руках поднимается на самую высокую башню в крепости, и все сразу перестают воевать, потому что мы победили!

– Царь Пётр вроде бы сделал выводы, – продолжал размышлять вслух Афанасий, – готовит армию по-серьёзному, флот строит. Баталий крупных давно уже не было, но война-то со шведами ещё не закончилась.

Как бы в подтверждение его слов осенью произошла серьёзная битва. Но сначала было другое событие.

Двадцать восьмого сентября одна тысяча семьсот восьмого года в воздухе резко запахло гарью. Вечером в той стороне, где находился город Витебск, небо было багрово-красным. Запах гари усилился.

– Что же там такое горит, – Афанасий вытягивал шею и морщился от запаха, – до города двенадцать вёрст, ближе тут вроде бы и гореть-то нечему.

Утром по дороге мимо корчмы потянулись обозы с беженцами. От них-то и узнали, что по приказу царя Петра некий капитан Соловьёв с пятью сотнями казаков

¹ Плутонг – в современном понятии – взвод.

и калмыков поджёг город Витебск с четырёх сторон. Пётр разозлился на горожан за то, что они тайно послали семь тысяч талеров своему королю Станиславу Лещинскому, которому взойти на трон помог шведский король Карл. Сгорели замки, ратуша, жилые дома, Заручевье, Взгорье, Задунавье, костёлы, церкви. Только Заречье не тронули. Местные купцы заплатили Соловьёву выкуп – шестьсот талеров.

Минька от таких известий сильно расстроился. Он при каждой возможности бегал к дороге, всматривался в женские лица, надеясь увидеть свою мамку. Но её не было. Афанасий его успокоил, объяснил, что в городской тюрьме узники содержатся в каменном подвале и сгореть они не могли. Скорее всего, стражники разбежались, и все узники вышли на свободу. Если его мать и ушла из города, то не обязательно по этой дороге. Таких дорог много во все стороны.

На третий день поток беженцев заметно уменьшился. Минька принял твёрдое решение: самому сходить в город, найти там тюрьму и убедиться, что мамки там нет. О своём решении он, естественно, говорить никому не собирался.

Сегодня все гостевые комнаты в корчме на втором этаже были заняты. Одну из комнат заняла молодая супружеская пара. Они недавно обвенчались в Смоленске и ехали в Полоцк знакомиться с роднёй невесты.

Вторую комнату занимали двое католических священников в рясах. В третьей собирались ночевать купец с приказчиком.

И четвёртую в конце дня занял офицер в чине капитана, прибывший верхом в сопровождении пятёрки солдат во главе с капралом. Причём все шестеро прибыли уже явно навеселе.

Причину такого их состояния выяснил Афанасий, когда солдаты с капралом стали устраиваться на ночлег на сеновале, куда их определил Игнат Акимыч.

Оказывается, что в тот же день, когда казаки сожгли Витебск, в Могилёвской губернии возле деревни Лесное, что недалеко от города Пропойска, произошло крупное сражение между русской и шведской армиями. Причём на этот раз шведы потерпели сокрушительное поражение.

Капитан являлся царским курьером и вёз какие-то распоряжения от царя Петра генерал-майору Голицыну, тот возле Полоцка формировал резервный корпус. И сам капитан, и сопровождавшие его солдаты принимали участие в победном сражении, чем очень гордились. Капитан в качестве вестового передавал приказы царя командирам полков, а остальные носились вместе с ним, оберегая своего командира.

Минька, опоздавший к началу разговора, слушал с открытым ртом. Не выдержал и спросил:

– А у вашего капитана фамилия случайно не Соловьёв?

Солдаты дружно расхохотались. Наконец капрал, вытирая выступившие от смеха слёзы, сказал:

– Нет, случайно не Соловьёв. Случайно Воробьёв! – И расхохотался ещё громче.

Минька побежал в корчму. Какие бы планы на завтра ни были, а от ежедневных обязанностей его никто не освобождал.

После ужина главный зал постепенно пустел. Молодожёны ушли погулять на свежем воздухе, монахи поднялись наверх. Купец с приказчиком что-то долго подсчитывали за столом у стены. За столом оставался трапезничать один капитан. Он выпил уже два кувшина медовухи и потребовал ещё, хотя еле сидел за столом и клевал носом.

Марта поставила перед ним ещё кувшин. Вслед за ней в зал зашёл Игнат Акимыч.

– Может, господину офицеру уже достаточно? – как можно вежливее поинтересовался он, осуждающе покачивая головой.

– Не твоё дело! – рявкнул капитан. Налил себе в кружку из кувшина, залпом выпил, вытер губы рукавом и добавил: – Виктория у нас, имею право праздновать!

Потом подозрительно посмотрел на хозяина корчмы:

– Может, ты думаешь, что мне рассчитаться нечем? На, смотри!

Он сдёрнул с пояса кошелек и высыпал на стол перед собой монеты. Минька, вытиравший соседний стол, мгновенно среагировал и повернул голову на характерный звук.

Игнат Акимыч подошёл к столу вплотную:

– Ишь ты! Я таких денег-то и не видывал-то пока. Про серебряные рубли с царём Петром слышал только. А это... золотые, что ли?

– Это червонцы. За один такой всю твою корчму купить можно со всеми потрохами и даже с этой красоткой, – он хлопнул ладонью пониже спины Мар-ту, что тоже подошла и с любопытством смотрела на новые монеты. С другой стороны стола подошли купец с приказчиком и Минька. Он запрыгнул на лавку и зачарованно смотрел на монеты. Машинально пересчитал: «Три жёлтые, поменьше, – это червонцы, а пять больших белых, значит, рубли».

– Солидно, – оценил купец кучку денег на столе, – рубли петровские мы уже встречали, а червонцы, врать не буду, впервой вижу своими глазами.

Довольный произведённым эффектом, капитан не спеша сложил деньги в кошелек и привязал его к поясу.

– Да я не к тому, – всплеснул руками Игнат Акимыч. – Ты, господин офицер, достаточно заплатил. Я к тому, что вам завтра ведь ехать дальше.

– Нормально. К утру выплусь, буду свежий, как... – капитан неопределённо махнул рукой и опять налил из кувшина.

Купец с приказчиком направились вверх. Марта понесла на кухню поднос с грязной посудой. Игнат Акимыч направился за ней, но у двери остановился и подозвал Миньку:

– Как закончишь со столами, сбегай на конюшню, позови капрала, пусть он уведёт своего командира наверх в его комнату. Пол потом подметёшь.

Минька кивнул и продолжил работу. У него в голове прочно засели слова капитана о том, что за один червонец можно купить всю корчму. И никто ведь с ним не спорил! Значит, так оно и есть! Значит, за одну монету можно и мамку выкупить! А в кошельке три червонца. Да ещё рубли. Все минькины накопления на рубль не тянули. Он оглянулся на капитана.

Тот положил голову на сложенные руки, что-то пробормотал и затих. Минька осторожно обошёл стол, одновременно протирая его, и приблизился к офицеру. Из-под расстёгнутого камзола виднелся пояс с двумя подвешенными кошельками. Один побольше, видимо, с мелочью, другой – тот самый, расшитый бисером, – поменьше. Капитан начал похрапывать.

Первой мыслью в минькиной голове было – разрезать кошелек и вытащить из него одну монетку, желательно жёлтую. В этом случае и спохватятся не скоро, и подумают, скорее всего, что кошелек сам лопнул или зацепился где-то и порвался.

Но тут Минька понял, что кошелёк непросто разрезать. Они делались из тонкой и прочной кошачьей кожи. (Отсюда, кстати, и название – кошки, кошель, кошелёк). Быстрее и проще будет разрезать шнурок, так, чтобы обрезок не остался. Тогда могут подумать, что шнурок сам развязался.

Минька воровато оглянулся, в зале никого не было. Подошёл вплотную к спящему капитану. В руке как бы сам собой оказался небольшой и острый обломок ножа. Ловким и точным движением разрезал шнурок возле узла и осторожно потянул кошелёк вниз. Несмотря на прошедшее время, опыт, наработанный у цыган, никуда не делся. Руки и пальцы работали автоматически, сами по себе. Как только кошелёк оказался в руке, Минька мгновенно выскочил из корчмы.

На крыльце огляделся. Вдалеке, взявшись за руки, гуляли молодожёны. Больше никого видно не было. Минька завернул за угол дома, перебежал через дорогу и нырнул в кусты. Ещё несколько мгновений, и он у тайника. Быстро разгрёб песок, вынул из кувшина затычку, развязал кошелёк, мгновение полюбывался монетами и высыпал их в кувшин. Ещё мгновение – и тайник был закрыт и замаскирован.

Минька продрался через малинник и осторожно высунул голову – никого. Тут его взгляд упал на пустой кошелёк, по-прежнему зажатый в руке. Босой пяткой Минька разгрёб песок и закопал улику.

Когда он прибежал в конюшню, Афанасий с капралом сидели за столом и о чём-то разговаривали.

– Дяденька капрал, там дяденька капитан Воробьёв за столом заснул, а Игнат Акимыч просил, чтобы ты его наверх отвёл.

Капитан крикнул, тяжело поднялся из-за стола и направился в корчму. Минька пошёл было за ним, но его окликнул Афанасий:

– погоди, Минька, вместе пойдём. – Афанасий допил оставшуюся в кружке медовуху, прищурясь, поглядел на Миньку и сказал: – Меня завтра Игнат Акимыч в город отправляет выяснить, кто из купцов уцелел, у которых мы обычно покупаемся. У зареченских поспрашивать, их-то вроде не тронули. В общем, ты хочешь мамку свою поискать? А то поедem со мной.

У Миньки даже дыхание перехватило. Об этом он даже и не мечтал.

– Конечно, хочу! А Игнат Акимыч отпустит?

– А вот сейчас пойдём и поговорим с ним. Я думаю, отпустит. Как-нибудь без тебя-то один день переживут, хе, хе... Плохо, что ты ни фамилию свою не знаешь, ни дом, где вы жили. Хотя там, говорят, и домов-то... того, не осталось. Начнём с тюрьмы, а там видно будет.

Пока шли в корчму, Минька про украденный кошелёк даже и не думал. Весь был под впечатлением о предстоящей поездке. На крыльце вспомнил и тут же решил, что завтра деньги с собой брать не будет. Когда понадобятся, тогда и возьмёт.

Когда они вошли в корчму, капрал, приобняв капитана, подходил с ним к лестнице на второй этаж.

– Стой! – капитан стряхнул с себя чужую руку, похлопал себя руками по бокам, потом распахнул камзол, ощупывал пояс. – Кошелек нет! Кошелёк! Где кошелёк!?

– Обронил, что ли? – Капрал оглянулся, ощупывая глазами пол в зале.

Капитан уставился на зал мутными глазами:

– Где я сидел?

– Вот туточки, – капрал вместе с капитаном подошли к столу. Они оба установились на пустой стол и лавку. Потом одновременно присели на корточки и осмотрели всё под столом.

– Нету, украли! – Капитан выпрямился и обвёл взглядом зал. Он моментально протрезвел. – Хозяин!

Из кухни вышел Игнат Акимыч, вытирая руки фартуком. Следом выглянула распаренная Марта.

– У меня! В твоей корчме! Украли деньги! – Чеканя каждое слово, капитан надвигался на хозяина корчмы всем своим двухметровым гвардейским ростом.

– Украли? Здесь? – Игнат Акимыч потряс головой. – Такого никогда не было и быть не может!

– Но кошелька нет! – Капрал стал рядом с командиром.

– А что это вы сразу на нас думаете?! – Марта вышла из-за хозяина, упёрла руки в бока и, выставив вперёд могучую грудь, пошла на капрала. Тот даже сделал шаг назад от неожиданности. – Может, он сам его потерял или вы у него спёрли?

– Мы?! – Капрал даже задохнулся от возмущения. – Да мы... Я знаю, чьи это деньги. Нам за них всем головы снимут. И командиру тоже.

Все посмотрели на капитана. Тот сделал два шага назад, сел на скамью, охватил голову руками и отрешённо уставился на пол. Каким-то шестым чувством капитан Воробьёв вдруг понял, что этот кошелёк он больше не увидит. В голове пронеслись воспоминания, как царь Пётр вручает ему письмо для доставки генералу Голицыну под Полоцк. Потом во дворе его останавливает светлейший князь фельдмаршал Меншиков и протягивает кошелёк:

– Передай, голубчик, заодно этот кошелёк генералу. Задолжал я тут ему немного, неудобно как-то. Только царю не проговорись, тут наши личные дела.

Насколько понял Воробьёв, речь шла о карточном долге. Царь не любил картежников, мог разозлиться, если узнал бы. На привале капитан в присутствии капрала заглянул в кошелёк и присвистнул. То, что Меншиков назвал «немного», для него было сумасшедшими деньгами.

Завтра он должен быть в Полоцке. Что он скажет генералу? Потерял? Детский лепет! Что он скажет «светлейшему», когда вернётся? Воробьёв представил себе взгляд Меншикова, и его затрясло. Лучше уж самому повеситься! Взять где-то денег со стороны на время? Занять? Такие деньги?! Причём это нужно сделать сейчас, сегодня. А тут таких денег даже никто и не видел. Дёрнул же его чёрт побахвалиться, всем показать, похвастаться!

В унисон его мыслям раздался голос хозяина корчмы:

– Эх! Говорил же я тебе, господин капитан, хватит, иди отдыхать. Послушался бы, и всё было бы на месте.

Капитан поднял голову и уставился на хозяина:

– Говоришь так, как будто знал, что могут украсть...

– Окстись! – Игнат Акимыч смешался. – Да вот те крест, никогда тут такого не было и быть не могло, – он широко перекрестился, – да тут и красть-то некому. Мы с Мартой как ушли на кухню, так в зал и не выходили... – он посмотрел на стоявших на лестнице купца с приказчиком. Те вышли на шум и прислушивались к разговору. Купец сразу всё понял:

– А мы, как поднялись наверх, так пока и не спускались. Спорили с отцами-монахами на философскую тему. Они могут подтвердить. Позвать?

В это время в корчму вошли улыбающиеся молодожёны.

– Эти вообще ещё раньше ушли, – махнул в их сторону рукой Игнат Акимыч.

– А что тут случилось? – спросил молодой.

– Деньги у капитана пропали, – пояснил Афанасий. Он, скрестив руки на груди, стоял вместе с Минькой у входа возле стены.

Молодой пожал плечами, и они с женой направились к лестнице на второй этаж.

Капитана трясло от безысходности и бешенства. Он обвёл зал налитыми кровью глазами. Его взгляд упёрся в Миньку.

– А ну-ка, подойди сюда, малец, – поманил его пальцем капитан. Минька поёжился под его взглядом и осторожно подошёл. – Ты здесь постоянно вертелся возле меня. Ты или сам спёр, или видел, кто это сделал.

– Я не вертелся, а столы протирал, – начал было Минька, но накопившееся в капитане бешенство наконец прорвалось.

– Не ври мне, щенок! – Он сгрёб огромной пятернёй Миньку за рубаху, легко поднял его, как котёнка, и с размаху швырнул в угол.

– Ты что творишь! – Афанасий сжал кулаки и шагнул к офицеру. Но тут взгляд его зацепился за Миньку. Тот лежал возле стены с раскинутыми руками и ногами, неестественно вывернутой головой. Его широко распахнутые глаза, не мигая, смотрели куда-то вдаль.

– Минька! – Афанасий одним прыжком оказался возле ребёнка, упал на колени и осторожно приподнял худенькое тельце. Из рассеченной кожи на виске толчками вытекала струйка крови.

Афанасий достаточно насмотрелся на убитых и раненых, чтобы сразу всё понять. Но душа старого солдата отказывалась верить в очевидное.

– Минька! Минечка! Родненький! – Афанасий прижался ухом к минькиной груди, замер на какое-то мгновение, потом осторожно положил тело на пол, выпрямился и повернулся к капитану. – Ты же убил его!

Афанасий сжал кулаки, но тут словно что-то в нём надломилось. Он сделал шаг в сторону, сел на скамью, низко наклонил голову и обхватил её руками, пытаясь скрыть набежавшие слёзы.

Громко заголосила Марта. Игнат Акимыч одновременно с капралом подошли к минькиному телу и вгляделись. Капрал повернулся к капитану и развёл руками.

– Как убил? – До одурманенного мозга офицера медленно доходил смысл произошедшего. – Я... я же не хотел... – он растерянно обвёл взглядом зал. Отчаяние и безысходность с новой силой обрушились на него.

– Не хотел он! Конечно! С детьми проще воевать, чем со шведами?! Герой! – раздался голос молодожёна.

До капитана, стоявшего в оцепенении, не сразу дошёл смысл сказанного.

– Не тебе меня учить, сопляк! Иди... играйся со своей куклой!

Молодая супруга зажала ладонями рот и испуганно посмотрела на мужа. Тот побледнел, сделал два шага к офицеру и, чеканя каждое слово, произнёс:

– Ты, сударь, только что оскорбил меня и мою супругу. Я – представитель древнего и известного рода Воронцовых – терпеть такое хамство не имею права.

– И что же ты сделаешь? – Несмотря на всю трагичность ситуации, капитана поведение юноши даже забавляло.

– Поединок! И немедленно!

– Ты меня вызываешь?! Меня?! – Капитан усмехнулся. – Ты хоть знаешь, с какой стороны за шпагу держаться?

– Знаю! Шпагу... – Юноша хлопнул себя по бокам. – Сейчас!

Он метнулся на второй этаж, едва не сбив с ног купца и приказчика, стоявших на лестнице с разинутыми ртами. Спустя несколько мгновений он выскочил обратно со шпагой в руке.

– Дуэль! Немедленно! – Указывая шпагой на офицера, он сбежал вниз.

– Саша, не надо! – Молодая жена со слезами на глазах пыталась остановить разъярённого мужа.

– Извини, Машенька, здесь дело чести, – он решительно отстранил супругу.

– Юноша, – выступил вперёд капрал, – хочу тебя предупредить, что господин капитан лучший фехтовальщик в полку и, пожалуй, самый известный дуэлянт в Москве.

– Наплевать! Фехтовальщик! Убить ребёнка! Животное он, а не фехтовальщик! Мужлан!

– Что-о!? – взревел капитан. – Да я тебя прямо здесь пошинкую!

– Только не здесь! – вклинился Игнат Акимыч. – Тесно здесь, развернуться негде, переломаете всё, запачкаете. Лучше на улицу, господа, пока не стемнело.

– Будешь моим секундантом, – буркнул капитан капралу и направился к выходу.

– А у тебя есть секундант? – капрал повернулся к юноше.

– Секундант? – Молодой человек растерянно оглянулся на купца. Тот сразу замахал обеими руками, как бы говоря: увольте меня от этого.

– Я могу, если юноша не против, – поднялся с лавки Афанасий.

– А ты кто? Конюх? – Капитан задержался у выхода, с лёгким презрением окинул взглядом Афанасия.

– Он такой же капрал, как и я, – заступился за Афанасия капрал, – под Нарвой плутоном командовал.

Капитан молча открыл дверь ударом ноги и вышел из корчмы.

– Благодарю, – молодой человек кивнул Афанасию и последовал за соперником.

Все потянулись следом, даже монахи спустились. Одна только прибежавшая откуда-то Дашка стояла на коленях возле Миньки и плакала.

Пока секунданты обговаривали условия поединка, разграничивали площадку, молодой участник предстоящего боя стоял, обнявшись со своей женой. В одной руке он держал шпагу, а другой гладил её по спине и, слегка наклонившись, что-то шептал ей на ушко.

Капитан Воробьёв в одиночестве стоял несколько поодаль возле яблони. В левой руке он держал сорванное с дерева яблоко, машинально откусывал от него и жевал, не замечая вкуса. Правая рука в это время крутила шпагой в самых разнообразных направлениях, иногда с такой скоростью, что видно было только зажатую в руке гарду.

Как всегда перед поединком или боем, к нему вернулось хладнокровие и полное самообладание. Хмель куда-то улетучился, голова была абсолютно ясная и свежая.

Быстро прокрутив в мыслях сложившуюся ситуацию, он ещё раз попробовал найти выход. Как резко всё изменилось! В течение какого-то часа обрушилось всё, чего он успел достичь в жизни. Из простого крестьянского парня пробиться в состав офицеров, приближенных к самому царю, – это мало кому удавалось. И вот... Мало того, что потерял деньги самого «светлейшего», а потом зашиб

до смерти по собственной дурости ребёнка, так сейчас ещё должен убить этого дерзкого мальчишку. Как его, бишь, там... Воронцова.

Капитан знал нескольких Воронцовых. Один из них – фельдмаршал, два генерала, один – полковник – адъютант царя. Ещё один был большим человеком в приказе по иностранным делам. Где-то ещё слышал эту фамилию. Скорее всего, мальчишка приходится родственником каждому из них в какой-то степени. Но для Воробьёва было достаточно и одного из них. Любого. Если прямо не обвинят в убийстве молодожёна, то выставят дело так, что царь лично голову оторвёт. Или Меншиков.

Закончить бой лёгким ранением не получится. Вон как он взъерепенился. Пока сможет держать шпагу, будет биться. Ранить так, чтобы обездвигить? Это всё равно что убить. Если не хуже. Многие даже после лёгкого ранения умирают от последующих воспалений и заражений. Медицина-то никакая. Или выживет, но – калекой-инвалидом.

Если трезво и спокойно прикинуть все возможные варианты, то для капитана Воробьёва самым достойным выходом из ситуации было бы самому погибнуть на этой дуэли. Ну что ж, раз других выходов нет...

Капитан искоса взглянул на соперника. Стоит, переживает. Скорее всего, юноша уверен, что погибнет. Просто жену успокаивает. Неплохо держится, молодец! Пусть помучается. Потом ещё будет бахвалиться, что «самого Воробья завалил». Главное, чтобы этот хлюпик знатного рода шпагу не уронил. Нужно, чтобы всё выглядело достоверно.

Наконец секунданты закончили приготовления, расставили соперников в трёх шагах от начерченной на песке линии и отошли в сторону.

– Сходитесь, господа! – скомандовал капрал.

Юноша с горящим взглядом сразу же кинулся в атаку. Он сделал несколько выпадов, которые капитан небрежно отразил, изображая отступление. Потом сам сделал несколько выпадов и обманных движений, изучая возможности противника. Уже через минуту он всё понял. У юноши хорошая техника, чувствуется чья-то школа. Но, по всей вероятности, дальше тренировочных боёв дело не доходило. На каждый выпад он отвечал стандартными наработанными движениями. После отбитой атаки переходил в наступление, опять же по стандартным схемам. То есть был слишком предсказуем. Капитан уже давно мог его легко поразить в любую точку тела, но не делал этого. Машинально подыгрывал, размышляя о своём.

Оба секунданта, стоявшие рядом в стороне, это поняли.

– Играет, как кот с мышонком, – высказал вполголоса своё мнение Афанасий, – жалко парня.

Капрал, не отрывая взгляда от поединщиков, согласно кивнул и добавил:

– Сам напорился.

И тут они оба одновременно охнули. Юноша сделал очередной выпад, а капитан, вместо того чтобы легко отбить его, как-то неловко то ли споткнулся, то ли поскользнулся. Его шпага ушла куда-то вбок, а шпага противника, наоборот, вошла точно в середину подставленной груди.

Молодой Воронцов от неожиданности выпустил шпагу и замер. Капитан сделал шаг назад и грузно упал на спину с торчащей из груди шпагой противника. Его шпага выпала из руки и откатилась в сторону.

Оба секунданта подошли к поверженному капитану и одновременно с двух сторон присели на корточки.

– Готов! – тихо произнёс Афанасий.

– Видимо, сам так захотел, – задумчиво добавил капрал, – а может, оно и к лучшему.

Он поднялся, выдернул шпагу, вытер её пучком сорванной травы и протянул победителю:

– Держи свою орудию, молодой человек, – и, вздохнув, добавил: – видишь, как бог вас рассудил.

Юноша взял её за рукоятку двумя пальцами и, держа на отлёте, как какую-то гадюку, на негнущихся ногах пошёл к дому. Когда обливающаяся слезами Маша повисла у него на шее, целуя лицо, он еле устоял, чтобы не упасть вместе с ней.

* * *

Через два дня на небольшом местном погосте появились два свежих могильных холмика. На деревянных крестах были две лаконичные надписи: «Капитан Воробьёв» и «Минька». Через год Афанасий привёз на телеге огромный камень-валун, который он самолично обтесал и выбил зубилом надпись: «Минька – 8 лет».

Приспособив две доски, Афанасий с трудом снял камень с телеги и закатил в изголовье могилки, вытащил покосившийся деревянный крест и на его место установил камень.

«А дубок-то подрос за лето», – подумал Афанасий, отдыхая на брёвнышке возле холмика. Этот дубок посадила в изголовье могилки Дашка год назад. Она же посадила в ногах куст сирени и много разных цветов, от самых ранних весенних до поздних осенних. Даша бегала сюда по любому поводу. Навещала Миньку во все «родительские» дни, на Радуницу и Троицу; рассказывала ему все новости и даже, оглядываясь и понизив голос, делилась своими девичьими секретами.

Соседняя же могила заросла высоким бурьяном. На покосившемся кресте надпись уже еле различалась. Когда год назад капрал со своими солдатами уезжал после похорон, он заверил всех, что обязательно вернётся на могилу командира и привезёт достойный памятник. Не приехал. Может, сгинул в великой Полтавской битве, случившейся в середине этого лета, может, ещё что помешало.

2012 год, осень

Сергей проснулся от телефонного звонка. Он чертыхнулся и посмотрел на часы. Через минуту должен был зазвонить заведённый будильник. На телефоне высветилось имя звонившего абонента – «Серый»:

– Я чего беспокою раньше времени, – начал тот издалека.

– Передумал, что ли? – буркнул Сергей, вставая и зевая одновременно.

– Нет, тут такое дело... пацан соседский с нами просится. Он парень нормальный, ни разу ещё не ходил. Ну что, возьмём?

– Возьмём, место есть в машине.

– Ну, тогда я вместе с ним буду ждать, где договаривались.

Сергей отключил телефон и пошёл в ванную. На кухне уже хлопотала жена.

– Сидел бы дома, – по привычке ворчала она, – ездись, только бензин жжёшь. Одни расходы от тебя.

Сергей пил кофе и думал о своём. С женой у него была договоренность. Через день. Один день он работает по хозяйству, то есть делает то, что скажет жена.

А на следующий – едет на свою «рыбалку». Так Сергей называл своё увлечение – поиск с металлоискателем.

Вообще-то главным его увлечением была нумизматика. Старинные монеты Сергей собирал с детства. Но коллекция пополнялась медленно, от случая к случаю. В детстве выменивал монеты на марки и спичечные этикетки. Бывало, что коллекция иногда годами не пополнялась. Так, выпросит у кого-нибудь монетку или случайно на огороде найдёт, когда картошку копает.

Выйдя на пенсию по выслуге лет, Сергей долго присматривался к рекламам металлоискателей, пока наконец не решился. Сейчас он жалел только о том, что не сделал это сразу после выхода на пенсию. А ещё лучше бы – во время службы в органах. Колония особого режима, где он проработал опером лучшие годы своей жизни, располагалась в глухой уральской тайге. Сколько заброшенных деревень и посёлков было в окрестностях! Один посёлок Пелым, бывший когда-то городом, чего стоит!

У Сергея даже скулы сводило от воспоминаний об упущенных возможностях.

Да что там говорить, даже собственный огород возле дома, где он жил последнее время на Урале, и то толком не проверил. А ведь весь огород был усыпан черепками – керамикой, от светло-коричневого до чёрного цвета. Тогда он ещё не понимал, что это главный сигнал: искать надо ТУТ! И прибор ведь уже был. С середины последнего лета, прожитого там.

Плотно заняться металлопоиском получилось только после переезда на историческую родину – в Беларусь. Здесь, в окрестностях Витебска, он провёл всё своё детство, здесь похоронены предки и проживали многочисленные родственники.

Поначалу один из двоюродных братьев, узнав о возможностях «волшебного» прибора, заявил:

– Я знаю, где надо искать.

И потащил Сергея по заросшим траншеям, окопам и т.д. В результате находками были кучи стреляных винтовочных и автоматных гильз и прочего мусора.

Потом Сергей в городе случайно познакомился с тёзкой, таким же фанатом, как и сам, только лет на десять моложе. А он уже познакомил его со своим другом, тоже Сергеем. Так и сформировалась бригада из трёх Сергеев, объединённых общим интересом. Чтобы не путаться, нового знакомого Сергей называл просто Серым (от имени), его друга Светлым, а к нему, как к самому старому, прилипло прозвище Седой.

Серёга-Светлый был светлым во всех отношениях. Во-первых, в его голову, всегда обритую налысо, можно было смотреться как в зеркало. Во-вторых, он обладал обширными, почти энциклопедическими знаниями во всём, что касалось монет и других предметов старины; в-третьих – имел широкие связи в узких кругах, связанных с коллекционированием и оборотом монет и прочего антиквариата. К тому же сам был хорошим реставратором, владел множеством способов чистки и восстановления монет.

Парни знали много «рыбных» мест вдали от Витебска, но добраться до них было проблемой в связи с отсутствием личного транспорта. Седой со своим «Хундаем» пришёлся как раз кстати.

И дела пошли. Выяснилось, что нужно было ходить не по местам боёв, а по бывшим хуторам и деревням. Желательно, располагавшимся на полях, которые

регулярно перепахиваются. Как раз в таких местах и водятся старинные монеты. Личная коллекция стала стремительно увеличиваться. Всё лишнее обменивалось на «нужные» монеты или продавалось – надо же хоть частично компенсировать расходы на бензин и прочее.

Иногда к основной бригаде присоединялся кто-нибудь из знакомых – вот как сегодня.

– С какой стороны города хоть эта корчма находится? – поинтересовался Седой, когда Серый с новым знакомым по имени Миша грузили в багажник рюкзаки.

– Тут недалеко, в сторону Полоцка километров двадцать. Сейчас Светлого заберём, он объяснит точнее.

Серёга-Светлый был самым высоким в бригаде. Он стоял возле подъезда своей десятиэтажки, сверкая на утреннем солнце светлой головой, и приветственно махал рукой.

– Короче, – пояснил он, как только машина тронулась, – я вчера ехал из Полоцка на дизеле, а там трактор поле допахивал. Должны успеть раньше других.

Другие – это конкуренты, такие же фанаты-любители с металлоискателями. Развелось их в последнее время... и, несмотря на всяческие запреты и ограничения, с каждым годом становилось только больше. Кто первым успел на свежеперепаханное поле, тот и собрал всё самое интересное. И неважно, что это поле было выбито в прошлом году. Перепахали – и опять можно собирать монеты. Дело в том, что приборы цепляют монеты неглубоко – 15-20 сантиметров, а плуги пахут землю намного глубже. Или какая-нибудь крупная железяка лежит рядом с монетой и забивает своей массой её сигнал. А плугами их раскидало в разные стороны – и... вот она!

Если на какое-нибудь интересное место приезжаешь через неделю после того как поле перепахали, то оно всё уже будет вытоптано следами конкурентов. Что-то найти всё равно можно, но это уже не то.

– А что там за корчма, не выбитая, что ли? – спросил Седой, срывая машину с места на светофоре, едва загорелся жёлтый сигнал.

– Осторожней! – напрягся Светлый, сидевший рядом с водителем. – Как не выбита... выбита, конечно, но не так, как другие. Её на картах нет, мало кто про неё знает. Там дальше другая есть на берегу Двины, вот та выбита под ноль.

– Это где Олег скелет женский выкопал? – уточнил Серый.

– Да. Он там пошурфить решил, дошёл до подвала, вот там она и была закопана.

Шахтёрским термином «шурфить» на профессионально-любительском сленге называлась тяжёлая работа, когда на небольшом участке копали вглубь, тщательно прозванивая каждый слой грунта. Седой старался избегать таких моментов, предпочитал больше двигаться и копать только то, что сверху. Хотя признавал, что определённый смысл в этом был.

– А как он определил, что скелет женский? – заинтересовался Седой.

– Волосы длинные, и заколка какая-то была в волосах, старинная.

– А что он с ней сделал? – подал голос с заднего сиденья Мишка.

– Заколку забрал, скелет на месте оставил, – пояснил Светлый, как ребёнку-несмышлёнышу.

– Не наоборот же, – добавил Седой.

Сзади расхохотался Серый:

– Я представил, – еле выговорил он, даваясь от смеха, – как Олег, озираясь, закапывает заколку поглубже, а потом скелет на плече заносит в подъезд. А из окон соседи смотрят обалдевшие.

Теперь уже все расхохотались.

– Я не понял, – сказал Седой, покосившись на Светлого, – как ты определил, что там была именно корчма, а не хутор какой?

– Вычислил. Посмотришь потом сам по карте. Там, в этом месте дорога раздваивается, причём одна поворачивает под прямым углом. Это основная, Витебск – Полоцк¹. С трёх сторон на одинаковом расстоянии были деревни. Рядом ручей в глубоком овраге и мост через этот овраг. В таком месте просто обязана быть корчма. А на карты она не попала, потому что все пользуются картами не позднее середины девятнадцатого века. Если корчма там была раньше, то на карты могла и не попасть.

– Да уж, железная логика, – проворчал Седой. Непонятно было, то ли он согласен с аргументами, то ли ехидничает.

– Монеты, по крайней мере, там поднимали всякие, начиная с чешуек и боратинок² и – до Советов.

– Здесь за домами поворот налево, не разгоняйся, – Светлый, как Чапаев с тачанки, указывал направление.

Свернув с асфальта, машина пролетела около восьми километров по разбитой грунтовке.

– Вот тут корчма, справа, – показал рукой «штурман», – между дорогой и оврагом. А слева, вот на этом поле была деревня, семь дворов по карте Шуберта. Тут в основном советские монеты попадают. Корчму мы проверим быстро, а по полю можно весь день ходить. Короче, ставь машину вон там, за кустами, чтобы сильно не маячила, и пошли.

Пока переобувались в резиновые сапоги и собирали приборы, выяснилось, что Мишка вышел сегодня впервые. Даже прибор собрать правильно не может.

– Смотри-ка, у тебя такая же «Аська»³, как и у меня, – удивился Седой, – за сколько купал?

– Я не покупал, я у брата двоюродного одолжил, он сейчас на больничном, ногу сломал. Я столько историй интересных слышал, что давно хотел сам попробовать. Деньги откладывал, чтобы себе прибор купить, да вот... наверное, не получится. У матери проблемы серьёзные.

– Это у Анны Сергеевны, что ли? – Серый собрал прибор быстрее всех и направился уже в сторону поля, но остановился. – И что случилось у моей любимой соседки?

– Арестовали её. Могут срок дать приличный.

– Ни фиги себе! – Серый подошёл к Мишке. – Что же она могла натворить? Такая женщина приличная.

– Она бухгалтером работала в России. В Москве. В какой-то серьёзной компании. Месяц там, неделю дома. Деньги хорошие привозила. Такая счастливая

¹ Современная дорога проходит немного в стороне.

² Боратинки – название медных монет – солидов, Речи Посполитой, чеканившихся в 1659 – 1668 гг. на медных дворах Польши и Великого княжества Литовского. По имени итальянского учёного Тита Ливия Боратини, арендовавшего в то время государственный монетный двор.

³ Аська – металлодетектор Гаррет ACE-250.

была. Мы тут уже начали планы строить. Я же полгода как с армии пришёл, работаю охранником в магазине. Да ты же знаешь... Ну вот. А последний раз уехала, через неделю позвонила и сказала, что её арестовали за растрату, плачет, говорит, что не виновата, её подставили. Своё начальство её же и топит. Говорит, надо адвоката хорошего, тысяча десять баксов, чтобы заплатить ему, иначе посадят. А где взять столько денег – не знаю.

– Понятно, – Седой хмыкнул, – по ходу, её с самого начала приняли, чтобы подставить. Аферисты! Сами подумайте – что, в Москве мало своих желающих поработать бухгалтером в крутой фирме? А они гастарбайтеров ищут в Беларуси. Здесь народ-то доверчивый. Москвичи не хотят работать грузчиками, асфальтоукладчиками, на стройках, таксистами и так далее. В общем – где тяжёлый физический труд. А бухгалтеров там сколько хочешь. Но местных не берут. Мало ли какие у них могут оказаться связи! А у гастарбайтера какие могут быть связи в Москве? Никаких! Короче – подстава, сто процентов. И адвокат у них на фирме наверняка не из последних, раз фирма крутая. Чтобы выиграть у них процесс, надо иметь очень хорошего юриста. Такие адвокаты больших денег стоят. Я думаю, десять тысяч ещё мало будет.

Мишка тяжело вздохнул. Все задумались. Чем тут поможешь? Таких денег ни у кого не было.

– Не отчаивайся, Мишка! – Серый хлопнул его по плечу. – А для чего у тебя в руках волшебная палочка? Тебе как новичку должно обязательно повезти. Где-то вот здесь, на этом поле лежит золотая монета времён Лизки или Аньки. Тебе осталось только её найти. Вперёд!

На краю поля Седой долго объяснял Мишке, как пользоваться прибором.

– Ставишь режим на «все металлы», вот так... мощность немного не до конца, чтобы меньше железа цеплялось. Теперь прислушайся.

Он провёл мишкиным прибором по краю поля. Тот отозвался целой очередью однотонных звуков.

– Ого, сколько железа! Вот на него не обращай внимания. А всё остальное копай. Смотри на прибор, если показывает вот этот сегмент и всё, что справа от него, – копай. Это цветмет. Мусор: всякие там пробки, проволоку, гильзы и другое, – на поле не выбрасывай, а то через год приедешь и опять будешь тратить время на выкапывание этой же пробки или гильзы.

– А куда его?

– Я в карман складываю. Видишь, у меня в каждом кармане пакеты из-под молока. В одном будет мусор, в другом кусочки меди, латуни – всё, что можно сдать на цветмет. А вот в этом будут монеты и всё, что представляет интерес: пуговицы, крестики и так далее. Мусор можно вытряхивать периодически, лучше – на обочину дороги. Это чтобы он больше никого не отвлекал.

Ушедшие вперёд Серёги сошлись вместе и что-то разглядывали.

– Что там у вас? – крикнул Седой.

– Копейку петровскую поднял, – ответил Светлый, пряча в карман добычу, – убитая наглухо.

– Жалко, что убитая, – прокомментировал Седой, – ну что, выдвигайся параллельно крайним следам, а я пойду следом.

Чтобы проверить всё поле, распаханное на месте бывшей корчмы, четвёрке «рыбаков» понадобилось пройти по одному разу в одну сторону и обратно. На всё ушло около часа.

Подвели итоги. У Светлого – одна копейка Петра Первого, одна копейка Николая Первого и пуговица «орёл на пушках»¹. У Серого – две «боратинки» и гривенник Екатерины Второй. У Седого – одна «боратинка», пятнадцать копеек 1930 года, бронзовый крестик-«листик» и пуговица с царским орлом. У Мишки – только одна «боратинка» и обломок от крестика.

– Нормально для начала, – похвалил его Светлый, – если «боратинку» сумел зацепить, то что-то более крупное точно не пропустишь.

Серый чувствовал себя счастливее других:

– Я сегодня уже не зря съездил, – он дал всем полюбоваться найденным гривенником, – ну что, переходим на основное поле?

– Я, пожалуй, пробежусь по следам новенького, проверю качество работы, – Седой направился обратно на выбитое поле, – потом присоединюсь к вам.

– А я сначала поищу, где здесь мужской туалет, – Мишка положил на траву прибор, снял рюкзак, – что-то у меня с непривычки живот бунтует.

– А это тут везде, – засмеялся Серый, – хоть в каждую выкопанную ямку, чтоб труд зря не пропадал.

Мишка направился в заросли малины на краю оврага.

Седой прошёл по Мишкиным следам до конца поля, развернулся и направился обратно. Мишка пропустил только гильзу от автоматного патрона и кусок алюминиевой проволоки. Так что качество работы новичка можно было оценивать на «отлично».

– Смотри, что я нашёл, – привлёк его внимание Мишкин голос. Он стоял на краю поля между пахотой и малинником и держал в руках какой-то чёрный предмет.

– Снаряд, что ли? – Седой издали никак не мог рассмотреть, что у Мишки в руках.

– Не. Тут кувшин какой-то и вроде даже с монетами.

– Иди ты! – Седой воткнул лопату, прислонил к ней прибор и поспешил к Мишке.

– Понимаешь, – скороговоркой рассказывал Мишка, пока Седой приближался, – я хотел заглянуть в овраг, подошёл к его краю, земля обрушилась. Я съехал вниз вместе с кустом малины. Сходил в туалет, а когда стал выбираться, увидел сбоку вот эту штуку. Он вертикально стоял на краю свежего обрыва. Там слой земли только сверху, а так один песок. В общем, я его взял, он почти целый, только сверху кусок отбит и треснут сверху донизу. Сверху в нём какая-то труха была с песком вперемешку. Я всё wygrеб, а дальше вроде монеты. Только они как спрессованные, сам посмотри.

Седой заглянул, и у него перехватило дыхание. Кувшин был заполнен на две трети. Лежавшие сверху почерневшие кругляшки, судя по размерам, могли быть серебряными рублями восемнадцатого века. А выглядывавшие из-под них края монет жёлтого цвета – скорее всего золото.

– Может, разбить кувшин? – предложил Мишка.

– Зачем? Подожди, разбить всегда успеем.

Седой оглянулся, поднял сухую ветку, отломил кусок и получившейся палкой пошевелил монеты. Они явно сдвинулись со своих мест.

– Ну вот, сейчас и посмотрим.

¹ Пуговица царского солдата артиллериста.

Седой достал из кармана куртки полиэтиленовый пакет, расстелил его на траве и аккуратно высыпал на него содержимое кувшина. Убедившись, что кувшин пуст, Седой отложил его в сторону и взял из получившейся кучки жёлтую монету.

Сомнения в том, что это было золото, исчезли сразу. Чувствовался вес. С одной стороны двуглавый орёл с круговой надписью «Самодержец Всероссийский», с другой – гордый профиль с лавровым венком на голове. Из круговой надписи Седой понял только «Алезиевич».

– Обалдеть! – Седой растерянно посмотрел на Мишку. – Это петровская золотая монета. Только номинала не вижу и даты нет. Что за хрень?!

Мишка протёр пальцами большую монету, которая сразу заблестела серебром, и прочитал:

– «Всеа России повелитель црь Петр Алек...вич». Тут какие-то буквы непонятные... А с другой стороны: «манета добрая, цина рубль»... тут «о» какая-то непонятная, может: «рубль»? И ещё какие-то буквы древние.

– Ну-ка, – Седой взял у него монету, присмотрелся, – рубль петровский. А дата буквами указана. Обалдеть! То есть из самых первых! Когда же их стали выпускать?.. Где-то 1704 – 1705 годы... обалдеть!

– На эти монеты можно адвоката нанять?

– Что? – Седой не сразу врубился, о чём идёт речь. Потом сообразил. – Если я не ошибаюсь, любого из этих рублей за глаза хватит. А про золотые...

Его перебил звонок телефона. Голос Светлого спросил:

– Что вы там разглядываете, как будто клад нашли?

– Да тут не как будто... подходите, не пожалеете.

Когда остальные члены команды подошли, Седой с Мишкой заканчивали сортировать монеты в разные кучки.

– Ох...еть! – хором произнесли два серёги, увидев добычу.

– Мишкина находка, – пояснил Седой.

– Я же говорил, новичку должно повезти! – воскликнул Серый, покручивая в пальцах золотую монету.

– Все мы когда-то были новичками, – философствовал уже успокоившийся Седой, – но чтоб вот так... я не припомню.

Светлый взял из пальцев у Серого монету, внимательно взгляделся, шевеля губами:

– Если я не ошибаюсь, это же... – он рывком скинул рюкзак, порылся в нём и достал книжку, на которой было написано: «Каталог российских монет и жетонов, 1700–1917, аукцион Волмар». Быстро перевернул несколько страниц. – Точно! Обалдеть! Это червонец петровский! Рарик! Тут даже цена не указана!

– А сколько такая монета может стоить? – не унимался Мишка. – Ну, хотя бы примерно?

– Ближайшая цена, которая указана, – за червонец 1715 года от 150 до 330 тысяч баксов. Эта выпущена раньше, на ней даже даты нет. Получается: с 1701 по 1707 год. То есть однозначно дороже. Остальные такие же?

– Да, – Седой уже всё пересмотрел, – тут три таких червонца, пять рублей петровских, у всех даты буквами. Остальное – медь тех годов, в основном польская, «боратинки», и чешуйки – одиннадцать штук.

– Буквами, говоришь... – Светлый взял серебряный рубль, сравнил с каталогом, – тут разброс от восьми до сорока пяти тысяч за монету. Годы – 1704-1705.

Короче, Мишка, тут тебе на адвоката одного рубля серебряного может хватить. Про рыжики я уж и не говорю.

– Да я бы всё отдал, – вздохнул Мишка, – за мамку не жалко.

– Станный какой-то клад, – Серый разглядывал медную монету, – с одной стороны – куча дешёвой мелочи, как будто кто-то очень бедный откладывал на чёрный день или на паперти побирался. А с другой стороны – червонцы и рубли. В то время на такие монеты в этих краях и покупать-то нечего было. Разве что целую деревню.

– Я что-то тоже не пойму, – согласился Седой. – Обычно какие клады находят? Или серебро, или медь. В зависимости от возможностей хозяина клада. Можно понять, когда вместе с серебряными рублями лежат несколько золотых пяти- или десятирублёвиков. Бывают клады из пятаков Катиных или из чешуи. Серебро советское – «кулацкие» клады. А тут – сборная солянка.

– Да, тут есть над чем подумать, – согласился Светлый, – но, я считаю, главное тут другое: как Мишке это всё реализовать и не сесть в тюрьму.

– Мне по закону положена четвёртая часть от суммы клада, – отчеканил Мишка, – я думаю, мне четверти вполне хватит на все дела.

Серёги дружно рассмеялись.

– Давай, я тебе объясню, как самый юридически грамотный из всех, – Седой сделал серьёзное лицо. – По закону тебе положена даже не четверть, а половина от стоимости клада, на двоих с собственником земли. То есть если земля, где найден клад, находится у тебя в собственности, то пятьдесят процентов. Но, учитывая, что в Беларуси почти вся земля находится в собственности у государства, вот и получается – одна четверть. Это, кстати, главное заблуждение большинства наших граждан, проживающих в собственных домах. Они уверены, что участок у них в собственности. А сунешь его носом в документы, и выясняется, что участок у него в пожизненном пользовании с правом передачи по наследству. А собственником земли остаётся государство.

Теперь вторая часть вопроса. При оценке клада учитывается не рыночная стоимость монет – то, что сейчас Серёга смотрел по каталогу, – а просто вес металла. Ну, как лом драгметалла. Таким образом, тебе даже ста процентов стоимости этого клада на хорошего адвоката вряд ли хватит.

И третий момент. По нашим законам ты должен сначала получить разрешение на поиск этого конкретного клада, иначе он будет считаться незаконным и подлежит изъятию. Причём в законе указано очень расплывчато, кто должен давать такие разрешения. Но ни один чиновник любого уровня такое разрешение тебе не даст. Потому что все они в первую очередь думают, как бы чего не вышло. А вдруг что не так, дело-то непривычное. Так и тёплого кресла можно лишиться. Даже если допустить, что кто-то согласится тебя выслушать, то ты должен обосновать, почему ты собрался искать клад именно в этом месте. На чём основана твоя уверенность. То есть ты должен будешь предъявить всё, что ты имеешь по этому вопросу: какие-то исторические документы, показания старожилов или ещё что-то. А если у тебя действительно есть убедительные документы, подтверждающие, что где-то в ста шагах строго на север от приметного дуба закопана бочка с золотом, то что сделает нормальный чиновник? Потянет время. Мол, надо согласовать с министерством культуры, с главным археологом, с горгазом (а вдруг там магистраль проходит), в общем, придумает причины. Скажет, чтобы ты зашёл через недельку. А вечером сам сгоняет в указанное место с братом, сватом, сыном.

Но это всё так, лирические отступления. Реально то, что нужно разрешение, а его не дадут. И как только ты засветишь где-то свой кувшин, сразу спросят: а кто тебе давал разрешение на поиск клада? Ах, разрешения нет?! Тогда клад конфискуем, а тебя штрафуем! Вот так примерно. Я не знаю, кто работал над этим законом, но он как бы специально вынуждает людей хитрить, скрывать от государства такого рода находки. Видимо, расчёт на то, чтобы всё уходило в казну. Но люди-то не все идиоты. Конечно, не каждый сможет грамотно и осторожно воспользоваться находкой. Кто-то засветится. Отберут, а самого посадят. А у кого-то получится. Про них никто и никогда ничего не узнает.

– И как же теперь быть? – На Мишку было жалко смотреть.

– Не переживай, научим, – Светлый усмехнулся и достал смартфон, – дай-ка я червонец сфоткаю с двух сторон. Вот так. Ты его отложи, а остальные спрячь куда-нибудь, только не дома.

– Где-нибудь в глухом лесу, посреди болота, – сделал страшные глаза Серый.

– Где наш брат никогда не будет ходить, – добавил Седой, – а лучше – в разных местах. Лишь бы сам потом нашёл. А ты что, Серёга, кому-то показать хочешь?

– Есть у меня один знакомый коллекционер. Пожилой еврей, адвокат по профессии. Но, по-моему, уже не практикует. Подозреваю, что он может дать за монету нормальную цену. – Светлый задумался. – А, собственно, чего откладывать? Сейчас я ему сброшу.

Он уткнулся в смартфон:

– Ну вот, теперь надо ждать, когда ответит. Я спросил, сколько он может дать за такую монету.

– Мне говорили, – Мишка заворуженно смотрел на монеты, – что клад положено делить на всех поровну, ну, с кем искал.

Парни переглянулись.

– Нет, Миша, – озвучил общее мнение Седой, – это если была бы предварительная договоренность. А мы же с утра ни о чём таком не говорили? Так что мы ни на что не претендуем.

– Если я правильно понял, тут основная ценность вот эти монеты, – Мишка отложил в сторону рубли и червонцы, – а остальное ничего не стоит.

– Ну, не то чтобы совсем ничего, – Светлый оценивающе глянул на кучки монет, – по сравнению с этими – да. А так... петровские копейки, здесь их две штуки, в хорошем сохране, на тысячу российскую потянут.

– Там могут быть особенности, – добавил Серый, – это надо с лупой разглядывать. Могут быть и намного дороже.

– По закону подлости такие редкие как раз никогда и не попадают, – развёл руками Седой, – а сохран здесь хороший – «кладовый».

– Я думаю, что остальные монеты вы можете себе забрать, если хотите, конечно, – Мишка выжидательно смотрел на парней.

– А мы и не откажемся. – Серый подсел поближе к монетам. – Я сейчас разделю на три части, примерно одинаковые... так...так... Блин! Это надо же, даже пуговики! Что за клад такой странный!? Одна вообще ливрейка изумительная, с каким-то гербом, надо узнать чей. Я её в эту кучку положу вместо копейки петровской. Готово! Все согласны, что поровну? Так, Седой, отворачивайся. Кому эту кучку?

– Тебе, – Седой добросовестно смотрел на овраг.

– Зашибись! А эту?

– Мне.

– Ну вот. Оставшаяся – Светлому. Разбираем.

Светлый поднял рюкзак и тут же положил его обратно на траву:

– Я предлагаю, раз пошла такая пьянка, давайте заодно пообедаем и обмоем удачу. Кто за? Единогласно!

В отличие от пенсионера Седого, который во время сезона старался выезжать «в поле» через день, для остальных каждый выезд был событием. Серёгам надо было: во-первых, согласовать с работой, чтобы у обоих совпал выходной; во-вторых, согласовать с транспортом, то есть с Седым, чтобы тот подогнал свой график под нужный день; в-третьих, надо было угадать с погодой, чтобы не ходить под дождём; и в-четвёртых, определиться с местом, чтобы съездить не зря. Это Седой мог себе позволить отъехать от города километров пять, походить пару часов по выбитому полю и вернуться домой по звонку жены, чтобы приготовленный ею обед не успел остыть.

Поэтому настроение у парней всегда было праздничным. Как при выезде на пикник, на природу. Соответственно и бутылочку прихватывали. Тем более что за рулём всегда был непьющий Седой.

Вот и сейчас: не спеша «раздавили» бутылку на троих за удачу (Седой за компанию выпил квасу), плотно закусили и, развалившись на траве, вспоминали удачные находки свои и находки знакомых.

– Кстати, – вспомнил Серый, – я сейчас заглянул на кладбище, – он показал на группу деревьев с другой стороны поля, – там, в середине стоит огромный дуб. Лет на триста потянет, а под ним памятник, точнее – могильный камень. На камне надпись: «Минька 8 лет» с твёрдым знаком на конце. Жалко, даты нет, хоть бы примерно знать, когда тут люди жили.

– Восемь лет? Ребёнка похоронили больше ста лет назад, – прикинул Светлый.

– Я думаю, намного больше ста. Камень вплотную к дубу прижат, тот его как бы корнями охватил. А дубу, я же говорю, лет триста.

– Кстати, – Седой задумчиво смотрел на группу деревьев на холме за полем, – я что подумал. Если бы не эти восемь дорогих монет, такой клад мог припрятать какой-нибудь ребёнок. Мелкие монетки, пуговицы...

– Это да, – Серый согласно кивнул головой, – но откуда он мог взять рубли и золото?

Седой только развёл руками.

– Ну-ка, ну-ка, – Серый вытащил из кармана звякнувший смартфон, – ага! Вот уже есть реакция. Читаю: «Если вы уверены, что это не подделка, могу предложить сто пятьдесят тыс. дол.». Во! Что я говорил!

– Не отвечай ему пока, – посоветовал Седой. – Пусть старик помучается. Он же понимает, что ты не только ему мог предложить. Глядишь, и цену поднимет.

Седой как в воду смотрел. Когда уже в сумерках подъезжали к городу, у Светлого опять забрякал смартфон.

– Ого! Читаю: «Дам двести, только больше никому не предлагайте. И хотелось бы самому оценить подлинность». Ну вот, точно ты, Седой, говорил, переживает коллекционер. Так и до пол-лимона догонит. Ну что, Мишка, давай я с ним на завтра договорюсь, а то он мне всю ночь спать не даст. Тебе двести хватит?

– Да мне вообще-то не деньги нужны. Слушай, ты говорил, что он вроде адвокат. Может, он сам или среди знакомых есть хорошие адвокаты? Скажи, что я ему эту монету подарю, если мамку отмажет.

– А не слишком ему жирно будет? – вмешался в разговор Серый. – Хотя, конечно, ты теперь можешь себе позволить.

– Не, не жирно. Мамка дороже. – Мишка насупился.

– Хорошо, тогда я договариваюсь с ним на завтра. – Светлый защёлкал кнопками на смартфоне.

* * *

Через две недели Седой катался на машине по городу по личным делам и решил по пути заскочить в супермаркет, где работал охранником Серый.

Тот как раз был на рабочем месте и порадовал его новостями:

– Соседка моя домой вернулась. Мишка счастливый. Короче, по порядку. Как только этот нумизмат убедился, что монета настоящая и узнал условия, то заявил, что лучше его самого адвоката в Витебске всё равно нет. И он лично займётся этим делом. А монету, мол, отдадите, когда будет результат. Сам сразу уехал в Москву. Позавчера вернулся с мишкиной мамкой. Вчера ему Мишка передал через Светлого монету. Все довольны.

– Я рад за них. А с остальными монетами что будет делать, не говорил?

Серый развёл руками:

– Я ему посоветовал, если что надумает, то пусть решает с нашей Светлой Головой. А Серёга уже намекнул нумизмату, что возможно появление ещё одной такой монеты. Тот крепко задумался. Скоро дозреет.

Седой возвращался к машине в приподнятом настроении. Он рад был за Мишку и его мать, что у них всё наладилось. Он никогда не завидовал удаче других коллег по увлечению. Просто был уверен, что когда-нибудь и ему улыбнётся капризная Фортуна. И удача его периодически навещала. Хотя, конечно, пока не в таких размерах. Да какие его годы, всё ещё может быть.

И никто из участников этих событий не мог даже подумать, что деньги, которые начал собирать Минька в начале восемнадцатого века, чтобы выкупить из тюрьмы свою мамку, помогли в начале двадцать первого века другому Миньке – Мишке – выкупить его мать из тюрьмы. В жизни иногда случаются и не такие совпадения. Жаль, что об этом совпадении никто так и не узнает.

Поэзия

Тамара КОВАЛЁВА

Тамара Ивановна Ковалёва родилась 12 марта 1950 года в деревне Поповка Опочецкого района Псковской области. Окончила Псковский государственный педагогический институт, физико-математический факультет. Автор трех книг. Финалист международного литературного конкурса "Центр Европы" в номинации «Память народа – единство страны», 2022 . Член Союза писателей Беларуси. Живет в Новополоцке.

Хранители

ТВОЙ КРЕСТ

"Что привело тебя ко мне?" –
Господь спросил меня во сне.
Ему ответила: "Прости,
Устала жизни крест нести.

Полегче дай, – затем пришла.
Не думай, – на тебя не зла.
Наверное, ошибся ты,
Когда распределял кресты".

"Ну что ж, иди и выбирай –
Кресты стоят у входа в Рай.
Иди по правой стороне.
Найдёшь удобный – скажешь мне".

"Спасибо! С радостью бегу!
Судьбу облегчить я смогу".
И от волнения в поту
К другому подошла кресту.

Его примерила к спине –
Как тяжело! Неудобно мне.
Так третий, пятый – все долой,
И даже лёгкий – он не мой...

И тут Господь мне говорит:
"Примерь-ка тот – в углу стоит".
Примерила – как хорошо!
Удобный крест, хотя большой.

"Беру я этот, этот мой!
Он мне назначен был тобой".
"Я рад. Он был всегда твоим,
Ко мне пришла ты тоже с ним".

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖЕЧКА*

Посвящаю своей семье

В шкатулке, где надёжная застёжка,
Лежит реликвия военных давних дней –
Серебряная с вмятиною ложка
И память, что с годами всё сильнее...

Рискуя жизнью, вдоль родного сада,
Девчонка убегала в зимний лес –
Связная партизанского отряда,
Мишень живая для солдат СС.

В платке суровом, не имевшем цвета,
Для маскировки в серый армячок
Поверх пальтишка тонкого одета,
А за спиной – потёртый рюкзачок.

В нём скарб нехитрый –
ложка, мыло, кружка,
Газетный свёрток с маминой едой,

И фляжка, неизменная подружка,
С чуть сладкой родниковой водой.

Но вот снаряд фашистский и проклятый
Настиг девчонку на краю села.
Очнулась на снегу. Рюкзак промятый
С замёрзших плеч испуганно сняла.

Достала фляжку – пить хотела долго,
Но вдруг увидела, как будто ожила,
Что вмятина от вражьего осколка
На ложечке серебряной была...

В шкатулке, где надёжная застёжка,
Лежат хранители большой семьи моей –
Военная серебряная ложка
И память, что с годами всё сильнее.

АВГУСТ

Лето травы сложило в букеты,
Расстелило жнивьями ковры,
В лёгкий дым нарядило рассветы
Вдохновенной отрадной поры.

Той поры, где спокойствием дышит
Каждый шорох зелёных листов, –
Это август, что бережно вышит
Гладью поздних роскошных цветов,

Гладью вызревших яблок блестящих
В позабытом промокшем саду,
Гладью нитей желаний, летящих
На счастливую в небе звезду,

На звезду над родительским домом,
Что остался лишь в сердце моём
Дорогим, чуть-забыто знакомым, –
Август с грустью напомнил о нём.

Он напомнил, как пела гармошка
В нашем доме на Яблочный Спас,
Как цвела в огороде картошка –
Не цветёт так картошка сейчас.

Он напомнил мне юности свежесть
На дурманящем мёдом лугу,
Он напомнил, что к родине нежность
Ни купить, ни продать не смогу.

НЕПРОДАННЫЙ ДОМ

Как письмо из далёкого прошлого,
Как забытая песня души,
Дом родной мой, хранитель хорошего,
В деревенской забытой глуши.

А когда-то мы с братом, замёрзшие,
Прибегали из школы в наш дом
И на печку бросали промокшие
От снежков рукавицы со льдом.

Мама щи разливала горячие
По тарелкам с широкой каймой,
А за шкафом котята незрячие
Ждали кошку с охоты домой.

Дом стоит на отшибе, непроданный,
На дверях – заржавевший замок,
И, ветрам на прощание отданный,
Завершает отпущенный срок.

* История основана на реальных событиях.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ РОМАН

Мы слушали с тобой орган.
И в храме музыки звучали:
То дождь, то снег, то ураган...
И даже ангелы молчали.

Хранимый верною Двиной
Софийский пел, пронзая вечность.
Стремительной живой волной
Аккорды плыли в бесконечность...

Твой взгляд блестел и замирал,
С моим пересекаясь взглядом,
Когда фантазию играл
Маэстро Бах органным градом...

Но это было всё вчера.
Любые встречи – расставанья.
Длиннее стали вечера,
Короче – ночи и желанья.

И вновь я слушаю орган –
Лечу свободно в звёздах млечных,
Где музыкальный наш роман
Живёт в волшебных звуках вечных...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зима сдалась. И раннею весною
Атласной лентой зеленеет стойко
Трава за нашим домом. Над сосною
С хозяйской суетой резвится сойка...

Несутся облака, вдали белея,
По небу голубому в дымке пенной.
Блестит на солнце, красок не жалея,
Сияющий улыбкой лес весенний.

Художник-ветер по своим законам
Рисует волны на реке с успехом.
Весна несётся колокольным звоном,
Беспечно отзываясь чистым эхом...

Поэзия

Ирина БОГДАНОВА

Ирина Андреевна Богданова родилась 22 октября 1958 года в городе Кемерово. Автор книжной серии для детей под общим названием «Наша дружная семья». Лауреат литературной премии имени Петруся Бровки за 2019 год в номинации «Литература для детей». Имеет звание «Лучший писатель Витебского областного отделения "Союз писателей Беларуси" за 2021 год в номинации "Литература для детей"».

На птичьих языках

СОЛНЦЕ НИКОГДА НЕ ПЛАЧЕТ

Если кто-то вас обидел
Или с вами был ехиден,
Не грустите, не скучайте,
Не ревите, просто знайте:

Люди разные бывают
И порой нас обижают.
Не ругайтесь им в ответ –
Злоба затмевает свет.

Через тучи пробиваясь,
Лучезарно улыбаясь,
Солнце светит нам всегда
И не плачет никогда!

Если встретится жадёба,
То есть жадная особа
С завидующими глазами,
С загребущими руками –
Ей по-честному скажу:
«Я с тобою не дружу!»

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ ЗЛИТСЯ

«С добрым утром!» – всех встречая,
«Доброй ночи!» – всем желая,
Мы становимся дружнее
И на капельку добрей.

Из простых крупниц добра
Добрых дел растёт гора,
Вытесняя на задворки
Все ненужные разборки.

Ведь не зря же говорится:
«Добрая душа не злится.
Люди с доброю душой
К нам приходят с добротой».

Если повстречаю скуку,
Я не пророню ни звука,
Даже «Здравствуй!» не скажу
И домой не приглашу.
Потому что, если честно,
Мне скучать неинтересно!

С ОКОНЧАНИЕМ НА -ШКИ...

Я возьму слова в стихи
С окончанием на «-шки»:

Все мальчишки любят клюшки,
Бьют по шайбе, как из пушки.
Нацепить серёжки в ушки
Любят модницы-девчушки.

В джунглях прыгают мартышки
По деревьям без одышки:
Скачут, словно попрыгушки,
Покоряя их верхушки.

По тайге гуляют мишки,
Там висят на ёлках шишки,
Там растут грибы волнушки,
Зеленушки, говорушки.

А в садах цветут ромашки
И щебечут звонко пташки.
А в траве бывают блошки
И вокруг летают мошки.

На болоте ква-квакушки –
Ква-ква-квакают лягушки:
Попадутся к ним в ловушки
Паучки, жучки и мушки.

А в домах мурлычут кошки –
«Кити-кэт» едят из плошки:
Доедают всё до крошки
И садятся на окошки.

Даже куклы Неваляшки,
Вместе с ними Чебурашки,
Дружно просятся в стихи
И рифмуются на «-шки»!

НЕ НАДЕЙТЕСЬ НА «АВОСЬ»

Чтобы дело получалось,
Чтобы лучшее сбывалось –
Не надейтесь на авось,
Позабудьте про небось.

Ведь удача любит тех,
Чей слагается успех
Из желания учиться
И умения трудиться.

ДВУСТИШИЯ

Нужно так уметь сказать,
Чтоб смогли тебя понять.

В смене дат-событий-будней
Добродушным жить уютней.

Каждый дружеский союз
Впрок идёт со знаком плюс.

Чтоб добру торжествовать,
Нужно злу отпор давать.

На добро добром ответишь –
Утро доброе приветишь.

Мы красивы не словами,
А полезными делами.

Прежде, чем за дело взяться,
Нужно в деле разобраться.

Без прилежного труда
Не придёт на стол еда.

Как бы день ни начинался –
Дельно лишь бы завершался.

Если нечего сказать,
То не стыдно промолчать.

Хоть ужасно, хоть отлично –
Пустословить неприлично.

Болтология без дела
Никого не обогрела.

Если глупо выражаться,
Можно неучем прозваться.

Дружба нам нужна всегда –
Как вода, и как еда.

Если все начнут дружить,
Веселее станет жить.

Сила дружбы – не в словах,
А в поступках и в делах.

От природной красоты
Пробуждаются мечты.

Показать всем улыбашки
Можно без напоминашки.

От улыбок все миноры
Превращаются в мажоры.

Прежде, чем собраться в гости,
Прочь уныние отбросьте.

Если в гости приглашён,
Тортом будь вооружён.

С настроением плохим
Не спеши идти к другим.

Было, есть и будет в моде
Одеваться по погоде.

Чтоб забыть про все болезни,
Быть весёлою полезней.

Чтоб здоровье укреплять,
Нужно всех за всё прощать.

Кто без меры много ест,
Тот имеет лишний вес.

Чтоб не выглядеть понуро,
Помогает физкультура.

Каждый будет очень рад,
Если в доме мир и лад.

Каждая семья – совет.
В ней вторых и первых нет.

Хоть мало величиною,
Слово мама – ключевое.

Мама с папой не стареют:
Просто с возрастом взрослеют.

Кто домашний адрес знает,
Путь домой не потеряет.

Лучше плакать с земляками,
Чем смеяться с чужаками.

В ситуации любой
Нужно сделать вывод свой.

Не ленитесь каждый день,
И лениться будет – лень.

Я ПО-ДРУЖЕСКИ СКАЖУ

Говорит собачка: «Гав!»,
Отзываюсь ей: «Тяв-тяв!»
Мы друг друга понимаем –
В «перелайки» с ней играем.

– Киса-кис, иди ко мне –
Вместе весело вдвойне.
– Мур, – в ответ мурлычет кошка,
Можно поиграть немножко.

– Жу-жу-жу, – жужжит пчела,
К нам она на чай зашла
– Жу, – шепчу ей, – не жужжи.
Вот конфетка. На, держи!

– Чик-чирик, – со всех сторон
Раздаётся в унисон.
– Чик-чирик, – кричу в ответ, –
Вот вам зёрнышек пакет.

Во дворе гогочет гусь,
Я всегда его боюсь.
«Га-га-га», – ему шепчу,
Вежливо с ним гогочу.

Всем друзьям, которых встречу,
На приветствие отвечу.
«Чик-чирик», «гав-гав», «жу-жу»... –
С настроением скажу.

ОБНИМАШКИ-УЛЫБАШКИ

Я с утра, в ночной рубашке,
Всем устрою обнимашки:
Маме с папой, и котёнку,
И собаке, и сестрёнке.
Я их сонных побалую –
Обниму и поцелую
И скажу им: «С пробуждением!»,
А они все с настроением
Без моей напоминашки
Мне покажут улыбашки,
Пусть с улыбками на лицах
Нам с утра не загрузится.

У НАС В ГОСТЯХ АЛЬМАНАХ «ВРАТА СИБИРИ»

Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Врата Сибири» основан в 1999 году и все эти годы издаётся при поддержке Правительства Тюменской области. Его тираж колебался от 500 до 750 экземпляров, а в последние несколько лет альманах выходит тиражом в 2 тысячи экземпляров и бесплатно распространяется во все библиотеки Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. И печатаются в альманахе авторы трёх названных субъектов Российской Федерации.

Альманах первым в России для продвижения творчества своих писателей начал практиковать обменные блоки с аналогичными литературными изданиями регионов страны, знакомя своих читателей с лучшими произведениями регионов-партнёров. Затем редакция пошла ещё дальше и стала делать обменные блоки с писателями из других стран. Таким образом с творчеством тюменцев познакомились читатели Казахстана, Болгарии, а сегодня и белорусский читатель получает возможность почитать стихи и прозу тюменцев.

Леонид ИВАНОВ

Леонид Кириллович Иванов – автор 20-ти книг прозы, лауреат всероссийских и международных литературных премий, член Союза писателей России. В семнадцать лет, с восьмью классами образования и несколькими написанными рассказами, был принят литературным сотрудником в районную газету «Волна» Вологодской области и с тех пор всю жизнь занимался журналистикой. В настоящее время – главный редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири». С 2014 года – руководитель Тюменского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Тюмени.

ТОСКОВА-А-АЛ!

Рассказ

– Тосковал Фёдор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! – баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слёз вроде бы и не было. – Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ёму тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на со-роковой день и забрала. Помянули, как полагается, на погост сходили, потом

чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Фёдор-то Андреич всё сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, Господи, не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

– Баба Маня, а тебе сколько лет?

– Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У миня уж внучка на пенсию лонись вышла. На северах работала, дак на пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

– Здорово! – восхищённо сказал Андрей.

– Дак и чо здорово-то? Здорово, когда не болит ничо, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

Андрей ещё раз обвёл взглядом могилки деда и бабки, поправил прислонённые к крестам привезённые им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Несмотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но и к дому Фёдора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью посторонилась, пропуская Андрея вперёд. Он было хотел зайти следом, но она подтолкнула:

– Тибе первому нада с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старушка брызнула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

– Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под рукомойником руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьёй, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая Угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь по гранёной стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

– Андрюшенька, скажи слово за деда, – обратилась к нему баба Маня.

– Хороший был человек! Как в таких случаях говорят, царствие ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что ещё можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замаялся.

– Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти, – добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

– Святой был человек, – добавила баба Маня. – Никому худова слова не говорил. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу, – повторила она уже сказанное на кладбище.

– Да уж, да уж, – вполголоса заговорили старушки. Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом, вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, общая зайти вечером и помянуть честь по чести. – Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит и всё. Уж чево-чево, а не ругивались, это правда.

– А мастеровой-то какой был! – поддержала Зинаида. – И по дому все умел, и топором потесать, и доску строгнуть. А печки, почитай, у всей деревни его руками сложены.

– Да-а-а, мастер был, царство небесное...

– И какой мастер! Печку-то зимой как протоплю, дак всё тепло в доме остаётся, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

– Ево лежанкой я только и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесёнными кем-то из соседок ягодниками и стали расходиться.

– Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дак зови миня, – говорила Зинаида. – Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело стол накрывать да посуду мыть.

– Хорошо, спасибо большое! Я обязательно позову.

– Вон на той стороне дороги дом с зелёными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

– Нет, Зинаида, не гоже поминки в чужом доме устраивать, – урезонила баба Маня. – Не по-людски это. Да и беду накликать можно. Ох, жалко, што матушка-то твоя Тамарушка, не приехала. Жалко!

– Так я же говорил, что она в больнице лежит.

– Вот и на похороны Клавдии-то тибя дед ждал да ждал, не дождалси. И на погосте всё на дорогу поглядывал, не едешь ли.

– Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся, – в который уже раз меньше чем за сутки оправдывался Андрей. Все в деревне это уже знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, ещё раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвёл взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Всё было на прежнем месте, так же стояли в застеклённой горке гранёные стопки и привезённая им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Всё в доме было как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой тоже почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

– Тоскова-а-ал! – вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого дня, как пришёл дед с фронта и почти сразу же женился. Просто удивительно, подумал вдруг Андрей, но ведь они все эти годы, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну да! Насколько он знает, ни который из них не бывал в санатории или на курорте, не ездили ни разу к дочери в город. Это они с матерью наведывались в деревню. Иногда вместе, иногда, если Андрей уезжал в детский оздоровительный центр, мать навещала родителей одна.

– Поразительно! – сказал Андрей, удивившись, что его дед и бабка ни разу в жизни не расставались. И тут же удивился, что произнёс это слово вслух, хотя был в доме один. – Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду, сел на лавочку возле стены, где ещё совсем маленьким не раз сиживал с дедом. Он тогда всё порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил побыть с ним рядом.

– Набегаешься ещё, – говорил он. – Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придёшь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и будучи ещё совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребёнком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а будучи старше, как-то стеснялся проявления дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закалённым, готовым к суровостям жизни. Бабушка, наоборот, пыталась дать то, чего не получал от матери. Она окружала его такой заботой, что даже в совсем юном возрасте он стеснялся, а когда подрос, бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав он был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, он бы просто сидел рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука всё хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говаривала, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каждая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о стремительно пролетевших годах, и когда остаётся только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь вот уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной шумной городской суете. Сходить поговорить к соседям? Так ведь всё уже пересговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких, от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали слишком дорогие и запестрели рекламами шикарных, совсем не крестьянских одежек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны, – в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустяки разные треплются. На озеро отходил – ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока всё общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились.

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда он приез-

жал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а всё выискивают разного рода страшилки. Вон недавно «сплетница» писала, будто в их лесах какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слыхивал, а уж мужики все леса вдоль и поперёк исходили на охоте-то.

За этими воспоминаниями Андрей вдруг встрепенулся, что за сутки, как он приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не зазвонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

– Надо же! – удивился почему-то. – Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в каких-то полутора сотнях километров от областного центра, он оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку.

Зашёл в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол и только тогда вспомнил, что без мобильной связи и с ноутом в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие из-за деревни сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Всё это добро оказалось на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их ещё с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счётах, весело стуча названными на проволоки деревянными костяшками.

Странно, подумал Андрей. Неужели дед на старости лет начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страничку. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушёл на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не соизволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А ещё ниже другим почерком: «Сами не बारे! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45» «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50» «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55» «А перец куда задевали? 13.58» «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00»

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и во весь голос рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45» «Я с таким кобелём не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46» «Лежанка не топлена – простынете. Заболеете. 21.48» «А заболею да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У

вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». «Не говорите глупостей, Сударыня! Пойдёмте спать. 21.52» «И один поваляется в холодной постеле! 21.55» «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помог бабе стайку отремонтировать. 22.00» «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером всё же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда они поссорились снова.

«Щи – в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». «Часы отремонтировал. Что ещё изволите? Время вечером по телевизору поставите». «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» «Сама не переломилась! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И похоже, постель снова помирила.

Увлёкшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.
– Можно?

– Да, да, конечно! – засуетился Андрей. – Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

– Да не надо! Не такие уж и грязные, – отмахнулся муж Зинаиды.

– Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придёте, её предупредил. Она хотела закуски приготовить.

– Да не надо нам тут Зинаиды. И без неё найдём, чем закусить. Выпить-то есть?

– Этого – сколько угодно.

– Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Фёдора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьёй, блинами и рыбником.

Андрей пошёл разогреть суп, но Николай его остановил:

– Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

– Не надо греть! Не надо, – поддержали остальные. – Мы это не интеллигенция. Мы по-простому любим. А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

– Да ты, Николай, скажешь тоже, чо нам из-за стола на улицу, што ли, поминать идти. Нет, покойный в дому жил, тут и положено поминки устраивать.

– Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напаришься, в озеро окунёшься да как по стопарику накатишь!

– Ой, после байны-то душевно! Вот завтра бабы байну натопят, мы тибя по-нашему, по-деревенски-то веником попотчует! Ладно, чо расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря её дед Сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждалась своего Сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов-день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости ещё тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут – это как же так? В деревне все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захохотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

– Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

– Дак она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

– Это что, на восьмом десятке? – изумился Андрей.

– Да и на девятом тоже, – уточнил Николай, и все засмеялись.

И вот теперь стали Андрею понятны те намёки про старого кобеля, что написаны в «бортовом» семейном журнале. Ну дед! Ну бабка! Ей богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминок нетвёрдой походкой, обещая назавтра устроить городскому гостю настоящую баню.

– Ты смотри, Андрюха, не сгузай, – обнимали его по очереди и хлопали по плечу. – Девять дён надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те в свою очередь спасибо за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице уже совсем стемнело.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду. Вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суетилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны почти под иконой и молчал.

Да, уходят старики, с тоской подумал Андрей. Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодня на кладбище провожать в последний путь деда Фёдора? И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл наугад на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну почему ты, Сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю, и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!»

Ольга ГУЛЬТЯЕВА

Ольга Николаевна Гультяева родилась в Новосибирске, в 1988 году окончила Новосибирский технический университет, работала инженером-конструктором на Ишимском машиностроительном заводе, затем старшим преподавателем кафедры общетехнических дисциплин Ишимского педагогического института имени П.П. Ершова. В 2015 году окончила магистратуру Тюменского государственного университета по направлению «Историческая культурология». Автор трех поэтических сборников. Публиковалась в литературно-художественных изданиях Новокузнецка, Тюмени, Ишима, Вологды, Москвы. С 2017 года член Союза писателей России. Награждена медалью «Николай Рубцов». Живет в г. Ишим.

ЕЩЁ ЕСТЬ ВРЕМЯ

Ну вот и всё. Смеётся тихо осень,
Меня до дна, до капли выпивая.
Штрихов цветных

причудливая россыпь,
Тревожный всхлип осеннего трамвая.
Куда бежать? От осени не скрыться.
Она внутри, снаружи – повсеместно.
И я усталой равнодушной птицей
Кружу над суетой толпы воскресной.
Что мне насмешки ветреной растрёпы?
Людей внизу слепая оголтелость?
Проспектов светофоровые тромбы,
Садов чужих отчаянная спелость

Что мне? Я в осень тихо обращаюсь,
Вплетаюсь крылами в обнажённость
клёна.

Огромна осень. С ней и я – большая.
Стою безмолвно за прозрачным тронem.
Смеётся осень. Солнечные зайцы
Остатки листьев глядят осторожно,
Старик-паук плетёт судьбу на пальцах,
Пасётся стадо облаков творожных.
Разносит ветер огненные споры,
Исходит соком яблочная мякоть.
И я смеюсь. Февраль ещё не скоро.
Ещё есть время и писать, и плакать.

ЭСКИЗ

Закат лениво догорал,
Дробились солнечные пятна,
Трава благоухала мятно,
Сверчковый дребезжал вокал.

Всё в мире было как всегда,
Сентябрь тихонько крался
по планете,
В остатках солнечного света
Цвела озёрная вода.

И где-то кто-то счастлив был,
А где-то погибали люди...
Рассвет убитых не разбудит
И не вернёт их душам пыл.

И только тени на стене,
Когда осенний луч последний
Мелькнёт прерывисто и медно,
Напомнят об ушедших мне.

Нахлынут мысли невпопад,
Воспоминанья и сомненья...
А в мире ленно и осенне
Вновь будет догорать закат.

Юлия ЕЛИНА

Юлии Ивановне Елиной 43 года, она живёт в Тобольске, член Союза писателей России с 2018 года. Публиковалась в Санкт-Петербургских альманахах, «Литературной газете» и других периодических изданиях. Автор евразийского журнального портала «Мегалит».

Не спи в майнкрафтовском аду – взрывается кровать.
Но любопытный дурачок и сам не ляжет спать.
Пойдёт бродить на край земли: глазеть на острова.
Куда б слова ни завели – мечта ещё жива.

Пойдёт смотреть, как небеса смыкаются с водой.
Чтобы никто другой, а сам, он сам обрёл покой.
Кто спит в майнкрафтовском аду – несчастен и уныл.
Секунда, взрыв – и в никуда несёт его, как пыль.

Под розовые облака, в малиновый закат.
Маяк поверх скользнёт лучом, и чайки закричат.

Идёт толпа по городам.
Молва – по головам.
Уж лучше ты меня предай,
Чем я тебя предам.
Уж лучше ты сожги мосты,
Листы перечеркни.
На пепелище я, не ты,
Останусь до весны.
Ручьи апрельские чисты,
Им пепел нипочём.

Тот, кто мудрей, из темноты
Всегда светил лучом.
Тот, кто честней, всегда был бит.
Ведь против всех – один.
Своей нечаянной любви
И боли господин.
Идёт молва по головам –
Толпа по городам.
Уж лучше ты предай меня,
Чем я тебя предам.

«Ты идёшь, я – смотрю» –
Это с сыном такая игра.
Провожая его до двери, повторяю:
«Ты идёшь – я смотрю».
Я смотрю из окна,
Как мой мальчик неспешно
Пересекает двор, в котором вырос,
Играл в бадминтон и катался с горки.
Ноябрь, темень. Снег,
Что-то ранняя нынче зима.
Он идёт, я – вижу.
Это пара минут всего утренних,
За суетой и заботами просто глядеть,

Как мой выросший мальчик
шагает с портфелем,
Иногда поднимает голову,
машет рукой мне, глядящей в окно:
«Я иду – ты смотришь?»
Конечно, хороший мой, смотрю
И буду смотреть всегда.
Он не знает, что даже за самой
последней чертою моею
Я буду смотреть, как идёт он.
Я всё буду видеть.
«Ты идёшь, я смотрю»
Перестанет быть детской игрой.

Александр НОВОПАШИН

Александр Новопашин родился в 1959 году в городе Тюмени. Коренной сибиряк. Выпускник Тюменского государственного университета и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кандидат политических наук (журналистика). Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Ивана Ермакова, «Югра», Уральского федерального округа. Живёт в Тюмени.

ВОЙНА И МИР

Ты видишь одну половину войны,
Я вижу другую.
И не признаём нашей общей вины,
Что спорим впустую.
О том, кто кого и за что разгромил,
Зря спорят державы,
Ведь прав на земле
Может быть только мир,
А войны неправы.

Были времена и пострашнее,
Но подлее точно не бывало.
В кирзачах гранитных по аллее
Шёл солдат, спустившись с пьедестала.
Мог ли кто представить, что когда-то
На земле спасённой Украины
Памятник советскому солдату
Станет не святым и не любимым?
Трос затянут на солдатской шее,
Снова чернь врагов возликовала...
Были времена и пострашнее,
Но подлее точно не бывало.

СТАЯ ПТИЦ

... И мы с тобою в стае птиц,
Алея в зареве заката,
Взлетим над чёрным дымом ввысь
Прочь от земли, огнём объятый,
Чтоб дотянуться до глотка
Небесной глади безмятежной.
Но совесть дулом у виска
Глядит на нас зрчком железным.

Стихнут выстрелы когда-то,
Эхо канет в вышину.
На тугой струне заката
Я сыграю тишину.
А пока солдаты-сосны,
Плотно выстроившись в ряд,
Под прицелом перекрёстным
На пути у пуль стоят.
В облака, бинты и вату
Рану солнца затяну.
На тугой струне заката
Я сыграю тишину.

Ирина ТРОФИМОВА

Ирина Николаевна Трофимова родилась в 1960 году в городе Ирбит Свердловской области. В 1983 году закончила филологический факультет Тюменского университета по специальности преподаватель русского языка и литературы. Работала в школах Тюмени, затем в течение семи лет – заведующей кабинетом мировой художественной культуры и музыки Тюменского областного института повышения квалификации учителей. С 1994 года живёт в Тобольске.

ОБЩИЙ ВАГОН

В колыбельном колыханье,
В синеве неона
Уплотняется дыханье
Общего вагона.

Привыкает обонянье
К дыму с перегаром,
Умиляет обаянье
Малыша с загаром.

По ногам, как по паркету,
Ходят пассажиры.
Нет покоя, места нету –
Ладно, быть бы живу!

В синеве татуировки
Жилистые руки
Вверх забрасывают ловко
Рюкзаки и сумки.

Заливаются туманом
За окном просторы,
Наполняются стаканы,
Крепнут разговоры.

Запах лука с апельсином –
Севера и юга:
Хант беседует с грузином,
Потчуют друг друга.

Расслабляются подтяжки,
Свёрнута ангора,
Ах как душно, ах как тяжко
В поезде нескором!

Изнывает и пьянеет
Общество вагона,
И спина деревенеет,
И душа – до стога.

Улеглись на верхних полках
Дети и бродяги.
Едем тихо, едем долго,
Маловато тяги.

...А в плаккарте режут в карты,
Чай подносят к сдобе.
Едем в общем и не ропщем:
В тесноте – не в злобе.

ЗЕРО

Обнулилось лето.
Кончена игра.
Холодом и ветром
Понесло с утра.
Золотые фишки
Сброшенной листвы
Покатались – ишь ты! –
По сукну травы.
Небо хмурит брови
И свинцом дождя
Бьёт наотмашь кровлю,
Хлещет не шадя.

Робкий солнца лучик
Потянулся вниз –
Навалились тучи:
Ну куда ты? Брысь!
Летняя валюта
Падает в цене,
Зелень – это блюдо
Подают к весне.
Ставок больше нету.
Давши кругалю,
Через зиму к лету
Двинулась Земля.

Владимир ШУГЛЯ

Владимир Фёдорович Шугля родился в 1947 году в городе Кыштым Челябинской области. Окончил Свердловский институт народного хозяйства (1970) и Уральский социально-политический институт (1991). Прошёл трудовой путь от слесаря-механика на оборонном предприятии Свердловска до президента ООО «Холдинговая компания ТД «Мангазея» в Тюмени. Награжден правительственными наградами Российской Федерации и Республики Беларусь. Член Союза писателей Союзного государства, Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Лауреат нескольких российских и белорусских литературных премий. Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Российской Федерации в Тюмени.

Средь городского суесловья,
Сумятицы машин и гула,
Красою лет – забытой, вдовьей –
Притих старинный переулок.

Как будто замер, правя тризну
По старине, по русским сёлам, –
Не осквернённый урбанизмом
Веков пронзительный осколок.

Казалось, встретился не я с ним,
А он искал со мною встречи,
Ждал терпеливо и безгласно,
Молитв пасхальных теплил свечи...

Я окунулся в окон ясность,
В узоров старых чудо-завязь,
В резную русскую согласность –
Разладу города на зависть.

И незаметно стало чисто
На сердце в благостной минуте...
Я видел Русь в молитвах истых,
В резных узорах вечной сути...

Память ли?.. Памятник
Слёз и боли – Хатынь!
Памяти пламенем –
Покаянье над ним.

В воздухе ищем мы
Душ сгоревших сигнал.
Над пепелищами
Стон стоит, как стоял.

Колокол-маятник,
Вечных слёз пилигрим –
Звоном по памяти,
Горем – горьким, людским.

Горя рубахою
Эти стоны носить...
Мысли как заолодь:
«Нелюдь может ли жить?!»

Плещется знаменем
Боль людская... Хатынь –
Родине памятник...
Свет небесный над ним.

Хотя всегда чего-то не хватает,
Жизнь надо принимать такой как есть.
Как в небе звезды в тучах исчезают,
Так дни за горизонт бегут, не счесть...
Край неба, твердь земли – душа и плоть,
Средь лунных бликов и ночных пророчеств –
Сошлись. Их спор – строка из многих точек...
...Мне образ твой нарисовал Господь
Движеньем звёзд среди бессонной ночи.

Речка зыблется волнами,
С неба льется яркий свет.
Режет высь над облаками
Самолетный белый след...

На землю спустился с небес ореол
В созвездии росном.
Играют мальчишки азартно в футбол
На поле покосном.

А река всё серебрится
И несет душе покой,
В тучках даль грозой ложится,
Принимая летний зной.

Дома у посёлка залил небосвод,
Искрятся оконца,
И призраком облачко тает из-под
Палящего солнца.

Грома слышатся приветы,
Но еще не тёмн день...
...Дождик, в радугу одетый,
Чередуется свет и тень...

В поту – не сдаются в игре пацаны,
Сверкают глазёнки...
Как будто и не было этой войны...
А в поле – воронки.

Пусть новых дней рассвет
Тебя тревожит,
Но ярче всех светил
В тот день погожий
Мне свет небесных сил,
Что в сердце ожил,
Что душу покорило
И мир стреножило.
И кажется, как миг,

Одним мгновеньем
Вся жизнь... И миражом,
Во сне виденьем
И явью неземной, –
Как будто не со мной...
...И, в памяти держа,
Нескрытый тьмою,
Тот день хранит душа
Под сердца сенью.

Я – русь-ский, я вольною Русью рождён.
В ней белый, и красный, и синий цвета...
У дома родного колышется клён,
Полярная светит над крышей звезда.

Открыта калитка в зелёный рассвет,
И яблонь цветенье, как будто в раю...
Всё это, как счастье на тысячи лет,
Сплелось воедино в родимом краю.

Я к дому шагаю отцовской тропой,
Из детства тропинкою звонкой и узкой,
И светлые звёзды парят надо мной,
И небо – как пропасть...
Я дома... Я – русь-ский.

Поэзия

Иван ТИТОВЕЦ

Ищу свой путь

РОДИНЕ

Речушка, змейкою петляя,
К деревне резко подбегая,
То лугом к лесу отступая,
Струилась чистою водой.
В родник сверкающий хрустальный
И гладь воды речной зеркальной
Короткой ночью купальной
Гляделся месяц молодой.
В объятьях девственной природы,
Когда шумели ледоходы,
Когда тот луг топили воды,
Я, отрок, грезил и мечтал.

Там звуки нежные кукушки,
И крик резвящейся лягушки,
И деревенские частушки
С наивной жадностью впитал.
В лесах таинственно-певучих,
В цехах горячих и кипучих,
В проблемах жизни вечно-жгучих
Хотел все таинства понять.
Сбежали весны, леты, зимы,
А я ищу свой путь единый.
Багаж, что сердцем не отринул,
Пытаюсь Родине отдать.

СЛУЖИЛ ОТЧИЗНЕ

На седой земле Корана,
Где гробница Тамерлана
И где в свой далекий век
Жил великий Улугбек,
Юность светлая промчалась.

Вместе с русским и грузином,
Латышом и армянином
Я познал армейский труд.
Съел солдатский соли пуд,
Возмужал и закалился.

И ученья, и досуги,
И акаций белых вьюги,
И арыков перезвон,
Наш гвардейский батальон –
Все стоит перед глазами.

А чинар густое диво,
И гармошки переливы,
И луна, и соловьи,
Песни девушек вдали
До сих пор мне сердце гложут.

Целых три цветущих года
Я отдал стране, народу.
Знал одно: что каждый день
То «равняйся!», то «на ремень!»
Все стерпел. Служил Отчизне.

Жизнь былая растворилась,
В прах и в тени превратилась.
Затрещал союзный мост.

Не союз, а лишь – погост.
Нет могучей сверхдержавы.

А страны былой безбрежье
Стало ближним зарубежьем.
За кордоном армянин,
И литовец, и грузин...
Но душой я вечно с ними.

ГЕНРИЭТТА

*Памяти участницы Великой Отечественной войны
Генриэтты Эрнестовны Валден*

Генриэтта, Генриэтта,
Вспомним прошлое порой –
Блеск кровавого отсвета,
Годы жизни молодой.
Как хотелось Вам красиво,
Бесконечно долго жить,
Быть любимой и счастливой
И любить, всегда любить.
А кругом война кипела
И горел весь белый свет.
Время черное пришло –
Воевать в расцвете лет.
Жизнь от смерти защищая,
Сквозь разрывы дым и грязь
Вы, связистка рядовая,
Обеспечивали связь.
Жизни, судьбы и страданья
Обрывал военный шквал,
И для Вас, солдатки ранней,
приготовлен был металл.

Воевать пришлось по-новой
И в другом уже строю,
В роли новой и суровой
За худую жизнь свою.
А потом – с крутой разрухой,
С вопиющей нищетой,
С холодами, с голодухой
В жизни трудной, непростой.
Не помада – телогрейка
Вашей спутницей была,
Жизнь – пустячная копейка –
Открыла, отцвела.
Все, что пели, недопели,
До всего умом дошли,
Как же много Вы сумели,
Как же много Вы смогли.
Лишь глаза хранят былое,
Да снежок, где след косы, –
Изваяние живое
Женской силы и красоты.

КАПЛАНОВ

Ты, жизнь любивший
И живший по чести,
Ушел сотворивши
Чудесные песни.
Ушел ты, познавши
Заслуженной славы,
Заслуженно ставши
Любимцем державы.
Потеря огромна.
Щемящая рана.
Великий и скромный,
Прощай, наш Капланов.

Ушел, не вернешься,
Коль сердце остыло.
Пусть в пух обернется
Сырая могила.
И пусть твои песни
Зимой и весною
Напевом бессмертным
Летят над землею,
Жить будешь ты долго,
Народный, любимый.
Тебя будем помнить,
Покуда мы живы.

МОЙ ГОРОД

На камнях твоих соленых
Пот убогих деревень.
Разоренных, оголенных,
Обескровленных, как тень.

Мы, подростки той години,
Дань отдавшие войне,
На твои пришли руины
В телогрейках и рванье.

И вложили жизнь и души,
Чтоб ты стал таким, как есть.
Стал красой родимой суши,
Мог трудиться, жить и цвести.

Мы уйдем.
Тебе, мой город,
Пробиваться в толщу лет.
Помни тех, кто сердцу дорог!
Кто вернул тебя на свет.

Тех, разутых и голодных,
Кто с лопатой и киркой
От траншей сырых, холодных
Путь прошли нелегкий твой.
Кто трудился безупречно
За идею и гроши.
Помни их всегда и вечно,
В книгу Памяти впиши!

МОНГОЛИЯ

Кисейного марева море
Пронзали тугие лучи,
В безбрежном монгольском просторе
Осталась частица души.

Упругие ветры шумели,
Швыряли лавины песка,
А годы стрелой пролетели.
Монголия сердцу близка.

В напевах широких, привольных
Тепло бескорыстной души.
О братстве людей хлебосольных
Мне хоть мемуары пиши.

И юрты твои вековые,
Небесная, светлая ширь,
И горы – степей часовые –
Зовут в твой чарующий мир.

Совместный наш труд был по праву
Гордынею древней земли.
Нашли мы не честь и не славу –
Мы верных друзей обрели.

Успехи, и радость, и горе
Бывали в щемящей глуши.
В безбрежном монгольском просторе
Осталась частица души.

ЖИЗНЬ СПИНОЮ ПОВЕРНУЛАСЬ

В мире бурном, быстротечном
Мне казалось человечным
Строить светлое навечно.
Я гордился, был я рад.
Жизнь иначе обернулась,
Покатился вдруг назад.

Коммунизм исчез, как ливень.
Бог далеко, черт противен,
И остался я наивен
У раскисшей колеи.

Начинать по-новой поздно,
Неизвестность давит грозно
Годы зрелые мои.

Утверждая стройки века,
Бомбы, танки и ракеты,
Лозунг «Все для человека!»
Породил лишь пустоту.
Сердце ранено, разбито,
У прогнившего корыта
Хороню души мечту.

Но, родившись оптимистом
И не став идеалистом,
Верю искренне и чисто:
Солнце выйдет из-за туч.
Все империи вставали,
Расцветали, умирали.
Ум бессмертен и могуч!

Публицистика

Владимир ДРАЖИН

Продолжаем публикацию глав из готовящейся к выходу в свет книги видного государственного и общественного деятеля нашей страны, писателя Владимира Нестеровича Дражина о Несвиже в судьбах людей его поколения.*

СЛЫШАТЬ ЛЮДЕЙ

За годы своей работы в районе, а это почти восемнадцать лет, я ежедневно стремился слушать и слышать людей. Постоянное общение с местными жителями позволяло своевременно и объективно определять экономическую и социальную политику уникального в историческом и культурном плане региона.

С первых дней работы я ввел в практику ежедневные встречи с населением. Это были публичные выступления на злободневные темы в трудовых коллективах, участие в собраниях партийного, советского, комсомольского актива, которые заканчивались непринужденными беседами о прошлом, настоящем и будущем.

Главным источником информации были рассказы, размышления моих собеседников в период сельскохозяйственных работ, на строительных объектах, промышленном производстве, частых беседах за чаепитием. Отложившуюся в памяти информацию я в свободное время систематизировал, записывая в свой дневник.

Шли годы. С течением времени менялся уклад жизни. Все это происходило в сложных политических, экономических и социальных условиях «лихих 90-х». Приходилось участвовать в важнейших событиях, приносящих и удовлетворение, и радость, и огорчения, но всегда на первом месте был труд – ежедневный, напряженный, созидательный.

Оглядываясь на прожитый отрезок жизни, я имею возможность написать воспоминания, в которых найдут отражение факты жизни жителей Несвижского района в XX веке – столетии созидательного труда и великих потрясений, двух мировых войн, развала великой страны – Союза Советских Социалистических Республик.

После одной из многочисленных бесед с нашей соседкой Брониславой Петровной Гнедько, работником отделения «Белгосстраха», запечатлел ее рассказ о

* Предыдущая публикация в №1, 2023.

памятном дне 17 сентября 1939 года – дне воссоединения Западной Беларуси с БССР:

«Утром я узнала, что скоро мы увидим Красную Армию. Эта встреча нашу семью крайне взволновала. Мы и многие жители с надеждой смотрели на восток. Но что там сегодня? Мы слышали о восточных братьях много разноречивого. Проверить все это не представлялось возможным, так как всякая связь с Советской страной была почти прервана. Государственная граница, находившаяся в 15 километрах, была наглухо закрыта. Переписка между родственниками не велась. Почему такое происходит? Такие мысли обуревали в тот памятный день. Мы ожидали. Это был полдень. Люки танков были открыты, бойцы сидели на броне. Увидев жителей деревни, они стали приветствовать нас, а мы, в свою очередь, их.

Первый день после встречи Красной Армии прошел спокойно, тихо, только тишина была очень настороженной. Нас освободила Красная Армия. Земля стала общей, государственной. Польские деньги отменены.

Так начался новый отсчет истории Несвижчины. Мы живем в составе Советского Союза. Последующие дни уже не были такими напряженными. Наша семья освоилась с новыми условиями, решила для себя важные жизненные вопросы, определила линию поведения в дальнейшем, и на душе у нас стало легче. Жизнь продолжалась...»

Частыми гостями города и района были люди, родившиеся в этих исторических местах. Вспоминаю несколько встреч с Генеральным консулом Польской Народной Республики в Минске Яном Рачковским. Одна из них состоялась в 1987 году. Вот фрагмент его рассказа: «Родился на территории Сейловичского сельского совета Несвижского района. Когда началась Великая Отечественная война, учился в школе, помогал родителям в ведении подсобного хозяйства. В мае 1942 года установил связь с партизанским отрядом имени Щорса бригады имени Ворошилова. В боях с оккупантами возглавил отделение разведки, а затем разведку бригады имени Чапаева.

Когда в июле 1944 года, благодаря самой успешной в истории Великой Отечественной войны операции «Багратион», Красная Армия освободила от немецко-фашистских захватчиков территорию Беларуси, вступил в Первую Польскую армию Войска Польского. Участвовал в многочисленных боях по освобождению белорусских и польских земель от вражеского войска. За мужество и храбрость был удостоен ордена Ленина.

После Великой Отечественной войны окончил военное летное училище, Военно-воздушную академию. Проходил службу в польской авиации командиром авиазвена, эскадрильи, авиаполка, воздушной дивизии, командующим Военно-воздушными силами Польской Народной Республики. Было присвоено звание генерала брони.

После завершения военной службы часто приезжал на свою малую родину. Вспоминал годы партизанской борьбы против оккупантов, посещал родные места и благодарил судьбу за благосклонность к нему. Оказывал всемерное содействие в поиске материалов в Варшаве по подготовке к реставрации Несвижского замка».

Активно в этом направлении работала Валентина Бабич, главный идеолог района, второй секретарь районного комитета партии.

Многочисленные теплые и искренние встречи за годы работы в районе были у меня с нашими соседями по улице Дзержинского в Несвиже – заместителем

главного врача Несвижской центральной районной больницы Ольгой Демьяновой Подгайской и ее супругом, опытнейшим хирургом, Николаем Николаевичем Подгайским. В любое время и погоду они готовы были прийти на помощь человеку, нуждающемуся в лечении. О них среди населения района ходили легенды.

Но еще большая заслуга их в воспитании своих детей – сына и дочери. С сыном Владимиром Николаевичем Подгайским у меня сложились давние добрые отношения. Он родился в 1955 году, окончил школу, затем Белорусский государственный медицинский институт. Работает заведующим отделением пластической и реконструктивной микрохирургии. Доктор медицинских наук, профессор.

В 1985 году в республиканской печати появился материал о белорусских микрохирургах, которые с успехом приживляли конечности. За два года до этого подобные операции могли делать только врачи сосудистого отделения Вильнюсской республиканской клинической больницы. Но вот при Минской областной клинической больнице открылся Республиканский центр клинической экспериментальной хирургии, где начало работать микрохирургическое отделение, которое возглавил Владимир Николаевич Подгайский. Шаг за шагом началось успешное проведение операций по восстановлению конечностей. Вот только один пример.

Производство на одном из машиностроительных предприятий столицы. Рабочий-оператор стал спиной к вращающемуся станку-автомату и не заметил, как тот захватил спецовку, а вместе с ней и его самого. Шесть часов у операционного стола работали Владимир Николаевич с бригадой микрохирургов, чтобы сложить кости, сшить ткани и сосуды руки. Правая рука пациента спасена, начинается верный, хотя и тяжелый путь выздоровления. Полное восстановление позволило оператору вернуться к созидательному труду.

Из деревни Светиловичи Гомельской области в клинику санавиацией доставили мальчика Руслана, которому было всего год и два месяца, – с отрубленной ступней, положенной в коробочку со льдом. Ребенок потерял много крови и находился в тяжелом состоянии.

Все свое мастерство, опыт проявила операционная бригада во главе с Владимиром Николаевичем Подгайским. Операция длилась восемь часов. Тяжело проходил послеоперационный период. А спустя месяц кости срослись, пальчики на ножке потеплели, ожили, а затем и зашевелились... И это благодаря золотым рукам Владимира Николаевича, специалиста высочайшего мастерства, родившегося и выросшего на исторической земле Несвижчины. Закономерно, что Владимир Николаевич защитил докторскую диссертацию, минуя кандидатскую. С детства он был увлечен профессией своих родителей, пошел по их стопам и превзошел их в сложности и виртуозности своей профессии. Несколько сотен его пациентов благодарны ему за возвращение к активной жизни.

Информацию о событиях в трудовых коллективах я получал от жителей города и района, с которыми постоянно общался. Рядом с домом, где проживала моя семья, жили прекрасные соседи Фаддей Петрович и Юзефа Иосифовна Минкевич. Фаддей Петрович родился в 1934 году. После окончания школы служил в Советской Армии на Дальнем Востоке в бухте Находка – в медсанбате, на китайско-советской границе. После службы в армии выращивал хлеб на целинных землях, а затем вернулся на родину. И с 1960 года до ухода на заслуженный отдых работал бригадиром водителей в Несвижском автокомбинате № 91. Искренний, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь. Под стать ему была и его супруга

Юзефа Иосифовна, которая всю трудовую деятельность работала швейей на местной фабрике. Во время теплых бесед за чаем, в поездках на их «Москвиче-401» в лес за грибами и ягодами я узнавал очень многое о людях автокомбината и швейной фабрики, их успехах и проблемах.

Добрые дела своих родителей сегодня продолжает их сын Вячеслав Фаддеевич, руководитель дорожно-эксплуатационной организации, его супруга Ирина Васильевна, дочери Ольга и Инна, внуки Марк и Ева. Как и прежде, мы часто встречаемся, вспоминаем родителей, бабушку Брониславу Павловну и после каждой из таких встреч чувствуем душевный подъем.

С благодарностью вспоминаю события, связанные с завершением работ в парковой зоне Несвижского замка в 1999 году. Основной объём был выполнен, оставались работы по ограждению парка. Протяженность немалая – целых 8 км.

С большим трудом удалось убедить руководство Минской области выделить 200 тысяч советских рублей для этой цели. Были решены вопросы по изготовлению металлических пролетов на базе районного объединения «Сельхозтехника», закуплен и доставлен на объект из комбината нерудных материалов в городском посёлке Микашевичи каменный массив. Но его следовало доработать, чтобы уложить в основании ограждения. Для выполнения работ нужен был каменотес. А где взять такого мастера? Есть ли он в районе? На очередном совещании с руководством хозяйств обратился к ним с этим вопросом. Спустя несколько дней директор совхоза «Городейский» Александр Болеславович Губаревич сообщил, что у них в совхозе есть специалист по колке камня.

Я срочно выехал в хозяйство и встретился с пожилым, седовласым, но ещё крепким человеком. Это был Владимир Петрович Сень. В личной беседе он рассказал, что в молодости освоил специальность каменотеса, строил дороги из камня, после войны восстанавливал социальные объекты, жильё в районе. Опыт работы с камнем у него многолетний. Мы в этот же день выехали в Несвиж.

Посетили объект. Оценили объём работы. Со своей стороны я пообещал решить все вопросы с организации рабочего процесса. Владимир Петрович определил условия и сроки выполнения работы.

Я неоднократно наблюдал за работой этого уникального специалиста. Это была филигранная работа мастера, когда по тонким прожилкам каменного массива, казалось бы, лёгким ударом откалываются фрагмент за фрагментом. Рабочие-строители его формировали и укладывали в основании ограждения. По истечении трех месяцев работа была успешно завершена. За качественно и в сжатые сроки выполненную работу Владимир Петрович Сень был награжден почетной грамотой районного исполнительного комитета и денежной премией.

Посещая с семьёй Несвиж, я обязательно бываю в парке, наслаждаюсь его красотой и неповторимостью и, проходя мимо ограждения, которое уже более тридцати лет радует посетителей парка, вспоминаю замечательного труженика, редкого специалиста в своей области, каменотеса Владимира Петровича Сенья.

В красивейших местах на юго-западе Несвижского района после Великой Отечественной войны организовала свой быт семья Николая Петручени. В годы работы в районе я имел возможность познакомиться и общаться с его сыновьями – Николаем и Юрием.

Николай формировался как специалист в области транспорта. После учёбы работал инженером, главным инженером автокомбината № 1. Предприятие выполняло значительный объём работ в промышленном производстве, строи-

тельстве, сельском хозяйстве, сфере услуг. Вместе с коллегами из других транспортных организаций в 1983-86 годах вывезли 630 тысяч тонн донных отложений (сапропеля) из каскада озёр, обрамлявших Несвиж. Большой объём работ выполнялся при вывозе с полей корнеплодов сахарной свёклы, строительстве очистных сооружений, объездной кольцевой дороги и ряда других объектов. Его предшественник, директор автопарка Георгий Иванович Неверовский, вместе с Николаем Николаевичем Петрученей и трудовым коллективом внесли значительный вклад в экономику Несвижского района и Минской области. Но Николая отличала еще и большая любовь к спорту. По поручению районной власти он был организатором и участником многочисленных мероприятий по футболу, волейболу, лёгкой атлетике, лыжным гонкам. К большому сожалению, он рано закончил свой земной путь...

Искренние и, можно сказать, дружеские отношения сложились у меня с Юрием Николаевичем Петрученей. Пройдя путь от специалиста до генерального директора республиканского объединения «Белтелеком», он внёс большой вклад в развитие системы связи Несвижского района, Минской области и в целом Республики Беларусь. Приятно вспомнить о нашей совместной плодотворной работе, подготовке юбилейных мероприятий в г. Несвиже и особенно фестиваля-ярмарки тружеников села «Дожинки» в 1998 году. Это был созидательный процесс на благо жителей малой родины...

Завершая эту часть моего повествования об общении с жителями и земляками, вспомню, насколько добрые и искренние воспоминания остались о Михаиле Владимировиче Мясниковиче – премьер-министре Республики Беларусь, об Александре Михайловиче Абрамовиче – заместителе Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Анатолии Ивановиче Буткевиче – министре культуры и печати, Николае Владимировиче Доминикане – председателе Барановичского райисполкома, Василии Николаевиче Драговце – начальнике управления информации Совета Министров Беларуси, Марьяне Зелиславовиче Ивашкевиче – начальнике управления здравоохранения Минской области, Станиславе Павловиче Яцуте – министре строительства и эксплуатации автомобильных дорог Беларуси, Антоне Петровиче Алешкевиче – председателе Комитета народного контроля Несвижского района, Ромуальде Иосифовиче Климе – профессоре-консультанте Академии физического воспитания и спорта, Олимпийском чемпионе XVIII игр в Токио.

Воспоминания

Владимир ЛАНДЕР

ДЕВОЧКА ИЗ «КОРОЛЕВСКОЙ ДЕРЕВНИ»

Место встречи королей изменить нельзя

На дворе крещенские морозы, а в просторном вестибюле деревенской больницы было тепло: еще даже запах березовых дров чувствовался. Сергей Семенович прижимал конвертик с малышкой к груди, улыбался и не решался в него заглянуть. Медсестра откинула уголок: «Ой, ну вылитая папа... Прямо под копирку». По его щеке вдруг поползла скупая мужская слеза. Софья Афанасьевна поняла, что муж очень счастлив. Тихо-тихо обронила: «Это же твоя Женя...» Она знала, что он безумно хотел девочку. Бывало, взволнованно спросит: «А ты уверена?..» И когда только услышит: «Ну, по приметам, мальчишки обычно буянистые, а эта – смиренькая», – несколько успокаивался.

После войны прошло много лет, а Сергей Семенович никак не мог забыть свою единственную сестричку Женю, партизанскую связную, которую немцы пытали, не сломили и повесили. А сам он сначала еще подростком партизанил, а потом с Советской армией дошел до Берлина. Вернулся домой солдат Сергей Семенович Ушкевич с орденом Красной Звезды, медалями. Но без своего брата Василия, который без вести пропал где-то там на чужбине. Несколько лет в своих местах извлекал из схронов «лесных братьев». Окончил в Минске лесотехнический техникум и руководил мастерским участком Друскенинкайского отделения Вильнюсского химлесхоза. Благо, что до своей малой родины было рукой подать, всего-то чуть больше сорока километров.

Женя родилась в большой деревне Бершты, что прижалась сразу к двум границам – Польши и Литвы. Давным-давно на этом месте среди болот была только березовая роща. Как только тут появились балты, они называли это место «бершас»: так на литовском языке звучит слово «береза». Именно в этих местах, на самом краешке Гродненщины, рядом с рекой Котрой ученые нашли две стоянки первобытных людей и два поселения. А там чего только не было – и остатки глиняных горшков, и орудия труда из кремния, и каменная булава, и даже топор. Короче, набор фрагментов артефактов из эпох неолита, мезолита и бронзового века. Но вот в летописях деревня упоминается только где-то в 1460 году. Думается, ее и называли Берштами тогда, когда она стала великокняжеским двором. Может,

поэтому она стала привлекательной и так стремительно расширялась: глазом не успеешь моргнуть, как вырастали дом за домом. Накануне XX столетия в деревне было уже почти тысяча жителей. Для них создали волостное правление, построили деревянную православную церковь, фельдшерский пункт, народное училище. В ней семейные корни – прадеды и деды. И каждое поколение всегда гордилось, что оно все-таки из деревни, которую любил посещать сам князь Великого княжества Литовского Казимир IV.

Когда тот собирался в Бершты, четвертый сынишка «Лександрик» всегда просился взять его с собой. Он хотел пойти на зубра, на медведя, на кабана: у него даже были уже и меч, и копье. А став Великим князем Александром, он тут, прямо в деревне, собрал в 1496 году весь депутатский корпус княжества на сейм. Обычно сеймы проводились или в Вильно, или в Гродно, или в Бресте. В Бершты съехались крупные феодалы и духовенство, шляхта поветовая и мещане, чтобы решить назревшие государственные проблемы. Конечно, забавно было, когда на поставленный в деревне обычный воз взбирался маршалок – человек, управляющий сеймом, – и громко объявлял о принятых решениях.

И Великие князья, а потом и короли Речи Посполитой менялись, а вот место встречи нельзя было изменить. Оно несколько столетий было именно в Берштах, которую в народе называли «королевской деревней». Здесь и сейчас леса удивительной красоты, а тогда была настоящая пуща: полно зверей, в окрестных реках и озерах – рыбы, а главное, здесь воздух особенный – терпкий, сосновый, целебный. Сила у человека сразу же появляется от природы, от самой земли-матушки.

Мы бы никогда об этом не узнали, если бы не Матей Сарбевский. Этот одаренный польский и белорусский поэт служил проповедником при дворе Владислава IV Вазы и лет шесть всегда с ним бывал в королевской деревне. По мотивам охотничьих походов короля в Берштовской пуще он даже написал поэму «*Silvi ludia*» («Лесные забавы»). Матей Казимир Сарбевский был профессором теологии, красноречия, филологии и преподавал в Несвижском коллегиуме и Виленской академии. Его теория литературы в области основных жанров – эпиграммы, элегии, лирики, эпоса – изучалась во всех университетах Европы вплоть до XIX века. А писал он на латинском языке с использованием библейских сюжетов, подражая Горацию, этому древнеримскому поэту «золотого века», за что папа римский Урбан VIII увенчал его лавровым венком.

Нет, все-таки деревня Бершты и ее окраины – место не только для грибников, охотников и рыболовов, поэтов, но даже и для археологов. Помнится, тут на берегу Берштовского озера еще в конце XIX века был найден один из крупнейших монетных кладов Беларуси: шесть тысяч монет королевской польской чеканки – полтораки Владислава Сигизмунда III и монеты Яна Казимира, последнего, третьего короля и Великого князя литовского из династии Ваза. Вообще-то это озеро и сейчас скрывает очень много тайн.

Эти места еще и сегодня остаются жемчужиной щучинского края, в котором прошли детские годы маленькой девочки Жени Ушкевич. Встала на ножки она в деревеньке Засада, в домике родителей папы – Сергея Семеновича. Это совсем рядышком с Берштами, всего-то через речку Котра. Ну а когда уже заговорила, маленькую Женю забрали на свой знаменитый всей округе хутор Ивача бабушка Зинаида Яковлевна и дедушка Афанасий Григорьевич, родители мамы – Софьи Афанасьевны: мол, нечего девочке «бродяжничать» по литовским лесам. И для Жени эти ранние детские годы оказались самыми счастливыми в ее жизни.

Представьте, вокруг красота необыкновенная, рядом любимая бабушка, а вместо игрушек – гора красочных детских книжек с яркими картинками, блок-

нотики, карандаши... Женя рано научилась читать и радовалась, когда Иван-царевич побеждал Кашея Бессмертного и находил Василису Премудрую, плакала, когда старуха ругала деда за то, что тот отпустил золотую рыбку, всегда спрашивала: «А кот ученый какую песнь заводит и сказку говорит»?.. Она представляла и тот дуб зеленый у Лукоморья, и «золотую цепь на дубе том», и лешего, который вечно там бродит, и русалку на ветвях. А потом все это пыталась изобразить на бумаге: очень любила рисовать. В доме ее любили все, даже «грозный» дедушка Афанасий.

Афанасий Григорьевич облюбовал это место в восьми километрах от большой деревни Бершты еще при Польше. Построил большой и красивый дом – с огромными окнами, ломаной крышей, деревянными колоннами. А вокруг – его собственный лес, луга, пашни, стадо коров, овец, лошадей. Хозяином он был строгим, никому спуска не давал. Ни в сарай, ни в подвал даже Зинаида Яковлевна не могла без его разрешения войти: ключи он всегда держал при себе. Ну вылитый «папаша Гранде» – герой романа Оноре де Бальзака. Дедушка, хоть и богатым был, а вот своим детям образования так и не дал. Одна Софья Афанасьевна выучилась на портниху у местного умельца. И модничать Женя со своими сестрами потом будут благодаря маме – смекалистой, хозяйственной, ласковой. В 1939 году Афанасия Григорьевича раскулачили: хозяйство сократилось до минимума, а вот дом остался. Он был на пригорке, с которого виден был цветущий и ароматный луг, река Котра, впадающая в величавый Неман, изумительно красивый лес. Видимо, именно в детстве зародилась в переполненной впечатлениями душе девочки тяга к творчеству.

Перед школой Женя пожила с родителями в глухой литовской деревеньке. А в школу Сергей Семенович повез дочку не в Бершты, а в Поречье. Ее папа только по диплому был экономистом, а в душе этот крестьянский сын оказался тонким лириком, поэтической натурой. Нет, стихов он не писал. Но знал много языков, много читал, много помнил стихов. С литовцами общался на их родном языке и все отчеты писал только по-литовски. Он очень хотел, чтобы его дочь стала «большим» человеком. А местечко Поречье – это вам не какая-то там деревня Бершты, пусть даже и «королевская».

Любовь оказалась сильнее страха

Для него тогда Поречье представлялось «маленькой Европой». Там все-таки железная дорога, лучший, чем в Гродно, 1867 года постройки, неожиданно большой и помпезный вокзал, где прямо на перроне установлен монумент – мини-модель первого прибывшего на станцию паровоза. Между прочим, участок железной дороги Поречье–Гродно – первая железная дорога Белоруссии и вторая – Российской Империи, которая соединяла Санкт-Петербург и Варшаву. Там, из-за лечебных минеральных источников, что и в Друскининкае, популярный санаторий «Поречье», а рядом, в самом сердце чистого дремучего соснового леса, сказочное озеро Молочное, которое с озерами Зарубинецкое, Белое и Лот соединено реками Пыранкой, Родничанкой, природными и искусственными каналами. Там – и санаторная школа-интернат, и детский оздоровительный лагерь «Сузорье», и детская музыкальная школа, и кадетское училище. При Польше Поречье было центром гмины Белостокского воеводства, в 1940 году стало районным центром, потом – самым большим сельским советом. Нет, назвать Поречье глубинкой просто язык не поворачивается.

А средняя школа была действительно особенной. Детей тогда еще учили бывшие фронтовики и партизаны. Правда, они уже давненько сняли свои потрепанные в окопах гимнастерки, но вот ордена и медали надевали частенько. Они отогревали детские сердца, кому-то заменяя мать, кому – отца, ведь после войны остались сироты и вдовы, которым воспитывать детей самостоятельно было сложно. Они учили детей не только по материалам школьной программы, но и много рассказывали о том, чему сами были свидетелями, учили в трудных условиях выживать, трудиться, дружить. Старались, как завещал русский педагог Константин Ушинский, «приохотить ребенка к учению, а не приневолить», вызывать интерес к учебе и «охоту к овладению знаниями». Тогда учитель был во всем авторитетом. И дети, как к солнышку, тянулись к школе.

Практически семь лет школьница Женя оставалась одна в чужом поселке: жила сначала у родственников, а когда тем дали работу и квартиру в Гродно, переехала к друзьям своего отца. А в 1968 году в Поречье из хутора перебрались ее дедушка и бабушка. Только тогда-то девочке стало легче. Но она уже успела пройти курс той жизни, которая помогает детям быстро взрослеть, преодолевать трудности, совершать обдуманные действия, формировать характер.

А характер у этой некогда романтической и избалованной вниманием девочки быстро стал деловым и независимым. Просто вдруг рядом ни одной родной души не оказалось: некому приласкать, пожалеть, посоветовать, помочь. При встречах Софья Афанасьевна нежно обнимала Женю и восхищалась: «Ах, какой ты у меня стала сильной, совсем взрослой. Жаль, что так скоро ты лишилась детства, доченька?» Но когда после восьмого класса Жене предложили продолжить учебу в училище Гродно на художника, Софья Афанасьевна запротестовала: «Еще рано девочке по общежитиям скитаться так далеко от дома...» И ещё она сомневалась, что за мольбертом Женя станет «большим человеком», как мечтал ее папа: ведь она хорошо рисовала то, что видела. А ее убеждали: «Не скажите, в ней от рождения хранится богатый творческий запас. Представляете, еще древние люди высцарапывали изображения на камнях, чтобы показать окружающий мир. А ее окружающий мир сегодня совсем другой». Но убедить маму «будущей художницы» так и не удалось.

Зато доводы классного руководителя Анны Александровны Якусевич оказались убедительными. Учитель русского языка и литературы восхищалась ее сочинениями, ее образным мышлением в рассказах о литературных героях, ее совсем не по годам зрелыми заметками в школьной стенной газете. Как-то она мимоходом обронила: «Поступай-ка ты, Женя, на журналистику... Это как раз твой настоящий мир... Поверь, у тебя все получится». И Женя Ушкевич после окончания средней школы успешно сдает все экзамены на отделение журналистики БГУ имени В.И. Ленина, где прошли студенческие годы не просто с талантливыми служителями пера и микрофона, но и на всю жизнь верными друзьями, с которыми вот уже десятилетиями не теряется связь и по традиции через каждые пять лет проходят незабываемые встречи.

Здесь, уже на третьем курсе, она встретила свою судьбу – однокурсника, кореличского парня Сашу Артюшкевича. Думается, ее уши влюбились раньше глаз. И любовь оказалась сильнее страха перед простыми житейскими вопросами – где жить, как обеспечивать семью, да и совсем не ко времени появление детей не исключено. Но эта ее первая любовь была самая чистая, нежная, пусть и наивная. Она перевернула всю жизнь милой, красивой, доверчивой Жени Ушкевич из «королевской деревни» наизнанку. Помните, у поэта: «Мои уста твоих касались, кружилась хмелем голова...» И они сыграли скромную, но веселую студенческую свадьбу.

В следующем году трагически погибает ее папа – Сергей Семенович: ночью на мотоцикле в лесу столкнулся со своим коллегой. Софья Афанасьевна из литовской деревеньки с сестрами Жени перебирается в Поречье в дом дедушки и бабушки. А когда в молодой семье появляется на свет мальчик, который, по словам уже минской медсестры, «как две капли похожий на папу», молодые родители его называют Сережей в честь рано ушедшего из жизни его дедушки. Подружки радовались: «Ой, Женька, какие вы молодцы – и семью создали, и сыночка родили, и диплом вот-вот получите... Это же счастье!» А ей тогда от этого «счастья» хоть «на луну вой»: так тяжело приходилось – и морально, и физически. Совсем не было ни житейского опыта, ни мудрости: всегда не хватало времени, тревога за сыночка и, конечно, от этого недосыпание, волнение за то, что недоучила, недочитала, недописала, отчего педантичная студентка готова от стыда хоть сквозь землю провалиться. Ведь ей никаких поблажек не полагалось. Друзья, конечно, старались помочь молодой семье. Но все-таки в это время свое плечо подставили родные – мама и сестры, дедушка и бабушка.

У микрофона мыслители в спецовках

В 1975 году почти породненная группа молодых журналистов с дипломами разлетелась по редакциям разных белорусских городов – не без слез и сожалений. Как-то мудрый человек заметил, что «расставание, как морской отлив, обнажает чувства до дна». А ведь так и было. Сашу Артюшкевича пригласили на Белорусское радио, где он проходил преддипломную практику. Ему, как главе семейства, даже выделили комнатку в семейном общежитии по улице Гамарника, 9. А вот Жене Артюшкевич в Минске не нашлось места по специальности. Ее ждали в редакции газеты «Гродненская правда», куда она на практику поехала, чтобы быть ближе к сыну, за которым тогда присматривали родные в Поречье. Но в университете не решились «ячейку советского общества» разрушать и предложили ей место референта Республиканского Дома творчества Министерства культуры БССР.

Сразу с какой-то тревогой подумала: «Ну вот, засяду собирать сведения, писать отчеты, справки...» А когда съездила на концерты с коллективом Академического народного хора, которым руководил Геннадий Иванович Цитович, журналист Евгения Артюшкевич свой восторг выразила читателям «Сельской газеты». Ее поразили переполненные залы. Она все эти дни была рядом с легендой белорусской этнографии, человеком высокой культуры, простым и доступным в общении: согласитесь, не каждому молодому журналисту предоставляется такой шанс. Потом было еще много фестивалей, конкурсов, смотров, куда сопровождала творческие коллективы референт Евгения Артюшкевич. Именно здесь начались ее профессиональные университеты, а наставниками оказались директор Дома творчества Анна Никитична Толчинская, методисты. Можно сказать, что с помощью методиста Валентины Тромбицкой молодому журналисту удалось опубликовать в газетах и журналах десятки статей, подготовить не одну радиопередачу о национальной культуре. Именно тут она поняла, как богат наш белорусский народ талантами и что наша культура – это действительно национальное достояние и богатство. Но мысль о настоящей журналистике после бурных посиделок за чашкой чая коллег ее мужа Саши Артюшкевича в их семейном блоке общежития, где обсуждались поездки, встречи, лучшие работы, не покидала Женю.

Но только через три года она занялась поиском работы по специальности. Помог случай. Судьба решилась прямо на кухне общежития. Разговорились, и

Елена Степанова, талантливый радиожурналист, которой надо было себе найти замену, чтобы перейти в молодежную редакцию Белорусского радио, тут же пригласила Женю Артюшкевич к главному редактору промышленной редакции. Честно говоря, у Федора Васильевича Конышева сразу же появились сомнения, что вот такая милая, хрупкая, модная и совсем еще молодая барышня найдет себя в рабочей среде. Но опытный руководитель и прекрасный журналист все-таки решил дать ей шанс. И она его использовала.

После первой же передачи Жени Артюшкевич Федор Васильевич от удовольствия потирал руки: ведь не ошибся все-таки. На общерадийной летучке заговорили о появлении новой журналистской «звездочки», а ее передачу, как одну из лучших за неделю, тут же поместили на «Красную доску». Так прошло боевое крещение начинающей журналистки, и с 19 января 1979 года Евгения Сергеевна Артюшкевич официально стала сотрудником Белорусского радио, как оказалось – на всю жизнь. Она попала в коллектив талантливых, остроумных, веселых людей, отзывчивых на радости и беды своих друзей. Более десяти лет ее окружал цвет Белорусского радио – Женя Козюкин, Виктор Шаньков, Миша Фашилин, Лариса Берещенко... С ними она набиралась навыков, опыта, мудрости, была в поиске своего журналистского почерка.

Евгению Артюшкевич закрепили за воскресной программой «Рабочая радиогазета». Тогда, в советское время, для журналистов человек у станка был главным героем. Для нее это время оказалось не только настоящей профессиональной, но и жизненной школой. Она любила рассказывать о заводчанах, у которых умелые, просто «золотые» руки, о семейных династиях, о героях трудовых будней. Ей, как никому другому, удавалось так разговорить своего героя в робе рабочей, что его душевный талант даже в эфире светился всеми гранями, от которого у слушателей дух захватывало. Это оказывались самородки – настоящие поэты, философы, мыслители в спецовках. А секрет простой – она умела слушать и не мешать собеседнику выражать личные свои мысли, а не произносить слова по заранее кем-то написанной бумажке. Ее короткие наводящие, уточняющие, даже наивные вопросы помогали рассказчику объяснять самым доступным, понятным, образным и просто приземленным языком любые сложные процессы производства, чего как раз и добивалась журналист для своих радиослушателей. А ведь радиожурналисту в тот момент важны были и мысль, и слово, и интонация этого рассказчика.

Она однажды представила нам поэта Ивана Пыку. Тот, конечно, университетов не кончал, а был простым строителем. В ее квартире висит картина, которой восхищаются гости: «Ах, Айвазовский...» А это дело рук талантливого инженера одного из минских заводов Леонида Рыжикова, прекрасного специалиста, который в свободное время писал и картины, и стихи, и аналитические статьи о своем предприятии. А сколько таких неординарных имен открыла стране журналист Евгения Артюшкевич за время работы в программе «Рабочая радиогазета»!

В эфире судьбы послевоенных пацанов

Перестройка взбудоражила не только все общество, но и журналистов, которые начали искать свое место под совсем чужим солнцем. Толпы вдруг появившихся из небытия каких-то торгашей, предпринимателей, челночников своей тенью заслонили некогда великий отряд советских рабочих. Было время, что без станочников оказались даже многие заводские линии. И «Рабочую радиогазету»

тут же закрыли. Белорусское радио стало тоже «перестраиваться»: промышленную и сельскую редакции объединили. Новую редакцию народного хозяйства возглавила Татьяна Ивановна Хоровец – человек с богатым жизненным и творческим опытом. Как раз она-то и подала идею Евгении Артюшкевич назвать свою новую программу «Человек среди людей».

Тогда она пришла в Белорусское товарищество инвалидов по зрению (БелТИЗ), чтобы защитить людей с трудной судьбой, а ушла с намерением постоянно рассказывать о них в своих программах. Председатель товарищества Анатолий Нетылькин отложил в сторону жалобу со словами: «Это просто недоразумение» – и стал рассказывать о маленькой державе в суверенном государстве, которая объединяла более двадцати тысяч незрячих ее граждан. Анатолий Иванович оказался незаурядным собеседником, человеком на редкость талантливым, могучего интеллекта, несгибаемого мужества, который разделил драматичную судьбу многих послевоенных пацанов. Но обо все этом Евгения Артюшкевич узнала гораздо позже.

В один из дней весенних каникул третьеклассник Толик Нетылькин спешил к красному барaku по Московской улице города Лунина, в комнатку, где он жил с мамой. Хотел быстрее рассмотреть находку – этакий медный продолговатый предмет, похожий на судейский свисток. После войны такого «добра» под ногами валялось немерено. Взял в сарайчике железяку и молоток, устроился посреди комнаты и ударил молотком. Вдруг что-то дзинькнуло, словно оборвалась натянутая струна, в комнату влетела молния с громом, и наступила тьма. Пальцы левой руки висели на коже. Пеленой заволкло глаза. Толик потерял сознание. Первыми спастись «минера» взялись лунинацкие хирурги, потом – пинские. Для них важно было сохранить жизнь мальчику, истекающему кровью. Лицо и тело иссечены осколками, и им эти осколки надо было вытащить. Толика спасали от заражения крови. А вот до глаз так и не дошла очередь.

Семнадцать месяцев жила надежда у его матери Ольги Сапрыко, что сын все-таки останется зрячим. Но однажды она сказала: «Собирайся, сынок, поедem в Гродно. Там есть школа для слепых детей». И 25 августа 1953 года Толя Нетылькин пошел снова в третий класс школы-интерната. И усвоил мудрые правила для учащихся: ты такой, как все, ты должен быть на голову выше зрячих – терпеливым, начитанным, внимательным, воспитанным.

Прошло девять лет. В двадцать один год Анатолий Нетылькин получает аттестат зрелости, поступает в Гродненский пединститут на историко-филологический факультет. А после окончания института становится учителем школы-интерната в Гродно. Женится на студентке Ленинградского пединститута Тамаре Алексеевой, которая у них в школе проходила практику. Душа в душу прожили больше тридцати лет. Вырастили двух дочек. Они были почти неразлучны: вместе в школе выпускали радиогазету, ходили в походы, на каток, катались на лыжах. Когда Анатолий Иванович руководил оркестром, вместе ездили с концертами в колхозы, на заводы, к воинам. Научились паять и многое делать по дому. В его кладовке хранились инструменты, которым мог бы позавидовать сам Левша.

В 1976 году Анатолий Нетылькин был избран председателем правления Гродненского областного общества слепых. И на общественном стареньком «Москвиче» побывал в самых отдаленных уголках области, чтобы узнать, как живут те слепые люди, которые не пишут заявлений, никого не беспокоят, ни о чем не просят. Интересно было, как они свой хлеб добывают. Стал генеральным директором учебно-производственного объединения инвалидов по зрению. Был хорошим хозяином: сам ходил по цехам, дал свободу действий начальникам цехов, мастерам, рабочим. Любил повторять: «Мне оловянные солдатики не нужны».

Объединение заслужило звание «Предприятие высокой культуры». Он построил для своих работников объединения жилой дом – девятиэтажный красавец на 108 квартир и сегодня стоит напротив предприятия.

Семь лет руководил областным обществом слепых, пока его не избрали новым председателем Республиканского товарищества инвалидов по зрению (БелТИЗ), которое он возглавлял 16 лет. Это действительно было маленькое государство в государстве, которое объединяло десятки тысяч человек с трагической судьбой. А Анатолий Иванович Нетыльский был его уважаемым Президентом. И много успел сделать для незрячих всей Беларуси.

При нем спецкомбинаты товарищества, как говорится, обрели второе дыхание: переоборудовались на современный лад, увеличили количество рабочих мест, расширили ассортимент своей продукции. Покупая в магазинах телевизионные антенны, удлинители, светильники, розетки, патроны, вилки, выключатели, паяльники, кисти, щетки, кварцевые часы, крышки, пробки, зубочистки, товары для сада и огорода, мы даже не догадываемся, что они сделаны незрячими специалистами на предприятиях «Вертекс-Брест», «Светоприбор», «Тифлос», «Фильтр», «Элект». А ведь руками незрячих мастеров делаются и фильтры для автомобильной, сельскохозяйственной, дорожной техники, и хомуты, и стойловое оборудование для ферм, и кухонная мебель, и медицинские матрасы, и даже сиденья для стадионов.

Двадцать лет ежемесячно в эфире Белорусского радио журналист Евгения Артюшкевич описывала трудовые будни предприятий БелТИЗа, рассказывала о судьбах незрячих, знакомила с талантливыми конструкторами, руководителями производства и просто умельцами. Она с командой Анатолия Нетыльского объездила полмира, а со знаменитыми легкоатлетами побывала даже в Испании на чемпионате мира по инваспорту, где белорусы, кстати, заняли второе место после хозяев. В своих программах она каждый раз доказывала, что люди с ограниченными возможностями такие же, как и все мы. Вот только каждое достижение дается им гораздо труднее, чем всем нам. И сегодня в домашнем архиве Евгении Сергеевны хранятся удостоверение и медаль «Заслуженный деятель БелТИЗа».

Так получилось, что Евгения Артюшкевич вместе с Марией Ягодницыной оказалась у истоков создания новой общественной организации в Беларуси – блокадников Ленинграда. Мария Давыдовна сначала создала первичную организацию в Октябрьском районе города Минска, а потом и республиканскую. Много лет в своих программах Евгения Сергеевна будоражила умы и сердца радиослушателей трагическими историями людей, переживших настоящий голодомор в отдельно взятом городе, который по количеству жертв не имеет себе равных. Она бывала на их мероприятиях, встречах, праздниках. Она вместе с ними и радовалась, и плакала. Это был для радиожурналиста особый проект в творчестве.

Человек, не знающий устали

Думается, у журналиста Евгении Артюшкевич от природы заложена какая-то особая «чуйка» на добрых и неординарных людей. А таких на ее творческом пути оказалось немало. Вот, скажем, руководитель Октябрьского районного отделения Красного креста Ольга Иосифовна Ермакова. Она была великим подвижником и заступником для всех обделенных и несчастных. Десятки передач в рамках программы «Человек среди людей» прозвучали в эфире Белорусского радио о деятельности Красного креста. Журналист как-то быстро нашла общий язык и даже подружилась с первыми предпринимателями и кооператорами. Лет

десять ей удавалось в каждой передаче открывать все новые и новые имена этих сильных и целеустремленных людей. Но главное, разъяснять психологию и законы честного бизнеса. А вот знакомство с народными целителями, пропагандирующими нетрадиционные способы лечения, – особый случай. Ими оказались создатели клуба здорового образа жизни «Соратник» чета Ларионовых – Борис Алексеевич и Софья Родионовна. Журналист Евгения Артюшкевич ныряла с ними в прорубь на Комсомольском озере, ходила в походы по окрестностям Минска, прошла до сотни километров по Крыму. По-другому она не могла. Иначе ее передачи вряд ли были бы убедительными. Ей очень хотелось помочь больным людям найти свой единственный и верный способ лечения и научить их беречь свое здоровье. Кажется, это был ее любимый творческий проект.

Творческая жизнь журналиста Евгении Артюшкевич на Белорусском радио оказалась не просто долгой – больше сорока лет, – но и плодотворной. Она проводила рейды с «Белрыбводом», сотрудничала со многими службами и отделами МВД Беларуси: проводила проверки совместно с ОБХСС, рейды с патрульно-постовой службой, побывала в тюрьмах и колониях – все пыталась разобраться в причинах преступного поведения человека. Лет пятнадцать продолжался ее проект по линии Чернобыля, в котором принимал участие и пастор Готфрид Вернли из швейцарского города Лугано. Этот пастор собирал средства, приобретал лекарства, витамины, медтехнику и не раз отправлял все это то в Брагинский, то в Хойникский районы. Он часто бывал в Минске и дружил с Евгенией Сергеевной. Нет, сегодня не только перечислить, но и даже вспомнить сложно все проекты, идеи, предложения, которыми не просто жила на Белорусском радио журналист Евгения Артюшкевич, но и сумела их донести до радиослушателей в эфире.

Кажется, можно было бы уже и на заслуженный отдых уходить. Но у творческого человека еще «портфель» до отказа забит жизненно важными темами. И Евгения Сергеевна на десять лет еще остается в журналистском строю – только переходит на канал «Культура» Белорусского радио, вернулась к истокам своей трудовой деятельности. Можно сказать, что природная любознательность предопределила ее цель в журналистике – постоянное познание совершенства мира и человека в этом мире.

Она извлекает из забвения бывших малолетних узников фашистских концлагерей, которые назвали свой художественный коллектив в Первомайском районе города Минска «Судьба». С этим уникальным хором, где «артистам», выросшим в основном в детских домах, было от семидесяти пяти до девяноста трех лет, она побывала во всех уголках России, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана. И, конечно, за рубежом – в странах, где свой кровавый след в концлагерях оставила война, где покоятся их близкие, где погибли миллионы невинных людей. И везде свой концерт хор обычно открывает песней «Люди мира, на минуту встаньте...». Эта песня для них как гимн, как реквием для тех, кто не дожил до наших дней.

Малолетние узники считают, что они родом не из детства, а из войны: их детство прошло в бараках на нарах, в жутком холоде и голоде – в нечеловеческих условиях. Вот почему они пытаются донести людям правду о той войне: посещают уроки мужества в школах, высших учебных заведениях, лицеях, воинских частях, выступают с концертными программами на предприятиях, в госпиталях, домах инвалидов, на районных, городских и международных праздниках, организуют презентации книг на тему Великой Отечественной войны. И всегда рядом с ними была журналист Евгения Артюшкевич. Каждый участник на сцене, как правило, сначала говорит о пережитом, а уж потом звучат песни и военных лет, и патриотические. Поверьте, в залах равнодушных не бывало: слезу ронял

и стар и млад. Думается, это и есть самая действенная народная дипломатия, о которой постоянно рассказывала радиожурналист.

Нет, у журналиста оказался характер просто неугомонным. Это поистине человек, не знающий усталости.

И сегодня в фондах Дома радио хранится бесценное достояние культурного наследия нашей маленькой, но гордой синеокой страны, которое оставила для наследников журналист Евгения Сергеевна Артюшкевич. Это и «Диалоги о культуре», и «Арт-крок», и еще множество программ. Они о творческих судьбах некогда совсем неизвестных людей, про творчество и все то, что дает возможность творить, про культурные события, их участников и не только... Мало кто раньше знал, о существовании романтично-нежных акварелей братьев Михаила и Валерия Свистуновых, или про знатоков белорусской кухни и быта из Кобрина, или про студию исторического танца «Амбир», или про женский вокальный ансамбль «Элегия», или про Дом-интернат в Минске по улице Ваупшасова, где рождается поэзия. Евгении Сергеевне удалось сохранить голоса и рассказы – писателя, военного журналиста, генерал-майора авиации Анатолия Сульянова, музыканта-гармониста, композитора, поэта Михаила Слижского, писателя и публициста, члена Союза писателей Вячеслава Бондаренко, члена Союза художников Алексея Пантюка, поэтессы, руководителя поэтического любительского клуба «Вдохновение» Ольги Соколовой.

А вот на днях как-то совсем незаметно переступил порог дома Евгении Сергеевны Артюшкевич юбилей – в суете житейских дел она его, думается, не очень-то и заметила. Ведь и сегодня у нее забот не убавилось. Она еще в журналистском строю: в бюро Минской городской организации ветеранов журналистики руководит секцией журналистов телевидения. Она счастливая мама. Дала возможность сыну Сергею закончить два университета – биофак БГУ и, после школы бизнеса в 90-х, Белорусский Экономический университет. Кстати, там Сергей и нашел свое счастье – Светлану, которая училась вместе с ним, а сейчас работает в банке. У Евгении Сергеевны прекрасные внуки. После окончания Экономического университета Полина еще пока в поиске своего места в жизни. Сейчас работает дизайнером, но мечтает стать психологом. А вот Семён еще школьник. И не беда, что никто из членов семьи не пошел по стопам родителей. Все равно они творческие люди. Ну, скажем, сын Сергей. В свое время пел в студенческом ансамбле, а сейчас еще пишет стихи и даже песни.

За праздничным столом были и сестры юбилярки из Гродно – Маргарита, журналист, собственный корреспондент газеты «Звезда», и самая младшая, Людмила, имеющая тот самый честный бизнес, о котором много лет рассказывала Евгения Сергеевна в своих радиопередачах.

Коллеги по перу и микрофону тоже ее искренне поздравили. А наш творческий союз за многолетний труд в средствах массовой информации и огромный вклад в журналистику страны присвоил Евгении Сергеевне высокое звание «Заслуженный журналист Белорусского союза журналистов» с вручением удостоверения и знака отличия.

Критика

Татьяна БУРДАКОВА

«СИЯЮЩЕЕ УДИВЛЕНИЕ...»

О последней книге Василия Казанцева «Взлёт»

В мае 2021 года в издательстве «Российский писатель» вышла последняя, двадцать шестая по счёту, книга Василия Казанцева – «Взлёт». Поэт сам составил её, но в типографском облике не увидел: ушёл из жизни незадолго до того, в феврале.

Издание планировалось раньше – книга была готова уже в конце 2019-го, – но из-за пандемии рухнули планы издательства, собиравшегося помочь, и всё сложилось тогда, когда сложилось, с новым спонсором и в другом месте, во многом стараниями другого поэта – Геннадия Викторовича Иванова. Сам Казанцев был уверен, что книга увидит свет после его смерти; с того момента, как всё было подготовлено для «Взлёта», он считал свой поэтический путь завершённым.

* * *

Кто хорошо знаком со стихами Казанцева, знает, что это самобытный поэт, действующий в русле классической традиции. Его произведениям свойственны стройность формы, изящная краткость, умная простота. Ёмкость идеи и скрытая сила чувства, внезапно открывающаяся глубина. Ни в одном стихе не найти проходного или приблизительного образа, нет потока сознания, обтекаемых, невнятных смыслов, подтянутых для общего строя слов. Всё выверено по внутреннему камертону мысли и художественного вкуса, осознаваемого точно по Пушкину: чувство сообразности и соразмерности.

В чём принципиальное отличие книги «Взлёт» от предыдущих двадцати пяти, кроме того, что она – последняя? Прежде всего, в том, что замыслена она как итог творческого пути, неотделимого у поэта от его жизни, и, как следствие, стала самой продуманной в плане содержания и композиции его книгой, самым по себе цельным произведением. Вошло ли в неё всё лучшее, написанное Казанцевым за жизнь? Определённо нет: объём книги просто не мог вместить всё лучшее, и поэт это понимал, хотя нелегко было ему не включить в неё отдельные стихи. И, наконец, всё ли, вошедшее в книгу, – лучшее из написанного им? Сам Казанцев, скорее всего, так и считал. Однако мнения читателей, в том числе критиков, могут разойтись. Возможно, кому-то покажется, что за пределами книги остались стихи посильнее, чем те или другие, и в первую очередь сравнение

может затронуть наиболее простые внешне произведения или же те, смысл которых был ошибочно воспринят как «слишком простой».

Эти «очень простые» стихотворения – отдельная тема для разговора о Казанцеве, который всю жизнь совершенствовал свой стих в направлении предельно допустимой простоты выражения художественной идеи, где у него доминирует то чувственное, то мыслительное начало. В первом случае рождаются образцы тончайшей словесной огранки, с невероятно суггестивной, искрящейся звукописью, как, например, стихотворение 2008 года:

* * *

*О здравствуй, здравствуй, лес звенящий,
О здравствуй, здравствуй, лес гудящий,
О здравствуй, здравствуй, лес свистящий,
О здравствуй, здравствуй, лес пищащий,*

*Рокочущий и шелестящий,
Лепечущий и говорящий,
Щебечущий и свиристящий.
Лес плещущийся, лес блестящий!*

Одновременно и во взаимном наложении в нём задействованы аллитерация и ассонанс, анафора и эпифора и уникальный, найденный Казанцевым под свою задачу приём: все эпитеты, из которых и состоит стихотворение, не считая четырёхжды повторённой формулы приветствия, – действительные причастия настоящего времени. Акцент на их довольно тяжеловесную часть (-ущий, -ащий, -ящий) при столь высокой звуковой плотности стиха здесь странным образом не отягощает восприятие, а награждает его неожиданным эффектом присутствия, выполняя самостоятельную функцию звукоподражания. Учитывая, что почти все причастия образованы от слов, уже содержащих в себе звукоподражательные элементы («лепетать», «рокотать», «щебетать», «свистеть» и др.), эффект усиливается многократно. Это случай, когда образ не просто усилен, а создан звуками. Прочтите это стихотворение в тишине, не очень громко или про себя, в заданном ритме, и вы ощутите его непременно. С первой строкой вы будто входите в лес, здороваясь и широко его оглядывая, прислушиваясь и различая звуки, а на второй останавливаетесь и замолкаете – на вас вдруг обрушивается всё солнечное торжество лесной жизни, все бесчисленные, стремительные и размеренные, перекрёстные звуки лесных голосов и движений и, будто с ними звучащая, игра света и тени. И всё это разом уносит последнюю мысль, оставляя лишь чувство ликования, превращая вас в слух и зрение. Если мы вправе говорить о волшебстве поэзии – это оно и есть. Стихотворение – образец звукописи высочайшего уровня. Из самых простых и тысячи раз употреблённых в литературе слов для описания леса, его обитателей сотворено нечто совершенно новое. Разве что определение «плещущийся» применительно к лесу, деревьям – это особое казанцевское. В финальной строке таким сочетанием поэт слегка меняет ритмический рисунок строфы, делая его волнообразным – «плещущимся».

Показательны и два других, ещё более простых на вид, восьмистрочных стихотворения: «Лебедь», написанное в 1980 г., и «Сияющее увяданье...» 2014-го. Они поставлены поэтом в один раздел книги, причём в относительной близости друг от друга, хотя в обоих одно «ведущее», многократно повторяемое слово – «сияющий». «Лебедь» – минута восхищённого созерцания:

*Сияющее удивленье –
По тонкому сиянью вод
Сияющее сновиденье,
Сияюще светясь, плывёт.*

*Сияющее восхищенье –
Под блестящею гладью вод
Сияющее отраженье,
Сияюще светясь, плывёт.*

Чувственный, зримый образ неторопливо скользящей птицы по водоёму, освещённому солнцем. Так же отчётлива звукопись, как в предыдущем примере, хотя здесь она в первую очередь призвана озарить «картинку», сфокусировать наше зрение, а не слух. Ярко «светящиеся» согласные звуки [с] и [ш'], с переливами гласных, заключены в словах «сияющий», «блещущий», а также в слове «восхищение» – обозначении «сияющего» чувства. Но индивидуальный приём иной: упор на одно-единственное слово, через которое и вокруг которого разворачивается образ.

И другое стихотворение:

*Сияющее увяданье,
А ты почему так пышно?
В блестящем твоём улетанье
Дыханье восторга слышно.*

*Сияющее твоё полыханье,
Сияющее твоё свеченье –
Сияющее твоё обещанье
Сияющего твоего возвращенья?*

Посредством того же слова, обращённого прежде всего к чувству, поэт приглашает здесь не столько к созерцанию, сколько к размышлению, к созерцанию внутреннему... В стихах Казанцева много переключек с другими поэтами, иногда они очевидны, порой зашифрованы, и обычно это не просто отсыл как знак созвучия, а свой особый портрет («Бунин в Париже», «Тютчев»), полемика или развитие идеи другого поэта. Здесь, как во всём остальном, Казанцев действовал очень тонко. Употребив в смысловом единстве всего два слова – «увяданье» и «пышно», неизбежно отсылающих к пушкинскому «Люблю я пышное природы увяданье», Казанцев обозначает любимую многими тему, от которой, однако, лишь отталкивается и выводит её в совершенно другой план. Минувя слово «природа» и не вводя ни одного растительного образа, тем не менее сквозь природный сияющий пейзаж он нацеливает наш взгляд на увяданье человеческое – возможно, впервые в истории мировой литературы без тени грусти и сожаления, без намёка на эту тень.

Лексическое богатство поэзии Казанцева не подлежит сомнению, его классические произведения разных лет также вошли в книгу «Взлёт», тем большего внимания заслуживают в ней такие стихи. И сказать, что «лексическая бедность» – свойство его позднейшей лирики, не получается, ведь даже два этих стихотворения разделяют почти 35 лет! Эту сущностную особенность в развитии поэзии Казанцева очень точно выразил поэт В.М. Петров в статье «Поэт

светлой стороны»¹, опубликованной в журнале «Молоко» в 2015 г.: «Возникает ощущение сознательного, установочного обеднения словаря и метафорической густоты, чтобы оставшейся горсткой слов можно было выразить нечто невыразимое». Такая установка «высвобождает энергию... избранных слов».

Простота, к которой стремился Казанцев, не имеет ничего общего с той, которая и с человеческой, и с поэтической точки зрения «хуже воровства». Казанцевская простота предполагает ясность выражения идеи, отсутствие туманностей и вычурностей, а в человеческом проявлении – ещё и скромность в притязаниях, отказ от гордыни и тщеславия. Казанцев отрицал простоту в смысле примитивности и наивности мышления, банальности, тем более глупости или грубости. Художественный смысл, движение мысли и проникающее чувство у него всегда не так просты, в отличие от «немудрёных слов и тем», не соблазняют доступностью.

Одно из значений слова «простой» в русском языке – «недостаточно отделанный»². В. Даль приводит ещё некоторые: «порожний, пустой, ничем не занятый» или даже «без особых достоинств»³. Эти значения тоже присутствуют в нашей жизни и порой именно они ведут «не туда» «поэтических простаков», громыхающих словами и смыслами.

О своём понимании простоты Казанцев определённо и с улыбкой высказался в 2010 г.:

*Всё это просто, очень просто,
Всё это очень, очень просто,
А то, что очень, очень просто,
Создать совсем, совсем не просто,*

*А если было б очень просто
Создать всё то, что очень просто,
О как всё просто было б, просто.
...Вот в этом-то и весь вопрос-то.*

* * *

В жизненном общении Казанцев, как в стихах, был прост и доброжелателен, но всегда держал дистанцию; дистанция заложена и между любым его стихотворением и читателем. Этот промежуток создан не холодом или высокомерием, в нём нет вакуума и гулкой пустоты, там – воздух и необходимая свобода, оставленная им читателю и себе. Соприкосновение с его поэзией исключает панибратство, она автоматически ставит заслон как от лишнего уместования, так и от примитивных трактовок, всё надуманное не пристанет, будет отброшено. Менее всего к поэзии Казанцева применимо и понятие «задушевность»: «Своей души телелюбивою/ Не выставлял я напоказ». Это поэзия сильного чувства (или, по словам самого поэта, «лирического напряжения мысли»⁴), уходящего в глубину.

¹ <http://moloko.ruspole.info/node/6178>

² Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 2004. – С. 72.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Русский язык, 1998, в 4-х т. Т. 3. – С. 512.

⁴ Из интервью с В.И. Казанцевым, помещённого на обороте сборника «Счастливый день». – М.: МГО СП России, 2004.

* * *

Замысел итоговой книги Василия Казанцева выше и значительнее, нежели отбор лучшего. Она не просто итог жизненно-творческого пути, измеренный в поэтических вершинах, она не что иное, как биография духа – поэтическая проекция его восхождения. Всё основное, чего коснулись душа и ум поэта в течение жизни, главные состояния души и открытия мысли в их художественном претворении составляют её идейную основу.

Книга включает десять разделов, названия которых отсылают к стихотворениям разных лет: «Раскрывая книгу», «По тайге блуждает Чая», «История – как время. Обратно не идёт», «Весть», «Счастья зов», «Облик», «Вечный ковчег», «А что милее красоты?», «Память, радость любви», «Ну, улыбайтесь же смелее». Хронологически произведения охватывают период с 1953 по 2018 год, 65 лет поэтического века. Всего их около 300, как новые, так и не раз публиковавшиеся в журналах и книгах – многие в новой авторской редакции.

«Взлёт» – своего рода лирико-философский роман, с ретроспекциями и перекличкой тем и времён, где жизнь героя проходит на фоне эпохи, не втягиваясь в неё. Хоть время в нём не линейно, каждое стихотворение строго на своём месте. Несмотря на то что высвечивание особенностей века никогда не являлось главной творческой задачей поэта Казанцева, сам век вполне узнаваем («От далёкой дороги усталый», «Это мы отразились в недвижных озёрах...», «Окопы старые оплыли», «Не виноват, не виноват...», «Бунин в Париже», «Метро» и др.). По этим произведениям видно, чем в первую очередь было для него то время и как он взаимодействовал с ним. Иногда век опосредованно предстаёт в неожиданных собирательных портретах («Фронтовичка», «Одиноким солдат», «Не жнёт, не пашет и не сеет...») или тонко просвечивает в таких стихах, как «С поля медленно шла, вечерело...».

В отношениях со своим временем и в выражении его Казанцев, действительно, очень «тих», и в этом ему как нельзя лучше подходит определение «тихая лирика», но, как всякий большой поэт, он перешагивает ограничивающую формулировку (в «тихости» Казанцева сомневался и критик Вадим Кожинов). Итоговая книга поэта – это в первую очередь лирика философская. Размышления о человеке и его пути, без привязки к конкретной эпохе, но в неразрывной связи с родной землёй и природой, узнавание себя в их зеркале: «Открытие, открытие, открытье/ Земли, и неба, и себя, себя». Предельное обобщение черт, положений, поступков, пейзажей и – конкретика переживания и мысли. Сосредоточение на главном. Потому почти все вошедшие в книгу стихи свободны от имён собственных или освобождены от них в процессе переработки. Так, из стихотворения «Лошадь», написанного ещё в 1967 г., поэт убрал первую строфу, где животное называлось по имени: «Эта лошадь – по имени Домна...». Стало яснее, что это песнь вообще о крестьянской лошади.

Те же имена, что присутствуют, безусловно, знаковы, они – символы, как река Чая, символ малой родины поэта, напитавшей его начала.

Надо сказать, в этом смысле – в смысле свободы от названий, типизации – ближе всего к итоговой стоят две последние книги поэта: «Избранные стихотворения» и «Восторг бытия», изданные в Томске соответственно в 2011 и 2017 годах. Композиционно, идейно их можно считать предшественниками «Взлёта».

Нет в книге «Взлёт» и стихов с посвящением, а одно стихотворение со временем даже утратило название-посвящение. Когда-то оно было адресовано Иннокентию Анненскому:

*Принимаю как должное
От стремительных лет
Невнимание долгое,
Запоздалый привет.*

*И – внимание долгое,
Неминуточный привет.
Принимаю – как должное.
Страху времени – нет¹.*

Названия больше нет, потому что давно уже и сам Казанцев понял, что стихи эти он напроорочил себе, а кроме того – разве ни к кому больше не могут они относиться? Что же до Анненского, он был и остался одним из самых дорогих сердцу Казанцева поэтов, и в книге «Взлёт» мы находим ещё одно скрытое послание ему, летящее сквозь целый век, из 2015-го года:

*И льются с неба, льются волны света,
Всё льются с неба, льются волны света –
Сияющее солнце греет всех.
Всех греет Солнце. Всех. Всех. Всех.*

*Не потому, что судит так нестрого,
Не потому, что света своего
Ничуть не ценит, – потому что много,
Так много, много света у него.*

Несомненно, это отклик на хрестоматийное стихотворение Анненского «Среди миров». Казанцев обычно не вторит, а полемизирует с любимыми классиками, но в его полемике столько мягкости, восхищения, столько мудрости и благодарности – за их уроки, за неразрывную поэтическую связь, за то, что всегда есть, от чего оттолкнуться ищущей мысли. Это «спор» не ради утверждения своей находки, он ради восполнения цельной картины мира, без которой невозможна истина, – оттого так легко предлагает поэт иное видение. Стихотворение Казанцева написано тем же размером, что и у Анненского, так же состоит из двух строф, в нём использован узнаваемый отрицательный параллелизм «не потому... (а) потому...», и оба поэта говорят о звезде. Только если Анненский, в надежде разрешить «тяжёлое сомнение», обращает свой взор к некой Звезде, «мерцающей» во тьме Вселенной, «Не потому, что от Неё светло,/ А потому, что с Ней не надо света», то Казанцев переводит взгляд на Солнце – главную для человека звезду, у которой тепла и света хватит на всех. Символизм Анненского остаётся загадкой, символизм Казанцева прозрачен, как льющиеся с неба «волны света».

Такой же отклик – восьмистишие «Нет, не скрывайся, не таи...», расположенное следом за стихотворением «Тютчев» и прямо отсылающее к классику.

Тютчев – ещё одно имя-знак в книге «Взлёт». Это философская поэтическая традиция, линия, которой наследует Казанцев в литературе. На Тютчева, в свою очередь, сильнейшее влияние оказал Гёте. Казанцев в своей книге отдаёт дань и великому немецкому поэту. В стихотворении «Прощай, учёный кабинет...» он ставит вопрос о счастье – от имени Фауста признаёт, что счастья нет. А рядом

¹ В. И. Казанцев. «Дочь». – М.: «Советский писатель», 1969. – С. 51 (в книге «Взлёт» это стихотворение приведено в новой авторской редакции).

помещает стихи, где цитирует уже русского гения: «Поэт сказал: на свете счастья нет». Им обоим – Гёте и Пушкину – он ответит в этой же книге, противоположит им своё слово.

Казанцев наследует своим предшественникам в методе и главной теме, основной мировоззренческой установке, выраженной Тютчевым:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

А дальше он ведёт эту тему своей дорогой и раскрывает её по-своему. Как верно заметил о Казанцеве доктор филологических наук, профессор Томского университета А.П. Казаркин, «в старой терминологии, это натурфилософская лирика», но «без наукообразности», это «философская лирика», но «без назойливой метафизики»¹.

В отношении природы поэт – всегда созерцатель, не деятель в исходном смысле, не преобразователь. Казанцев в высшей степени талантливый созерцатель, он замечает малейшие изменения в природе, как в движениях своей – человеческой – души, которые часто являются ему отражёнными в природе. Неустанно вслушивается, вглядывается, проникает чувством, переживает мгновение за мгновением и при этом не хочет останавливать даже самое прекрасное из них, потому что душа всегда будет ждать ещё более прекрасного.

Соотнесение природных ритмов и проявлений с человеческой жизнью – общее место в мировой поэзии, её исходный код, и каждый поэт питается из природного источника. Даже когда перед читателем просто пейзаж, без какого-либо намёка на человека, ему свойственно сравнивать, сопоставлять. Лирический герой Казанцева всматривается в лица природы, ищет схожести, исповедуется ей, а она его выслушивает и тоже доверяет свои тайны, она его лучший друг и собеседник.

«Взлёт» начинается разделом «Раскрывая книгу». Буквальный, казалось бы, смысл его названия, перекликается со стихотворением 2006 года из того же раздела:

*Я жду счастливейшего мига,
Минуты радостнейшей той,
Когда счастливейшая книга
Раскроется передо мной...*

Что же это за книга? «Взлёт»? Любая другая из тех, что он любил? Казанцев был начитан, эрудирован, истинно образован. С отличием окончил историко-филологический факультет Томского университета, где получил фундаментальное гуманитарное образование. Он ценил свои знания и опирался на них. Много читал, без книг не жил. Но он никогда не был целиком в книгах, не был «книжным» человеком. Подразумевать здесь только книгу в привычном понимании было бы слишком просто для такого поэта и слишком просто для «Взлёта». Поэтому, углубившись чуть дальше в чашу страниц, мы находим ответ на этот вопрос в 2009 году:

¹ Из речи д-ра фил. наук А.П. Казаркина, написанной специально к презентации книги В.И. Казанцева «Взлёт» и зачитанной на презентации в СП России 15 февраля 2022 г.

*По лесу с восторгом шагает
Весёлый лесной человек,
И книгу природы читает
Весёлый лесной человек.*

*Он книгу с восторгом читает,
Идя в озарённую тьму, –
И книга восторгом сияет,
Горячим восторгом сияет,
Безмерным восторгом сияет,
С восторгом раскрывшись ему.*

Последняя книга Василия Казанцева чрезвычайно интересна и как поэтическое целое, и в контексте всего его творчества. В ней запрятано много загадок, хотя читается она легко. Легко воспринятые, стихи тут же мягко побуждают вернуться к началу, сами собой подталкивают к повторному прочтению. «Казанцев объёмен и широк в каждом... коротком стихотворении», – написал поэт Владимир Андреев в 2016 г. в статье «И невозможное – возможно», напечатанной в «Нашем современнике»¹. Понимание этих стихотворений происходит постепенно, и часто чуть с запозданием они влекут за собой неожиданно сильный отклик чувства.

В книге зашифровано главное из жизненного и творческого пути поэта, приведшее его к «Взлёту». Каждый большой писатель, даже когда сосредоточивает внимание на болевых или характерных точках эпохи, неизбежно выходит на уровень более высокого обобщения и пишет о том, что присуще всем временам. Казанцев же в этой книге пишет почти исключительно о вечном. Сквозь «вечное время» проходят одни и те же типы людей, сквозь вечное время идёт добро и зло, сквозь вечное время глядит на нас природа, а поэт остаётся верен себе.

Во внутреннем плане – это неустанное движение вперёд и вверх, по спирали: прохождение уроков, прояснение смыслов, укрепление чувств каждый раз на новом витке. Осмысленный круговорот жизни: «Отцветает одно, зацветает другое...». Отражена в книге и сама энергия этого движения, его траектория («Велосипедистка», «Фигурист», «Взлёт» и др.), и самое первое, ещё детское ощущение будущего полёта – в стихотворении 1978 года:

*Я в кузов тайно забирался,
В комок сжимался на мешках,
Я на ходу за борт цеплялся,
Как плеть, мотался на руках.*

.....
*И вот однажды в волнах гула,
В разноголосье страдных дел
Так на ухабе вдруг качнуло,
Что я над кузовом взлетел.*

*И окрылённо-цепкой силой,
Воздушной, лёгкой, ветровой,
Меня неслышно подхватило,
Листком взметнуло над землёй.*

¹ Журнал «Наш современник», №8, 2016 г.

*И над лесами и лугами...
И над разливами полей...
И над морями и горами...
И всё быстрее, быстрее, быстрее.*

*Быстрее самых быстрыкрылых.
И легче самых легкокрылых.
И стынет кровь от ветра в жилах.
И всё вперёд, вперёд, вперёд.
Сквозь свет. Сквозь мрак. И вот – не в силах
Уже остановить полёт.*

Это развитие исходного, данного, полученного от жизни в самом начале – от родной земли, родных людей, учителей. Учёность не увела его от главных истоков, напротив, помогла понять и о многом рассказать. Он спорил с учителями, что естественно для лучших учеников и необходимо для продолжения пути, и даже отступал от правил, хотя, как всякий взыскательный художник

*Вдруг неожиданно представил
И отступление само
Как знак незабытых правил,
Как след далёких, верных правил,
Как свет старинных, строгих правил,
Как блеск древнейших, вечных правил.*

Казанцев – классик, целенаправленно совершенствовавший себя в традиции. Как яркий знак и доказательство тому – стихотворение 1978 года, открывающее книгу «Взлёт», оно из тех, что можно охарактеризовать используя слова В. Андреева, как «классическое по выражению и совершенное по форме».

*Что прекрасно, а что безобразно,
Разберёт, не жалеючи сил,
Только время... Но время – пристрастно.
Разве ты – не во времени жил?*

*Разве времени вечное бремя
Ты не слышал, по жизни идя?
... Сам ты – разве не вечное время,
Отгремевших времён судия?*

Произведение построено на антитезе, одном из любимых приёмов многих классиков, в том числе Тютчева. Известной и в целом справедливой мысли о том, что окончательную оценку всему вынесет время, поэт противопоставляет другую: «Но время пристрастно», – аргументируя её тремя риторическими вопросами. Время пристрастно, потому что оно – в том смысле, о котором здесь речь, – и есть человек, а ему никогда не быть до конца объективным. Так что не стоит сильно уповать на время, можно попытаться понять что к чему уже сейчас. Сам автор так и сделал, тщательно отобрав стихи для итоговой книги, и теперь приглашает читателя смелее входить в её пространство, и думать, искать, и выносить оценку. В конце концов, следуя логике диалектического единства, время разберёт и это.

КРИТИКА

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

«ЗАСВЕРКАЮТ ГРАНЯМИ СЛОВА...»

О книге Тамары Потёмкиной «Знакомство с Непалом»

Выход в свет книги «Знакомство с Непалом» – событие исключительно важное даже для нынешнего богатого на события времени. Прежде всего, эта книга продолжает знакомить российского читателя с литературой Непала – далёкой и для большинства из нас загадочной страны с экзотичной и самобытной культурой, героической историей, богатой и красивой религиозной традицией. Каждый из поэтов, представленных в книге, открывает перед читателем духовный мир Непала, вопросы и проблемы, входящие в круг интересов непальского народа, а также основные формы литературного творчества. Книга посвящена памяти выдающегося деятеля российско-непальских культурных связей, поэта и переводчика Кришны Пракаша Шрестхи. На протяжении многих лет Кришна сотрудничал с русскими литераторами, разрабатывая и осуществляя многочисленные литературно-просветительские проекты, направленные на укрепление дружбы и сотрудничества между Непалом и Россией. Кришна Пракаш Шрестха был истинным подвижником культуры, бескорыстным и неутомимым, высококультурным и образованным человеком, истинным интеллигентом. Своей творческой и организаторской деятельностью он заслужил почётное место в истории российской литературы и в памяти российских собратьев по перу.

Стихи, собранные в книге «Знакомство с Непалом», перевела на русский язык Тамара Викторовна Потёмкина – известный российский поэт, прозаик, переводчик и общественный деятель. Творчество Тамары Потёмкиной хорошо известно российскому читателю, её произведения отмечены многочисленными литературными наградами, они постоянно публикуются на страницах авторитетных литературных изданий. Осуществляя стихотворные переводы непальских поэтов, пишущих на государственном языке непали, а также на невари – одном из языков Непала, она стремилась не только к максимально точной передаче содержания поэтических текстов, но и к воссозданию в координатах русской поэзии самобытного духа непальского народа и индивидуального образа каждого автора. Тамаре Викторовне посчастливилось работать над переводами в творческом контакте с Кришной Пракашем Шрестхой – нашим другом, непальским литератором, владеющим русским языком. Кришна был не просто создателем подстрочных переводов (хотя с этой задачей он справлялся мастерски – вдохновенно и профессионально), он был ещё и удивительно чутким консультантом, стремящимся вник-

нуть в особенности и нюансы русского поэтического языка, но и принципиально отстаивающим точность своего национального слова. Говорю об этом ответственно, так как в моей жизни также был опыт творческого сотрудничества с Кришной Пракашем Шрестхой. В 2011 году он предложил мне стать литературным переводчиком поэмы великого непальского поэта Лакшми Прасада Девкоты «Муна и Мадан». Перевод был осуществлён и вышел на двух языках, под одной обложкой с поэмой А.С. Пушкина «Цыганы», переведённой на язык непали.

Это издание стало значительной вехой в истории российско-непальских культурных связей. В ходе работы над переводом Кришна проявил себя как настоящий профессионал, способный к компромиссу, но сохраняющий нестигаемую принципиальность в отстаивании своей позиции в тех случаях, когда он считал компромисс недопустимым.

Как человек, значительную часть своей литературной деятельности отдавший поэтическому переводу, могу сказать, что переводы Тамары Потёмкиной полностью соответствуют критериям переводческого мастерства. Ей удаётся в координатах русской поэзии ярко и убедительно передать и духовную содержательность стихов, и колорит природы Непала, и неповторимую индивидуальность каждого из представленных авторов. Общечеловеческая гуманистическая направленность книги органично сочетается с национальным духом Непала, запечатлённым в творческом воображении переводчика. Вот, например, как звучит стихотворение поэта Йога Бира Сингха в переводе Тамары Потёмкиной:

*Если не любишь язык родной,
Можно ль гордиться своей страной?*

Как актуальна эта мысль сегодня, в эпоху глобализации, когда национальный дух зачастую агрессивно вытесняется на обочину магистральных направлений культуры! Важная роль в этой ситуации принадлежит носителям и хранителям родного языка – народным поэтам. Мы можем оценить по достоинству, как отчётливо, бережно и красиво передана эта мысль в переводе Тамары Потёмкиной. Стих звучит органично, заставляя забыть, что это перевод, а не оригинал.

А вот как красиво и точно звучат слова поэта Читтадхара Хридайи, посвящённые Солнцу непальской поэзии – Сиддхидасу:

*Но твоя поэзия жива!
Как маяк во тьме, спасает души.
Засверкают гранями слова –
Их науку сердцем надо слушать.*

Здесь всё – и национальный колорит, и точное художественное слово, и классический русский стих. Тамара Потёмкина совершила чудо творческого перевоплощения, подарив российскому читателю целый поэтический мир, прежде бывший для него практически недоступным.

Книга переводов Тамары Потёмкиной является и большим вкладом в российскую культуру, и подарком для отечественного читателя – ценителя поэзии. В нынешнее время, когда поэтическое слово отпущено в вольное плавание в океане свободного рынка, возрастает роль истинных подвижников, открывающих перед нами горизонты мировой литературы и национальной духовности. Одним из таких подвижников является поэт и переводчик Тамара Викторовна Потёмкина. Её новая книга переводов «Знакомство с Непалом» станет важным фактором отечественной культурно-общественной жизни и литературного процесса.

Часовня

Протоиерей Павел Боянков

МИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

... Ее непростая история неразрывно связана со строительством Либаво-Роменской железной дороги, образованной в 1877 году путем объединения Либавской и Ландварово-Роменской железных дорог (минский участок сдан в эксплуатацию в 1873 году). Дорога связывала порты Прибалтики с югом России и в Минске пересекалась с Московско-Брестской железной дорогой.

Пути пролегали за чертой города, в западном и южном направлениях от исторического центра Минска. Здесь возникли и начали интенсивно застраиваться и развиваться поселки Добрые Мысли, Уборки, Серебрянка (или Железнодорожный поселок), где проживали в основном железнодорожники – служащие и рабочие, они же владельцы деревянных домов и приусадебных участков.

Дело в том, что железнодорожники занимали тогда весьма привилегированное положение среди других промышленных рабочих Минска. Их месячный заработок составлял в 1911 году не менее 32 рублей, в это же время заводской рабочий получал в среднем 15,2 рубля. В книге Захара и Софии Шибеко «Минск: страницы жизни дореволюционного города» отыскалась прелюбопытнейшая цитата: «Крестьяне старались устроиться на железную дорогу. Помогало то, что туда принимались только христиане».

Поскольку жители этих поселков главным образом принадлежали к православному вероисповеданию, очень быстро встал вопрос о создании для них самостоятельного прихода и постройке в Минске нового православного храма.

В 1889 году Святейший правительствующий Синод издал указ, в соответствии с которым было дано разрешение на строительство небольшого (в первоначальном варианте) деревянного храма. Одновременно минские городские власти выделили земельный участок на пересечении Ново-Московской (древний Койдановский тракт) и Захарьевской улиц, которые соединялись между собой в районе современной площади Мясникова.

На этом месте в октябре 1890 года и была освящена церковь в честь Казанской иконы Божией Матери (для минчан – Привокзальная или Железнодорожная). В дальнейшем она неоднократно реконструировалась: изначально неболь-

ших размеров и прямоугольная в плане, уже к 1898 году, за счет расширения и дополнительных пристроек, приобрела крестообразный вид с небольшим деревянным куполом в центре. Тогда же при церкви было учреждено братство, главной задачей которого стал сбор средств на постройку в этом же районе нового и более вместительного каменного храма. Первоначально была возведена каменная часовня.

Однако процесс проектирования и поиска денег несколько затянулся и окончательный проект был утвержден только в 1909 году. Одновременно было получено разрешение на строительство.

По своей архитектуре церковь была очень оригинальной и выразительной, были использованы мотивы древних храмов Византийской империи, ощущалось влияние и болгарского зодчества. Теперь специалисты называют этот стиль псевдовизантийским или неовизантийским.

Среди железнодорожников был организован сбор средств, кроме того, большие пожертвования поступили от самого управления Либаво-Роменской железной дороги. Создали и специальный строительный комитет, под руководством которого велись работы.

Интерьеры новой церкви были богато декорированы. Звон медных колоколов, отлитых по спецзаказу, был слышен за несколько километров от современной площади Мясникова.

Освященный в октябре 1914 года, храм, помимо главного, имел еще один престол – во имя святителя Алексия, митрополита Московского. Тогда же прежнюю деревянную церковь, которая располагалась от новой метрах в ста, приспособили для хранения церковной утвари. В дальнейшем – ни в годы I мировой, когда минский железнодорожный узел неоднократно подвергался бомбардировкам немецкой авиации, ни во время гражданской войны – храм не пострадал.

Самую трагическую страницу в этой истории открыли события 1917 года. Пришедшие к власти богоненавистники стали последовательно проводить политику, направленную на полное уничтожение и искоренение Православия. Гонения не обошли стороной и Свято-Казанскую церковь. Сохранились характерные публикации в газете «Звезда» за 1930 год (публикуем с полным сохранением орфографии).

«Медзь званоў – у кацёл індустрыялізацыі

Чыгуначнікі патрабуюць закрыцця чыгуначнай царквы.

На станцыі Менск МВВ чыгункі адбыўся агульны сход рабочых таварнай станцыі, службы эксплёатацыі і сувязі. Прысутнічала каля 300 чалавек.

Агульны сход аднагалосна патрабаваў ад ураду неадкладнай перадачы чыгуначнай царквы пад культустановы.

Сход адначасова ўзняў хадайніцтва закрыць усе будынкі рэлігійных культаў.

Паколькі наша прамысловасць адчувае патрэбу ў мэталі, сход настанавіў прасіць урад зняць царкоўныя званы і перадаць іх на патрэбы індустрыі. (sic!).

Сход узняў пытаньне перад гарсаветам аб вывадзе са складу гарсавету дэлегата Акуліча Андрэй (sic!), які адмовіўся падпісацца пад лістом аб закрыцці царквы.

5 студзеня 1930».

Очень быстро соответствующие решения были приняты:

«Чыгуначная царква зачынена

Пазаўчора Менскі гарсавет выканаў прапанову рабочых-чыгуначнікаў аб зачыненні чыгуначнае царквы.

З царквы быў зняты вялікі крыж. На яго месце над будынкам былое царквы, зараз КЛЮБУ ЧЫГУНАЧНІКАЎ – узьвіўся чырвоны сьцяг.

7 лютага 1930».

Одновременно в деревянном здании, о котором говорилось выше, разместился клуб для глухонемых.

В 1936 году, во времена «безбожной пятилетки», каменный храм и часовня были уничтожены. Описание этого преступления находим в содержательной работе Геннадия Шейкина «Из церковной истории города Минска»: «Всеми работами руководил генерал Григоренко, получивший широкую известность в 70-х годах как советский диссидент. В 30-е годы о нем гремела слава как об отменном специалисте по подрыву храмов. С этой целью он был специально приглашен в Минск. На работу специалиста пришли посмотреть руководители белорусского правительства, среди которых были Гикало, Голодед и Червяков. Для удобства они разместились на балконе левого крыла Дома Правительства (вскоре все они попадут в разряд врагов народа – П. Б.). Чтобы видимость была хорошая, взрыв назначили на шесть утра, с рассветом. После того как он прогремел, все увидели, что здание Свято-Казанского собора перестало существовать».

Довоенная минчанка вспоминала: взрыв был такой силы, что в доме по улице Железнодорожной остановились настенные часы. В дальнейшем образовавшееся пустое место было расчищено и названо площадью Мясникова, такой мы видим ее и сегодня.

... Шли годы. Определенные попытки возрождения в Минске Свято-Казанского прихода пришлось на начало 2000-х и по ряду причин не увенчались успехом. В настоящее время мы являемся свидетелями значительного повышения активности в этом вопросе.

Старейшее поколение столичных железнодорожников возвело свой храм, последующее – дожило до его закрытия и разрушения. А что же поколение нынешнее?

Есть надежда, что оно обретет дорогу к храму. Свято место не занято, сохранился и фундамент. После завершения масштабной реконструкции площади Независимости транспортные потоки в районе площади Мясникова изменились кардинально.

Восстановление Свято-Казанской церкви на ее старом законном месте никак не усложнит дорожную обстановку, но станет для Минска событием знаковым, подобно воссозданию в Москве храма Христа Спасителя.

Немижка

Мария ЛЕБЕДЬКО

ДА ЗДРАВСТВУЮТ КАНИКУЛЫ

Ура! Ура! Каникулы! Чудесная пора!
О днях весёлых думала, мечтала детвора.
Ведь бабушка соскучилась... Клубника зацвела...
И ждут ребят, конечно же, великие дела.

Горячие три месяца, а дел не впроворот.
Скопилось их достаточно за весь учебный год:
Стать сильными и ловкими, немного загореть.
Ведь время скоротечное. Хотя бы всё успеть...

Каникулы! Каникулы! Вновь лето на дворе!
А значит, будет с дедушкой рыбалка на заре,
Костёр, в золе картошечка, душистая уха.
А комары? Да бросьте вы! Ведь это чепуха!

Да здравствуют каникулы! Каникулам – ура!
Куда девались вялость, лень? Куда ушла хандра?
Они в крапиву спрятались у старого плетня,
А в лето стайкой шумною умчалась ребятня.

БРАТИШКА

Младший мой братишка Стёпа –
Ну какой-то недотёпа:
Словно слон в посудной лавке,
Хоть пристёгивай булавкой!
Всё, что в руки ни возьмёт,
То сломает, то порвёт.

В людном месте потеряться
Может он и испугаться.
И «посеять» шарфик, шапку
Да ещё вещей охапку,
А затем стоять, реветь,
Кулачком глаза тереть.

Я позлюсь, позлюсь немножко,
Стёпкину возьму ладошку
В руку тёплую, родную
И братишку поцелую...
Пусть он маленький, и всё ж
На меня он так похож!

ТЁТУШКА-ПРОСТУДА

Тётушка-простуда,
Ты пришла откуда?
Почему забит всерьёз
И совсем не дышит нос?
Почему глаза слезятся,
Света белого боятся?
Почему бросает в жар
И «под мышками» пожар?

Я тебя не приглашала,
Стол тебе не накрывала.
Ты пришла без приглашенья,
Не дождёшься угощенья.
Ароматный чай с малиной
И лимончик жёлтый длинный
Мне помогут справиться
От тебя избавиться.

ГНОМ

Надёжный и умный, заботливый гном
Давно обитающий в доме моём,
«Хозяйство ведёт» и «порядок наводит»,
Ночами по кухне тихонечко бродит.
 Он добрый, весёлый, он славный и важный.
 С мирами другими он воин отважный:
 Мышей погоняет и призраков тоже,
 Но может при этом стащить пару ложек.
Помадой, конечно, не красится гном,
Но если припрячет – всё в доме вверх дном.
А он пошалит и на полку подбросит,
Когда его тихо об этом попросят.
 Он чай пьёт с конфеткой. Он любит печенье.
 Блины ест по праздникам, смазав вареньем.
 Когда нет хозяев, а кошка скучает,
 Её пожалеет и с ней поиграет.
Когда на работу уходит семья,
Мой дом под защитой – уверена я.
Пока за плитой дремлет старенький гном,
Всё будет в гармонии в доме моём.

ЗАМЕСТИТЕЛИ

Зачем на свете бабушки и дедушки? Зачем?
Совсем простую истину поведаю я всем:
Для наших вечно занятых, загруженных родителей
Придумали ответственных и славных заместителей.
Ведь по любому поводу и малости любой
Галопом к деду с бабушкой несёмся мы с тобой,
Любовью нежной, ласкою чтоб каждый был согрет.
Одаривают мудростью и бабушка, и дед.
 За всё они тревожатся, всё держат на контроле:
 С кем дружим, как общаемся на улице и в школе?
 В театры и музеи, концерты и кино
 Билетов пачка куплена и ждёт давным-давно.
 ... Умеют всё: ошибки исправить нам в тетрадке
 И на колене дырочку запрягать под заплатку.
 Снеговика под окнами для внуков слепит дед.
 Бабуля приготовит свой фирменный обед.
Какая ещё пенсия? На даче знойным летом
В компании с внучатами и мысли нет об этом.
Ещё с зимы в запасе есть бинты и марганцовка,
И ждёт скорей каникулы бесценная зелёнка.
Нет в мире нянь заботливей, чем бабушка и дед:
Собой закроют вовремя от сотни разных бед.
Лишь часть их дел припомнилась. Да что и говорить:
Когда есть дед и бабушка, намного легче жить!

Написанное – остается!

ВАШ ВКЛАД В КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Малотиражное издательство

- ✓ Воспоминания, стихи, проза, ноты
- ✓ Издание учебно-методических пособий
и разработок в помощь учебному процессу
- ✓ Репринтное издание редких
и уникальных книг
- ✓ Широкий выбор музыкально-
образовательной литературы

ВИТ *постер*
ИЗДАТЕЛЬ ВАРАКСИН

По интересующим Вас вопросам
обращаться по телефонам:

8-029-670-55-39

8-029-637-03-60

ОСТАВЬ СВОЙ СЛЕД

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:
для индивидуальных подписчиков – 00352
для ведомственной подписки – 003522